This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 1455.18

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887.)

Received Sept. 17, 1897.

I.

СѢВЕРНЫЯ СІЯНІЯ.

ЗАПИСКИ ДРУЗЕЙ РОССІИ,

ЕЯ ДЕРЖАВНАГО ВОЖДЯ

верноподданныхъ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ В. ОТПѢТЫЙ.

II.

НѢСКОЛЬКО ВОЗРАЖЕНІЙ

НА ОТДѢЛЬНЫЯ МѢСТА КНИГИ

„СѢВЕРНЫЯ СІЯНІЯ“.

ИЗДАТЕЛЬ В. ОТПѢТЫЙ.

ЛЕЙПЦИГЪ.
Типографія Бера и Германна.
1882.

Slav 1455.18

HARVARD COLLEGE
SEP 17 1897
LIBRARY.
Gift of
A. C. Coolidge.

СѢВЕРНЫЯ СІЯНІЯ.

Оглавленіе.

Стран.

Предисловіе 3

Проектъ земельно-податной реформы

Введеніе:

Противу-правительственныя проявленія и усилія правительства къ охраненію государственнаго порядка и особы Государя . . . 9

Причины, породившія у насъ противу-правительственные элементы. Происхожденіе этого явленія. Нѣкоторыя выдержки изъ его исторіи. Воззрѣнія на мѣры къ его устраненію 11

О мѣрахъ къ выходу изъ этого ненормальнаго положенія . . 17

Что такое и изъ чего состоитъ нашъ пролетаріатъ? Нигилизмъ — какъ его отростокъ 18

Причины зарожденія у насъ пролетаріата. Эмансипація крестьянъ. Надѣлы и перенадѣлы. Взгляды на эти предметы правительства и политико-экономовъ. Незаконность нынѣшняго основнаго взгляда на земледѣльческое сословіе. Платежныя тяготы крестьянъ. . 21

Притча 32

Дворяне-землевладѣльцы; землевладѣльческое кулачество. Проявленіе иноземнаго землевладѣнія на нашихъ окраинахъ. Интеллигентный пролетаріатъ. Коммиссіи свѣдущихъ людей и предметы ихъ обсужденія. Маломощность дебатируемыхъ мѣръ. Нераціональность самой идеи о надѣлахъ 36

Выдержки изъ положеній философовъ-человѣколюбцевъ по земельному вопросу. — Старо-русскія традиціонныя отношенія къ землѣ. — Уравненіе тяготы повинностей 42

Проектъ 47

Мнѣнія профессоровъ и ученыхъ о проектѣ земельно-податной реформы:

Мнѣніе первое 59

Мнѣніе второе 63

Стран.

Получавшіяся до передачи труда въ печать замѣчанія и наши отвѣты на нихъ 65

Особыя прибавленія:

I. Послѣ Варшавскихъ безпорядковъ 79

II. Нѣсколько словъ по учебному вопросу и цензурѣ 83

О загроможденности министерства внутреннихъ дѣлъ . . . 93

По вопросу административно-политическому 97

По вопросу внутренней политики 109

О необходимости имѣть въ Россіи министерство земледѣлія . 117

По вопросу польскому 129

Отъ редактора-издателя: по поводу раздѣленія книги на два выпуска; приглашеніе къ присылкѣ возраженій на различные отдѣлы книги издателю для печати; касательно присоединенія „нѣсколькихъ возраженій“ къ этой же книгѣ . 145

НѢСКОЛЬКО ВОЗРАЖЕНІЙ

НА ОТДѢЛЬНЫЯ МѢСТА КНИГИ.

Оглавленіе.

Замѣтка по поводу программы „третьихъ“ (соціалистовъ) на стран. 18ой 151

Замѣтка по поводу одного мѣста (стр. 132—133) статьи „По польскому вопросу“ 155

Замѣчаніе на статью о еврейскихъ погромахъ (на стран. 79ой) 171

СѢВЕРНЫЯ СІЯНІЯ.

СѢВЕРНЫЯ СІЯНІЯ.

Записки друзей Россіи,

ЕЯ ДЕРЖАВНАГО ВОЖДЯ

вѣрноподданныхъ.

ГОСУДАРЬ! И ТЫ, СВЯТАЯ РУСЬ! Только тѣ истинные друзья ВАШИ, кто честно, смѣло говоритъ ВАМЪ правду!

Мы знаемъ, что эта правда во многихъ отношеніяхъ — *правда горькая*.... Но преступленіемъ было бы со стороны истинныхъ гражданъ — въ особенности въ нынѣ переживаемое нами тяжелое время — колебаться говорить ли ее, медлить: это значило бы содѣйствовать возможности осуществленія и по отношенію къ Россіи Гомеровскаго слова:

*„Будетъ нѣкогда день — и погибнетъ священная Троя!“**)

Изьмите же изъ этой книги, ГОСУДАРЬ! И ТЫ, РУСЬ! все, что заключаетъ она плодотворнаго, и да осѣнитъ ВАСЪ своимъ свѣтомъ истина!...

А Вы, „мужи совѣта“ ГОСУДАРЕВЫ! Вы, причастные къ кормилу правленія! Да проникнитесь Вы всецѣло лишь чистотою Высокихъ предначертаній, и да почнется *Вами еще* оздоровленіе страны! Въ такомъ случаѣ и Вамъ книга сія послужитъ на пользу!...

Тотъ изъ Васъ Сановниковъ, къ ГОСУДАРЮ ближе стоящихъ, который въ настоящее смутное время послужитъ проводникомъ правды къ НЕМУ, ужъ этимъ однимъ стяжаетъ себѣ благодарность Страны — и неминуемо впишетъ Она его имя на лучезарную скрижаль Исторіи Своей, на скрижаль чести и добра.

Авторы и редакторъ-издатель статей этой книги знаютъ, конечно, что общій трудъ ихъ далеко не совершенъ, что навѣрное

*) Иліада, 4 пѣснь, стихъ 164.

тотъ или иной свѣтлый умъ еще глубже разъяснитъ роковые вопросы, укажетъ еще лучшія мѣры, служащія ко благу всѣхъ вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности; — но они тѣмъ не менѣе считаютъ и себя вправѣ внесть свою лепту въ общую сокровищницу, долженствующую служить счастію Россіи, и благословятъ во всякомъ случаѣ свой теперешній шагъ и тогда уже, если, благодаря ему, хоть нѣсколько разрѣдится туманъ, Русь теперь застилающій, если облегчится хоть сотая доля нынѣшняго горя . . .

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не безъ свѣтлыхъ надеждъ печатаемъ мы эти записки. Внемли имъ, ГОСУДАРЬ! Пойми ихъ вѣрно, РУСЬ!

Напечатаемъ ли мы только это, или будемъ и продолжать (такъ какъ матеріяловъ у насъ много), скажетъ время: все зависитъ отъ степени сочувствія, съ какою встрѣтятъ эту первую нашу книгу.

Все, помѣщаемое нами здѣсь, написано съ осени прошлаго по лѣто настоящаго года, и каждая изъ статей имѣла свои большіе или меньшіе шансы на восхожденіе до самаго ВЕРХА; но *что̀ доподлинно дошло и что̀ не дошло* — этого мы не знаемъ.

Не ручаемся мы и за совершенно дословную вѣрность нашего изложенія этихъ записокъ, потому что большую часть ихъ мы печатаемъ съ автографовъ, заключающихъ въ себѣ, какъ всегда, помарки и поправки.

Всѣ эти записки подтверждаютъ одно (того же мнѣнія и мы), что и Государю, и странѣ страшны не нигилисты, а опасны Имъ нынѣшняя испорченность всей русской администраціи и неискренность однихъ и фанатизмъ другихъ, стоящихъ во главѣ правительства лицъ — первыхъ совѣтниковъ Государя; а равно убѣждены мы и въ томъ, что *никого* и *ни отъ чего* не спасутъ властвующія теперь на Руси явная и всѣ тайныя полиціи, но *всѣхъ и ото всего* **всесильны** спасти лишь: охрана законовъ, государственнаго порядка, серьезныя

коренныя экономическія реформы и личное, безстрашное, твердое и *открытое* выступленіе *Самого* Монарха на арену борьбы со зломъ.

Мы видѣлись и разсуждали и здѣсь, за границею, съ цвѣтомъ эмигрантовъ нашихъ; большая часть и этихъ бесѣдъ только укрѣпила насъ въ тѣхъ же убѣжденіяхъ.

Да гдѣ и когда же не торжествовала истина?! Вопросъ не въ этомъ, а только въ томъ, кто до этого торжества дотянетъ?!!

Послѣдне-помѣщенныя нами въ этой книгѣ записки, касающіяся Алтая, насколько намъ извѣстно, до ВЕРХА не доходили. Главною цѣлью людей, сообщавшихъ Русскому Правительству эти и другія свѣдѣнія объ Алтаѣ, было: *остановить предполагавшуюся въ началѣ сего года отдачу чуть ли не всего этого благословеннаго края со всѣми его еще неоцѣненными, а по громадѣ ихъ и неоцѣнимыми богатствами, въ долгосрочную аренду, въ частныя руки.*)*

Наша цѣль при опубликованіи здѣсь же этихъ послѣднихъ записокъ та-же: попытаться остановить, если еще можно, могущія послѣдовать по этому предмету нераціональныя распоряженія. Мы увѣрены, что путемъ гласности вызовемъ въ печати (если не въ нашей, то въ заграничной) серьезное

---

*) На сколько намъ извѣстно, въ началѣ этого года и раньше *тоже,* предлагалось предпринимателями правительству за аренду этого края въ $3^1/_2$ раза больше того, что теперь даетъ край; но надо полагать, что правительство наше въ началѣ этого года еще не знало (а раньше и не хотѣло знать), что этотъ край, при хорошемъ управленіи, можетъ дать, скажемъ скромно, въ 25 разъ больше.

По новымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ послѣ помѣщенныхъ нами здѣсь оказывается, что правительству предлагаютъ уже въ 15 разъ больше того, что до сихъ поръ оно имѣло съ этого края, и что переговоры продолжаются. И вотъ мы заблаговременно предупреждаемъ: если бы давали и больше, чѣмъ въ 25 разъ, — да не увлечется тотъ, отъ кого зависитъ участь страны! Есть люди, которые знаютъ край и говорятъ, *что не состязаться съ нимъ и самой Калифорніи!*

На карту покуда снято только 50,000 квадратныхъ верстъ Алтайскаго Горнаго Округа — и только топографически, — а къ снятію картъ геологической и геогностической еще и не приступлено.

разсмотрѣніе этого вопроса, — а чтобы дать понятіе о томъ, насколько этотъ вопросъ заслуживаетъ такого разсмотрѣнія, скажемъ только, что Алтайскій Горный Округъ заключаетъ въ себѣ до 400,000 квадратныхъ верстъ, т. е., почти равняется Франціи, и что богатствомъ своимъ, онъ, по всей вѣроятности, еще и превзойдетъ Францію.

(Впрочемъ по этому предмету нами здѣсь помѣщено тоже не все, что имѣется у насъ.)

ПРОЕКТЪ

ЗЕМЕЛЬНО-ПОДАТНОЙ РЕФОРМЫ.

Противуправительственныя проявленія и усилія правительства къ охраненію государственнаго порядка и особы Государя.

Въ современномъ фазисѣ историческаго бытія Россійскаго Государства — продолжающемся, кстати замѣтить, слишкомъ уже долго — мы видимъ, съ одной стороны, проявленіе противуправительственныхъ элементовъ, а съ другой, усилія правительственной власти искоренить, во что-бы то ни стало, эти элементы, сохранить существующій порядокъ и искусственно создать охрану Высшей Власти.

Для этой послѣдней цѣли расходуется вся изобрѣтательность, весь умъ людей беззавѣтно преданныхъ Государю. Для достиженія ея тратятся огромныя матерьяльныя и нравственныя средства государства, — но, заслоняется этимъ свободная мысль, творческая идея и все то, что гораздо скорѣе всякихъ насильственныхъ и подавляющихъ мѣръ, не только достигло-бы тогоже, т. е., охраны Особы Государя, но и шагнуло-бы дальше . . ., а именно: освободило бы Его Особу отъ самой нужды въ искусственной охранѣ.

Позволимъ себѣ взглянуть на положеніе, въ которое, силою обстоятельствъ, а еще болѣе, ненаходчивостію Своего правительства, нынѣ поставленъ нашъ Монархъ.

Особа Россійскаго Императора такъ велика, такъ громадна, что попытки охранить ее какою бы то ни было искусственной оградой являются, не смотря ни на какія мѣры и жертвы, только жалкимъ усиліемъ — подобнымъ создавшему *великую стѣну*, ограждающую Китайскую имперію ... Русскій Государь такъ великъ, что виденъ отовсюду, изъ за всѣхъ стѣнъ и оградъ. Въ эту колоссальную мишень летятъ стрѣлы протеста и недовольства и чрезъ ограды, и еслибы даже и удалось какимъ нибуть путемъ сдѣлать эти стрѣлы безвредными, то и тогда оставаться въ пассивномъ положеніи *Охраняемаго* не соотвѣтствуетъ ни личному достоинству Государя, ни понятію о Немъ Его вѣрноподданныхъ.

Наполеонъ III довелъ систему охраны своей личности, не жалѣя ни крови своихъ подданныхъ, ни мира сосѣднихъ государствъ и народовъ, до колоссальныхъ, невозможныхъ размѣровъ; но, охранивъ этимъ свое физическое *я*, какихъ достигъ онъ результатовъ?! Онъ погубилъ себя нравственно и утратилъ всякое обаяніе въ глазахъ своего народа! — Такой неприкосновенности и охранѣ можетъ позавидовать лишь подобный ему узурпаторъ. Отношенія же нашего Государя къ своему народу и обратно къ Нему Его народа не походятъ на отношенія этого историческаго проходимца къ Франціи. **Опѣ покоятся на вѣковыхъ традиціяхъ, на историческомъ правѣ и на основахъ обоюдныхъ довѣрія и любви;** а съ этими понятіями не вяжется и мысль о надобности охраны Государя. **Нужна охрана этихъ отношеній** ибо только онѣ и могутъ защитить Его и бронею, и стѣною — естественными, а не искуственными.

Причины, породившія у насъ противуправительственные элементы. Происхожденіе этого явленія. Нѣкоторыя выдержки изъ его исторіи. Воззрѣнія на мѣры къ его устраненію.

Противуправительственные элементы у насъ, какъ и во всякомъ иномъ государствѣ, безразлично и независимо отъ формы правленія, коренятся въ *пролетаріатѣ* — образованномъ и необразованномъ. У насъ, на Руси, пролетаріатъ появился только въ минувшее царствованіе; въ Европейскихъ же государствахъ, онъ издавна уже сталъ страшнымъ и трагическимъ пугаломъ.*)

Около ста лѣтъ тому назадъ непредусмотрительность и бездарность французскаго правительства, не съумѣвшаго *во время* въ своемъ государственномъ механизмѣ открыть предохранительные клапаны и оздоровить условія, косность и роковая слѣпота высшихъ классовъ общества того времени сдѣлали то, что одно дуновеніе этого „чудища“-*пролетаріата* смело, какъ легкій прахъ, и вѣковыя учрежденія, и общественныя касты, и самый тронъ Бурбоновъ.

Этотъ колоссальный погромъ *стараго порядка* во Франціи, всколыхалъ тогда же всю Европу, а ея колебанія почувствовались и во всемъ свѣтѣ.

Этому „чудищу“, отпраздновавшему свое рожденіе на свѣтъ Божій на улицахъ Парижа, теперь уже сто лѣтъ отроду. — За эти сто лѣтъ оно поднимало то тамъ, то сямъ въ Европѣ свою страшную голову, и всюду при этомъ дымились потоки крови и трепетало все, что называлось *порядкомъ, собственностью, властью!*

Безъ ужаса нельзя вспомнить и того, какъ и у насъ, на низовьяхъ Волги, въ царствованіе Екатерины II, поднялось это

*) Слово *пролетаріатъ* мы понимаемъ здѣсь скорѣе какъ *явленіе*, какъ *сумму соціальныхъ причинъ порождающихъ пролетаріевъ*, а не какъ *пролетаріатъ — контингентъ пролетаріевъ.*

„чудище“!... Чего стоило намъ умирить и подавить его! Хотя силою пушекъ, штыковъ и висѣлицъ мы и заставили его прилечь, но совершенно уничтожить, упразднить его физической силой было невозможно — *ибо явленіе это исходитъ не изъ воли, не изъ каприза человѣка или массы людей, а беретъ свое начало, свою роковую силу въ самой человѣческой природѣ.*

Было бы непростительной ошибкой и слѣпотой — глядѣть на это вполнѣ естественное, хотя и ужасное явленіе иначе. Лучшіе государственные умы Европы (Бисмаркъ и др.) уже поняли это и разочли, что для борьбы съ этимъ „чудищемъ“ не хватитъ ни штыковъ, ни пушекъ и что физическія побѣды надъ нимъ суть только палліативы, результатомъ которыхъ могутъ быть, развѣ, временные роздыхи; а потому умы эти, напрягая всѣ свои силы, стремятся изобрѣсти иныя, новыя орудія борьбы съ пролетаріатомъ, покуда же заигрываютъ съ нимъ въ либерализмъ . . .

Конечно, дай Богъ имъ успѣха! Но послѣдняя карта этой опасной *игры съ огнемъ* еще не съиграна! И мы полагаемъ, что и этотъ пріемъ, даже какъ временное средство, — ошибка.

Наполеонъ I, силою своего обаянія, *сдалъ въ солдаты* весь голодный французскій пролетаріатъ и, удовлетворивъ его славолюбіе своими побѣдами, пустилъ его, какъ тьму инсектовъ, кормиться на тѣла другихъ Европейскихъ народовъ; но съ паденіемъ этого укротителя своего, пролетаріатъ, всетаки, опять вошелъ въ свою роль и „чудище“ это снова подняло голову.

Наполеонъ III, на нашихъ глазахъ уже, изощрялся надъ нимъ иначе, съ ловкостію искуснаго фокусника онъ развлекалъ его: перемѣщая его вниманіи то на Мексику, то на Италію, то въ Австрію, то въ Крымъ; но разъ и онъ палъ, то же „чудище“, съ названіемъ уже *коммуны*, снова оскалило свою кровавую пасть и опять огласились стенаніями борющихся стогны Парижа.

Тьеръ его опять подавилъ, но тоже раздавить не могъ, ибо и онъ дѣйствовалъ только путями кровавой расправы — штыками и пушками — иныхъ же средствъ не зналъ.

Въ послѣднее время „чудище“ это шевелится въ Ирландіи и, по аналогіи фактовъ, англійскому правительству тоже невозможно будетъ уничтожить его силою — а иныхъ средствъ и оно не знаетъ.

Чуть ли не въ каждомъ государствѣ современной Европы, при нѣкоторомъ напряженіи слуха, можно услышать какъ бы подземный гулъ и *„зубовный скрежетъ“* того-же „звѣря“ — пролетаріата, и неизбѣжность войны съ нимъ повсюду лишь вопросъ времени.

У насъ на Руси пролетаріатъ, послѣ вѣковаго отдыха, снова пробуждается: признаки его пробужденія замѣчаются вотъ уже около десяти лѣтъ.

Пока онъ у насъ еще юнъ, но далъ уже быстрые и колючіе побѣги, поразившіе нашу родину въ самый святой и чувствительный ея нервъ, погубивъ у насъ лучшаго и достойнѣйшаго изъ Монарховъ.

У насъ тоже пытались было справиться физическою силою съ этими колючими и губительными побѣгами, но справились-ли?! — Нѣтъ: на мѣстѣ отрубленной головы, какъ у сказочной гидры, является по двѣ новыхъ и т. д., и т. д., до безконечности!.....

Нѣтъ — скажемъ смѣло и съ глубокимъ убѣжденіемъ! — этого явленія не можетъ уничтожить никакая физическая сила — сила всѣхъ заинтересованныхъ европейскихъ государствъ вмѣстѣ взятая — равно какъ и никакой обманъ въ родѣ игры въ либерализмъ. —

Для этого нужны иныя средства, средства, такъ сказать, радикальныя, подпочвенныя, могущія упразднить самую возможность зарожденія на нашей родной почвѣ условій вызывающихъ и питающихъ это явленіе, и мы надѣемся указать эти средства, на благо нашему отечеству, — для чего и

начнемъ съ уясненія причинъ, порождающихъ у насъ на Руси пролетаріатъ, причинъ, служащихъ къ прогрессивному его размноженію, и закончимъ изложеніемъ системы, могущей радикально уврачевать нашу родину отъ этого страшнаго и гибельнаго недуга.

Хотя и сказано нами выше, что родиной пролетаріата можно считать г. Парижъ, а срокомъ, или временемъ его зарожденія, — первую французскую революцію, но это касается лишь эпохи его проявленія на европейской почвѣ, такъ сказать, его послѣдней соціальной генераціи; происхожденіе же этого явленія — что видно и изъ самой этимологіи слова — относится къ глубочайшей древности человѣческаго общества; (а, пожалуй, оно современно и самому происхожденію человѣчества и вообще одушевленію природы).

Зна́читъ оно на нашемъ языкѣ *безимущественность, обдѣленность;* — а такъ какъ въ творческой дѣятельности самой природы мы повсюду видимъ безконечное разнообразіе и неравенство, то и напрашивается выводъ, что обдѣленность обусловливается самой природой. Но по тѣмъ же вѣчнымъ законамъ природы идетъ и вѣчная борьба за существованіе всего *обдѣленнаго* съ *надѣленнымъ*, которая, при извѣстномъ соединеніи условій, и принимаетъ характеръ грозныхъ, гибельныхъ, такъ сказать, стихійныхъ явленій.

Какъ на первообразъ такого явленія, мы могли бы указать на религіозную гипотезу: на первую человѣческую семью, на первыхъ дѣтей Адама и Евы — Каина и Авеля; но мы не остановимся на этомъ слишкомъ извѣстномъ фактѣ, а выведемъ изъ него только то заключеніе, что, *несмотря на неравенство человѣческихъ натуръ и темпераментовъ, вражду ихъ создаютъ, всетаки, только внѣшнія условія: пойди дымъ костра Каина кверху, на-равнѣ съ дымомъ костра Авеля — и причины для свершенія перваго убійства на тотъ разъ бы не было!* Это то уравненіе правъ, часто ничтожныхъ по своему значенію, мы выше и уподобили дѣйствію *предохранительнаго клапана;* бездѣйствіе этого клапана — а тѣмъ болѣе отсутствіе

самого клапана — выразилось уже въ исторіи въ безчисленныхъ фактахъ человѣческихъ бѣдствій.

Можетъ-ли, на прим., быть сомнѣніе, что, продлись во Франціи дѣятельность великаго Кольбера, осуществись во́время соціальныя реформы Тюрго, и міровому фатуму не зачѣмъ было бы создавать ни Робеспьеровъ, ни Дантоновъ, ни имъ подобныхъ; что не будь подготовленной, удобренной невниманіемъ правительственной власти къ низшимъ слоямъ русскаго народа почвы, не явился бы и у насъ Пугачевъ, или, ужъ во всякомъ случаѣ, кровавое дѣло его не имѣло бы такого успѣха и распространенія.

Изъ этого мы выводимъ, **что при всякомъ политико-соціальномъ фактѣ проявленія анти-правительственныхъ протестовъ, надо, главное, глубоко вникнуть въ причины, ихъ породившія; а потомъ, во всякомъ случаѣ, отнестись съ любовію и сожалѣніемъ къ протестующему, т. е., къ обдѣленному слою общества, и, по возможности, удовлетворить его; а никакъ не подавлять его грубою матеріальною силой, создавая тѣмъ или размножая у себя только новыхъ Каиновъ.**

Главная задача ума и творчества Верховной Власти всякаго народа, всякаго государства, должна заключаться въ изученіи причинъ недовольства и въ заботѣ, путемъ своевременныхъ реформъ, объ ихъ упраздненіи, не опаздывая ни на моментъ открываніемъ сказаннаго клапана, — иначе, какъ мы теперь и видимъ въ нашемъ возлюбленномъ отечествѣ, возникаютъ всё большія и большія осложненія отношеній власти къ обществу, распутать и разрѣшить каковыя къ общему благу дѣлается тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе упущено времени и чѣмъ болѣе было уже раньше затрачено на то грубой, физической силы.

Чтобы покончить съ этимъ бѣглымъ взглядомъ на общіе контуры явленія, именуемаго *пролетаріатомъ*, нужно отмѣтить еще два его вида: первый — это спеціально выработавшійся на Западѣ *рабочій вопросъ*, тамъ вездѣ ставшій уже лицомъ къ лицу и сдѣлавшійся кошмаромъ тамошнихъ правительствъ, и второй — это отростокъ нашего отечественнаго пролетаріата, нашъ *учебный пролетаріатъ*.

Рабочій вопросъ на Западѣ неоднократно уже заставлялъ ломать копья лучшихъ мыслителей и философовъ, породилъ цѣлую спеціальную литературу — но, нерѣшенный, продолжаетъ, какъ грозная туча, свое наступательное движеніе; а учебный пролетаріатъ, поставляя застрѣльщиковъ въ передовую цѣпь нашей противуправительственной арміи — нигилистовъ и соціаль-демократовъ всѣхъ фракцій и оттѣнковъ — составляетъ нашу злобу дня.

О вопросѣ *рабочемъ* мы распространяться не будемъ; а покуда лишь перекрестимся и молвимъ: *да мимо идетъ чаша сія!* ибо съ насъ, съ избыткомъ довольно и собственныхъ печалей.

По поводу же нашего *учебнаго пролетаріата* мы должны сказать, что именно забота объ искорененіи у насъ этого типа его и напустила такого туману на всѣ отправленія нашего государственнаго организма, что стало даже трудно разобраться въ немъ и распознать врага отъ друга!

Усердствуя не по разуму, власти наши просто потеряли голову: мирныхъ гражданъ своихъ опутываютъ они цѣпями оскорбительнаго подозрѣнія, и ложатся оттого унынie и упадокъ духа — тяжелымъ покровомъ на мысль, на чувства каждаго — а это, къ довершенію, обусловливаетъ и невозможное, противуестественное положеніе, въ которомъ мы видимъ теперь нашего Верховнаго Властителя.

О мѣрахъ къ выходу изъ этого ненормальнаго положенія.

Ранѣе мы высказались о характерѣ тѣхъ пигмейскихъ усилій охраны, которыя ежемоментно употребляются лилипутами-охранителями, чтобы оградить ими нашего великана Императора; они были бы смѣшны, еслибы не оправдывались священными чувствами вѣрности и преданности.

Съ другой стороны, нельзя не признать и естественности страха и опасеній послѣ такъ недавно еще постигшей насъ всѣхъ катастрофы и возможности попытокъ къ повторенію подобныхъ; но если наша власть задастся лишь охраной, охраной и охраной да битвой съ вышесказанною сказочною „гидрой", то ею будетъ лишь поддерживаться положеніе (какъ заявили мы выше) тягостное, щекотливое, непристойное достоинству самой власти и не совмѣстимое съ основнымъ понятіемъ о величіи Монарха, а что **и еще печальнѣе** — совсѣмъ и не охраняющее Особы Государя.

Что же дѣлать?! Какъ выйти изъ этого заколдованнаго круга и, притомъ, *выйти съ достоинствомъ, не употребляя на то ни жестокости, ни иныхъ подобныхъ средствъ, не удобныхъ для* **истиннаго Величія**?!

Вопросъ этотъ такъ серьезенъ, такъ важенъ, и послѣдствія такого или иного рѣшенія его такъ обильны, что и къ самому разбору его нельзя приступить иначе, какъ съ *чистѣйшею совѣстію, съ трезвѣйшимъ не увлекающимся мозгомъ и руководствоваться при этомъ только однимъ абсолютнымъ и абстрактнымъ чувствомъ христіанскаго добра и справедливости.*

Увлекающіеся люди разныхъ партій рѣшаютъ его теперь такъ:

Первые — окружить особу Государя непроницаемою бронею, ощетинить резиденцію Его штыками, переловить и безпощадно казнить всѣхъ соціалистовъ и нигилистовъ — до седьмаго колѣна включительно — и сохранить **„statu-quo"**.

Вторые — установить выборное правленіе съ отвѣтственными министрами и особой конституціоннаго Монарха во главѣ.

Третьи — уничтожить всякую власть, всякій порядокъ и собственность и предоставить самой силѣ вещей выработать изъ этого всеобщаго хаоса новыя формы гражданскаго бытія.

Вотъ три главныхъ разновидности міровоззрѣній при разрѣшеніи поставленнаго вопроса.

Здѣсь не умѣстно разбирать недостатки этихъ воззрѣній, хотя и бьющіе въ глаза; это не составляетъ цѣли нашего настоящаго труда, и не видимъ мы въ этомъ разрѣшенія нашей задачи.

Подойдемъ же къ ней съ иной стороны.

Что такое и изъ чего состоитъ нашъ пролетаріатъ? Нигилизмъ — какъ его отростокъ.

Выше мы назвали *нигилиста* типомъ *учебнаго пролетаріата,* а послѣдній — отросткомъ и авангардомъ *пролетаріата имущественнаго,* имѣя на то нижеслѣдующія основанія:

Въ значительномъ большинствѣ случаевъ, нигилистическое направленіе есть результатъ ненормальныхъ условій нашей системы общественнаго образованія.

Каждый юноша, учащійся сколько нибудь осмысленно, нервно оскорбленъ этой системой, — но чувствуя, что личное оскорбленіе по его учебной карьерѣ, по его спеціальности, почти ничтожно сравнительно съ бѣдствіями прочихъ классовъ народа, и что не представляетъ оно ему еще достаточной почвы для общественнаго сочувствія, онъ становится въ роль *народника,* и уже на этой новой почвѣ: иной, менѣе нравственный, тотчасъ же, въ своихъ собственныхъ глазахъ, дѣлается міровымъ дѣятелемъ, другой, болѣе чистый, — самоотверженнымъ борьцомъ за *народное* горе, третій, менѣе развитой, экзальтируется и фанатизируется катехизическими методами соціализма и т. д.

Ни со скамей подсудимыхъ, ни въ интимной бесѣдѣ съ каждымъ изъ нихъ, ничего иного не услышишь, какъ только болѣе или менѣе страстное, болѣе или менѣе искреннее заявленіе, что онъ есть боецъ за права обиженнаго народа. Пишущій эти строки лично позналъ это изъ бесѣдъ, какъ съ русскими, такъ и съ иностранными представителями этого типа, (съ пресловутою Луизой Мишель включительно). Да о чемъ же иномъ, какъ не о томъ же, говорили Желябовы, Перовскія и мн. др. въ послѣднихъ процессахъ?!

И, говоря чистосердечно, если оно такъ, нельзя же не признать и частицы добра въ хотя бы и непрошенной ихъ заботѣ о народѣ, — также, какъ нельзя не признать и того, что народъ нашъ, дѣйствительно, въ помощи нуждается.

Вышесказаннымъ мы кажется достаточно доказали, что нашъ *учебный нигилизмъ* есть *непосредственный отростокъ нашего же народнаго пролетаріата*, что *послѣдній питаетъ его и составляетъ для него основную „raison d'être"*; а слѣдовательно: **если желательно уничтоженіе пролетаріата учебнаго, — уничтожьте народный!**

Еслибъ не было у насъ обдѣленнаго и обиженнаго народа, то не было-бы и причины ломать изъ-за него копья, покушаться на убійства, совершать оныя и, героически всходя на эшафоты, съ улыбкою принимать казнь!... Вся raison d'être, все обаяніе оправдательной причины изчезли бы у нашихъ нигилистовъ и политическихъ фанатиковъ. А неурядицы учебнаго вѣдомства, порождающія соціалистическій прозелитизмъ, — дѣло, въ сущности, совсѣмъ частное, всегда разрѣшимое всякимъ, лишь бы разумнымъ, распоряженіемъ по министерству; а — нѣтъ, такъ простою замѣною лица, имъ завѣдующаго.

Еще болѣе убѣдимся мы въ вѣрности собственной гипотезы, анализируя содержаніе нашей *подпольной* прессы и произведеній *русской заграничной печати* (а равно и либеральной части нашей явной прессы): все и вся въ нихъ, разными го-

лосами, на разные тоны твердитъ одно: о бѣдности и обдѣленности нашего *мужика.*

Слѣдовательно: пора признать неопровержимой аксіомой, что именно этотъ самый *сѣрый мужикъ* и представляетъ собою тотъ магическій центръ, вкругъ котораго вертясь и сшибаясь въ неудержимомъ стремленіи и происходитъ теперь этотъ бѣшенный водоворотъ человѣческаго мозга. За этого то **колосса** — и выступаютъ теперь одно за другимъ, на трагическіе подмостки, чуть ли не всѣ направленія: нигилизмъ, либерализмъ, демократизмъ, соціализмъ, терроризмъ и пр., и пр.; противъ каждой группы каждой партіи устраивается батарея и происходитъ война, то и дѣло выхватывающая жертвы то съ одной, то съ другой стороны, — что поглощаетъ кромѣ этихъ невозвратимыхъ жизней еще и огромныя матеріальныя средства, не достигая тѣмъ ни благоденствія, въ которомъ такъ нуждается мужикъ, ни спокойствія, такъ необходимаго Монарху, — и весь *результатъ этой роковой борьбы является предъ нами въ видѣ какой-то возмущающей, неожиданной и невозможной антитезы:* **кажется — какъ будто Государь воюетъ противъ возлюбленнаго Имъ, Своего народа, и,** *съ другой стороны,* **какъ будто народъ воюетъ противъ обожаемаго имъ, своего Государя!** Но гдѣ же смыслъ этого!? Возможно-ли это!?

И вотъ до какого обиднаго и оскорбительнаго абсурда дошла путаница условій, среди которыхъ приходится существовать этимъ двумъ колоссамъ, на могучихъ раменахъ коихъ должно бы основываться благоденствіе земли Русской!...

Антитеза сія до того невозможна, что легче повѣрить деморализаціи собственныхъ органовъ воспріятія впечатлѣній, нежели ея реальности . . . . А между тѣмъ она реальна, и намъ часто **какъ-бы слышится тяжкій вздохъ Государя, произносящаго Евангельскій упрекъ:** *„Людіе мои, что сотворихъ вамъ; воздаете ми злая — за благая?“* **но**

съ другой стороны изъ усталой груди народа какъ-бы раздается стихъ его Украинскаго Поэта:

І день іде, і ніч іде . . .
І го́лову схопивши въ руки,
Дивуєшся, чому не йде
Апо́столъ правди і науки?!

Да и не мудрено: въ долгомъ и томительномъ ожиданіи прихода *Апостола правді и науки* простодушный народъ нашъ изнываетъ и не видитъ онъ покуда еще исхода своей бѣдѣ . . . .

Въ тяжкій моментъ и тяжелое наслѣдство досталось нынѣ царствующему Государю! —

Причины зарожденія у насъ пролетаріата. Эмансипація крестьянъ. Надѣлы и перенадѣлы. Взгляды на эти предметы правительства и политико-экономовъ. Незаконность основнаго взгляда на земледѣльческое сословіе. Платежныя тяготы крестьянъ.

Принявъ за основу все сказанное нами ранѣе по поводу смутныхъ обстоятельствъ нашей внутренней политики и борьбы нашей власти съ противуправительственными элементами, названными нами общимъ именемъ *пролетаріата,* выяснимъ теперь спеціальнѣе причины зарожденія у насъ народнаго пролетаріата.

Изъ поконъ-вѣка и по нынѣ на крестьянство, какъ у насъ въ Россіи, такъ равно и въ другихъ государствахъ Европы, смотрѣли — и правительство, и подневольная наука — какъ на злакъ, или какой либо видъ растительнаго царства, прикрѣпленный своими корнями къ почвѣ. Для укрѣпленія за типомъ крестьянина этой искуственной роли, создано для него множество законоположеній и обязательныхъ условій быта,

такъ что крестянинъ безъ земли, казался явленіемъ анормальнымъ. Таковымъ онъ считается *безъ земли* и теперь.

Для такихъ безземельниковъ и существуетъ названіе *пролетарій.**) —

При созданіи у насъ типа *земельнаго крестянина*, конечно, руководствовались не однимъ христіанскимъ чувствомъ помощи неимущему; но и множествомъ практическихъ основаній государственной важности: *главнымъ образомъ нужно было создать, во что бы то ни стало, прочный типъ* **плательщика,** *правоспособнаго къ отбыванію всякихъ государственныхъ повинностей.*

Двадцать лѣтъ тому назадъ покойнымъ Императоромъ Александромъ-Освободителемъ совершенъ одинъ изъ величайшихъ (если не самый большой) актовъ прогресса и гуманности: *освобождены крестьяне отъ крѣпостной зависимости,* при чемъ надѣлены они и извѣстною долей земельной собственности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и вторая изъ этихъ мѣръ, была продуктомъ великой и благой воли Законодателя, но въ самомъ принципѣ такого надѣла крестьянъ землею корениласъ непредвидившаяся ошибка, давшая лишь теперь плоды, тогда совсѣмъ неожидавшіеся.

Надѣломъ этимъ крестянинъ нашъ, волей-неволей, приворожденъ къ своему земельному участку. Ему повелѣно владѣть имъ, эксплоатировать его и, извлекая изъ него возможную пользу, **платить, платить и платить** *въ казну и на свои мірскія и земскія потребы, и —* **не столько, сколько онъ возможетъ, а — столько, сколько отъ него потребуется** ....

Требованія же эти такъ многоразличны и велики и, съ новымъ порядкомъ вещей, созданнымъ *эмансипаціей*, до того усложнились, что нашему крестьянству не осталось уже ни малѣйшей возможности беречь, и холить культуру своихъ убогихъ земельныхъ надѣловъ.

---

*) Хотя есть и земельные пролетаріи и безземельные не-пролетаріи.

Не смѣшно-ли въ самомъ дѣлѣ, не преступно ли порицать нашего крестьянина, какъ это дѣлаютъ многіе теоретики, за его варварски - неумѣлое обращеніе со своей землей, когда оффиціально признано что недостаточность крестьянскихъ надѣловъ была въ принципѣ обусловлена самимъ Законодателемъ, который, будто бы, имѣлъ въ виду такими надѣлами дать крестьянству лишь *подспорье* для отбыванія имъ подушныхъ и всякихъ иныхъ новинностей, которыя, полагалось при этомъ, оно могло отбывать всѣ, имѣя еще средства въ трудѣ кустарномъ или иныхъ промыслахъ; вопросъ когда-же исполнять эти послѣдніе роды труда? — разрѣшался очень легко: можно на это употреблять свободное отъ земледѣльческаго труда время — и не только можно но *должно*, иначе, молъ, по фарисейской логикѣ, нашъ мужикъ излѣнится, изопьется!...

Этотъ преступный софизмъ заинтересованнаго въ томъ эгоизма, къ несчастію, проникъ въ систему надѣла крестьянства землею и, искалѣчивъ реформу 19го Февраля 1861 г., породилъ неисправимо-дурныя послѣдствія, какъ для правительства, такъ и для народа.

Первымъ послѣдствіемъ его сказалась вскорѣ же разочарованность народа въ самыхъ коренныхъ его чаяніяхъ, и великая реформа освобожденія, превратившись для него въ нуль, вызвала тогда-же во многихъ мѣстахъ вспышки активнаго протеста, которыя однако военною силою были повсюду подавлены.

Протесты эти въ то время потому лишь не приняли колоссальныхъ размѣровъ, что сами обдѣленные крестьяне не поняли еще тогда того, въ какія невозможныя условія относительно ихъ будущаго они были поставлены.

И такъ, 20 лѣтъ тому назадъ, народъ нашъ, т. е., крестьянство было *надѣлено*, или, вѣрнѣе, *обдѣлено* землею. Но въ средѣ его оказался строй людей и такихъ, о которомъ даже забыли на этомъ *праздникѣ надѣла*, это — довольно многочисленный классъ *дворовыхъ людей, оставшихся безо всего*, — на произволъ судьбы. —

Не знаемъ: чѣмъ въ исторіи оправдается *этотъ актъ нашего законодательства*, но вѣрно, что *легъ* онъ *краеугольнымъ камнемъ основы и зачатія нашего россійскаго пролетаріата.* Этотъ типъ, эта зараза — рождена этимъ актомъ. Эти безземельные дворовые люди и послужили кадрами будущей его арміи. Посмотримъ же теперь на дальнѣйшее его питаніе и развитіе.

Какъ мы уже замѣтили, *недостаточность земельнаго надѣла крестьянъ оправдывалась тѣмъ фальшивымъ взглядомъ, что земля будто-бы должна была служить лицъ подспорьемъ* крестьянину — при изысканіи имъ средствъ для облегченія своего существованія и отбытія имъ разныхъ платежныхъ повинностей.

Посмотримъ же поближе на это *подспорье,* данное богатѣйшимъ въ мірѣ, многоземельнымъ и спеціально-*земледѣльческимъ* государствомъ своему главному работнику — крестьянину, на выносливыхъ плечахъ котораго основано благосостояніе всѣхъ прочихъ классовъ и сословій этого государства.

Только изъ за трагической боязни — вымереть съ голоду обдѣленное крестьянство и принялось за обработку своихъ убогихъ участковъ, такъ какъ фактической пользы отъ того оно могло ждать лишь при содѣйствіи ему слишкомъ многихъ, совокупно невозможныхъ условій, какъ-то: чтобъ ни зной, ни холодъ, ни засуха, ни дождевое многоводіе, ни градобитія, ни пожары, ни множество иныхъ стихійныхъ причинъ не враждовали съ нимъ ни въ одно изъ временъ года; чтобъ была и оставалась плодородною почва; чтобъ были безкорыстны и законны отношенія къ нему административныхъ и иныхъ властей; чтобъ постоянно ровно сохранялись его личное здоровье и его физическая сила; чтобы былъ онъ трудолюбивъ, терпѣливъ, выносливъ и изворотливъ. Единственно только при совокупности всѣхъ этихъ условій въ его пользу, крестьянство наше и могло бы еще, при такихъ надѣлахъ, представлять собою нѣчто, способное къ отбытію лежащихъ на

немъ платежныхъ обязанностей; а такъ какъ ясно, что совокупность всѣхъ сихъ условій для нашего земледѣльца, не могла быть *никогда* и мыслимою, то и могли мы, съ гражданской болью въ сердцѣ, сперва только предвидѣть, а потомъ и во очію взирать на прогрессивное обѣдненіе нашего народа, дошедшаго за послѣдніе годы, мѣстами, до полнаго разоренія и впавшаго въ неоплатные долги передъ казною. *Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть: что въ самомъ недалекомъ будущемъ*, **какъ слѣдствіе** *указаннаго* **обдѣленія землею, явится наше полное общее экономическое банкротство**, если теперь же и неотлагательно не будетъ правительствомъ приступлено къ коренной реформѣ, — къ реформѣ такой, которая бы преобразовала всѣ отношенія государства къ землѣ — т. е., къ землевладѣнію и земледѣлію — въ самомъ ихъ основаніи.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о крестьянскихъ надѣлахъ:

Навязанные, такъ сказать, *силою* каждому освобожденному крестьянину и, завѣдомо, *въ самомъ укромномъ размѣрѣ*, а часто даже и въ совершенно нищенскомъ (надѣлъ четвертной, *даровой*), надѣлы эти породили только фактъ общественнаго *равнодушія* къ землѣ, при которомъ масса земледѣльческаго крестьянства не только не привязывается къ своей первостепенно-важной профессіи — земледѣлію — но, при первомъ къ тому случаѣ, бросаетъ его и уходитъ на-сторону — къ какому нибудь иному дѣлу, покидая на произволъ судьбы навязанные ей участки, ни мало не сожалѣя о нихъ.

Потому то мы и называемъ существующую систему отношеній къ землѣ и земледѣльческому сословію — *не натуральною*, а искусственною, самые надѣлы — *навязанными*, а усвоенный правительствомъ и подневольною наукою взглядъ на нашего сельскаго мужика, *„непремѣнно какъ на земледѣльца“*, — *не выдерживающимъ критики.*

Въ подтвержденіе же права на зарожденіе въ насъ этихъ

отрицательныхъ воззрѣній, укажемъ хоть на то наше крестьянство, которое профессіями своими совершенно отвлекается отъ сохи, которое потому и не нуждалось въ надѣлѣ землею и которое, теперь, совершенно несправедливо только отягощается повинностями, связанными съ этими надѣлами, — масса его на Руси многомилліонна! Стоитъ только представить себѣ персоналъ отхожихъ промысловъ: звѣринаго, рыбнаго, птичьяго, извознаго и др.; затѣмъ профессіи: землекопную, каменьщичью, штукатурную, плотничную и т. д., потомъ: всѣ занятія чернорабочія и всякой мелочной торговли, всѣ кустарныя производства и проч. и проч., — вездѣ все это занимаетъ множество рукъ: по всѣмъ деревнямъ, селамъ, мѣстечкамъ, городамъ и столицамъ всей имперіи!

Вѣдь весь этотъ многомилліонный людъ, бывшій до 19го февраля 1861 года крѣпостнымъ, тоже освобожденъ и надѣленъ, но онъ и не прикасается почти къ сохѣ, а отбываетъ тѣ-же повинности, что и земледѣлецъ, и отбываетъ ихъ сравнительно исправнѣе послѣдняго и съ меньшимъ для себя изнуреніемъ. Какой же былъ резонъ надѣлять эти милліоны русскаго народа землею и лишать ея то крестьянство, которое вслѣдствіе малоземелья бьется какъ рыба объ ледъ, изъ году въ годъ бѣднѣетъ, разоряется, все болѣе и болѣе должаетъ казнѣ, но, всетаки, продолжаетъ тянуть лямку тяжкаго труда земледѣлія, тогда какъ при подспорьѣ этихъ, почти гулящихъ земель промысловаго люда, оно бы могло не только отбывать добавочно и лежащія на нихъ повинности, но и покрывать изъ доходовъ съ нихъ же и часть недоимокъ, числящихся на теперешнихъ его надѣлахъ. (Понятно: что если мужикъ не нуждается въ добавочной силѣ для обработки лишней противу владѣемой имъ земли, *что доказано,* то и при пропорціонально лишнихъ податяхъ онъ будетъ чувствовать себя лучше, такъ какъ расходы его, на личныя его нужды, поглощающія теперь бо́льшую часть дохода съ его малыхъ участковъ, останутся все одни и тѣ же.)

Обратимъ вниманіе и на то, что при надѣлѣ 20 лѣтъ тому назадъ, крестьянинъ нашъ получилъ самую укромную мѣру одной лишь пахотной земли, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, безъ лѣса, луга и даже выгона; все послѣднее предоставлялось ему, въ размѣрѣ потребномъ для него, арендовать у своего сосѣда-землевладѣльца, за совершенно произвольно назначаемую послѣднимъ плату. Какъ же было не встрѣтиться ему при этомъ, въ ближайшемъ же будущемъ, съ отчаяннымъ фактомъ — физической невозможности дальнѣйшаго существованія!? . . .

Въ первые годы послѣ эмансипаціи еще кое-какъ жилось крестьянину, но вотъ съ теченіемъ времени у него прибавилось и возросло два-три сына, двѣ-три дочери, а земли, еле въ проголодь питавшей его самаго, не прибавилось ни одной пяди: значитъ *прибавились желудки, но прибавились и руки, могущія увеличить благосостояніе — руки-то эти осуждены на бездѣйствіе; прибавились и мозги, и они осуждены на бездѣйствіе!* Развѣ и это не знаменательно?! — Да и тѣ то 3 десятины, изъ которыхъ крестьянинъ многіе годы изо всѣхъ силъ извлекалъ всю интенсивность земли, оскудѣли такъ, что часто еле возвращаютъ посѣвъ, или и вовсе его не возвращаютъ. . . . .

Что дѣлать такому крестьянину и его семьѣ? Какой исходъ имъ изъ трагизма ихъ положенія — при нынѣ дѣйствующей аграрной системѣ?!

Ну, не внесъ онъ своихъ повинностей въ казну годъ, другой, — подохли его лошади и прочій скотъ (если былъ) отъ безкормицы, захудали и всѣ члены семейства; затѣмъ подкормило его правительство годъ-другой, — а дальше, спросимъ мы, какъ быть?! что остается такой семьѣ?! *Одно: бросить и свой надѣлъ, и свое пепелище и пойти по міру, Христовымъ именемъ снискивать дневное пропитаніе, — превратиться въ нищихъ и стать въ ряды пролетаріата.*

Этимъ примѣромъ мы изобразили портретъ семьи не

Петра и не Ивана, а, къ несчастію, общій типъ россійскаго крестьянскаго семейства, имя коему — легіонъ; такъ что антитипъ таковой семьи возможенъ теперь у насъ лишь въ воображеніи оптимистовъ, или развѣ какъ рѣдкое исключеніе. Но и имѣющіяся пока исключенія должны, неминуемо, со временемъ изчезнуть, давимыя и угнетаемыя тѣми-же роковыми условіями существующаго порядка вещей.

Если бы возможно было, нарушивъ права собственности землевладѣльцевъ, увеличить за ихъ счетъ надѣлы оскудѣвшихъ крестьянъ, т. е., изъ ихъ земель надѣлить такими же участками и новую генерацію прироста крестьянскаго населенія, то и тогда съ первою же новой генераціей, съ слѣдующимъ же новымъ поколѣніемъ, народился бы всетаки опять тотъ же роковой вопросъ. . . . .

Если намъ скажутъ, что при извѣстномъ наростѣ населенія, при извѣстной сгущенности его на данномъ мѣстѣ, правительствомъ можетъ быть допущена система переселенія на запасныя казенныя земли, — мы скажемъ: да, временно это принесетъ пользу, но, при настоящей аграрной системѣ, это тоже не болѣе какъ палліативъ: *прокисшее ли вино вмѣщать въ новые мѣха, или свѣжее вино въ мѣха старые — результатъ будетъ тотъ-же!*

Если тѣ Царскіе посланцы, что посылались на мѣста народныхъ голодовокъ, бывали въ отчетахъ своихъ искренни и добросовѣстны, если они считали своимъ святымъ долгомъ въ донесеніяхъ Государю не декорировать горькій и трагической правды, то Государю должно быть не безъизвѣстно, **что разныя кузьки, жучьки, мухи, саранча и тому подобные враги земледѣльца были, безъ сомнѣнія, только „подспорьемъ“ къ общему народному бѣдствію, корни же самого бѣдствія глубже, постояннѣе и неотразимѣе, чѣмъ всѣ эти, относительно слабые его враги-насѣкомыя.**

Эти Царскіе посланцы были **обязаны** *нарисовать Го-*

сударю вѣрный видъ нашихъ несчастныхъ деревень — съ хатами безъ крышъ, съ заколоченными, какъ послѣ чумы, дверьми и окнами, съ толпами отупѣлаго и изнемогшаго нищенства по проѣзднымъ дорогамъ. Это уже были не *кадры,* а настоящая *армія пролетаріата,* которую игнорировать, какъ судьбу *дворовыхъ людей,* уже не было никакой возможности.

Вотъ онъ этотъ сюжетъ трагическихъ печалей россійскихъ! Вотъ почва, на которой безплодно изощряется теоретическій умъ нашихъ бюрократическихъ администраторовъ и кабинетныхъ ученыхъ!

Можно ли опровергнуть теперь нашъ тезисъ, что именно *эта почва,* а *не какая иная* и служитъ для культуры нашего *нигилизма, соціализма* и тому подобныхъ *болѣзненныхъ явленій.*

Существованіе такой почвы, служа вполнѣ достаточнымъ оправданіемъ для названныхъ явленій, представляется и весьма вѣсскимъ мотивомъ для фанатизаціи и экзальтаціи адептовъ и апостоловъ этихъ ученій. Вотъ почва, стоя на которой, Желябовъ и ему подобные со своей предсмертной скамьи, на судѣ, съ полнымъ сознаніемъ и искренностью заявляли рѣзко въ глаза судьямъ и публикѣ, что и они вѣдь Русскіе, *что они „плоть отъ плоти и кость отъ кости“ народа русскаго.*

Итакъ, если внутреннее и общее состояніе тѣла государственнаго, отъ нѣдръ его и до самой поверхности, такъ болѣзненно, то *врачевать страшный недугъ внѣшними прижиганіями язвъ невозможно, или, вѣрнѣе, безцѣльно и даже вредно, потому что внутреннія причины зла при такомъ врачеваніи изчезнуть не могутъ.*

На помощь нашему изнемогшему и изстрадавшемуся мужику-землепашцу спѣшитъ съ разныхъ сторонъ активная и фиктивная, теоретическая и практическая помощь.

Помощь эта *дается* правительствомъ и частною иниціативой, *предлагается* учеными теоретиками и соціаль-демократами. . . .

Боясь длинноты и усложненій нашего настоящаго труда, мы

не станемъ вдаваться здѣсь въ разборъ утопическихъ и невыполнимыхъ иллюзій аграрнаго свойства (въ родѣ *чернаго передѣла*) нашихъ соціаль-демократовъ; не остановимся мы и на анализѣ помощи благотворительнаго характера, могущей дѣйствовать только временно, а не радикально; но позволимъ себѣ нѣсколько долѣе остановиться на политико-экономическихъ предложеніяхъ ученыхъ.

Не называя здѣсь ни одного изъ этихъ сочиненій, не упоминая именъ никого изъ ихъ почтенныхъ авторовъ, скажемъ лишь, что всѣ они, огульно, проникнуты гуманнитарными чувствами къ оскудѣвшему мужику.

Многіе изъ этихъ трудовъ заключаютъ въ себѣ глубокое познаніе нуждъ и печалей народа, статистическія выкладки, остроумныя соображенія и даже, такъ сказать, пророчества и предвидѣнія; въ нѣкоторыхъ онѣ даже высказаны хотя съ честнымъ, но явнымъ пристрастіемъ въ сторону обдѣленнаго крестьянства, — *но во всѣхъ этихъ системахъ, теоріяхъ и взглядахъ просвѣчиваетъ и прямо читается одна и таже основная мысль:* **лечить нашего бѣднаго мужика лишь такъ, какъ лечатъ замученную рабочую лошадь,** т. е., улучшить ея питаніе, усовершенствовать ковку, лучше приспособить сбрую и т. п.; словомъ, разными мѣрами возсоздать снова, и какъ можно скорѣе, *рабочую силу* мужика, нужную для поднятія и перевозки груза — податныхъ платежей!...*)

Далѣе этого, у насъ, разработка этого вопроса не пошла. Кто говоритъ о преобразованіи клички *подушной системы,* кто объ *отмѣнѣ паспортовъ,* иные объ *облегченіи податей,* объ уменьшеніи *выкупныхъ платежей,* о созданіи *мелкаго земельнаго кредита, мужицкихъ банковъ,* о *передѣлѣ надѣловъ,* о содѣйствіи къ *переходу земель въ крестьянскія руки* и т. п. — на всѣ темы народныхъ нуждъ; но никѣмъ и никогда (какъ намъ кажется) не заявлена мысль **о незаконности** *самого основнаго взгляда на наше земледѣльческое со-*

*) Рабочую силу... нѣтъ, и того меньше: *платежную способность — и только!*

словіе: какъ лишь на прирожденную животную рабочую силу т. е., — на нашего сѣраго мужика, какъ на предметъ царства растительнаго, будто бы, волею самой судьбы пригвожденный къ почвѣ, къ землѣ.

Вотъ съ этими же взглядами на мужика-земледѣльца почти тождественны взгляды правительства, подневольной науки и даже иного т. е., противуправительственнаго лагеря — и не только у насъ, но и въ другихъ странахъ Европы. Разница лишь въ томъ, что тамъ изобрѣтены другія связи народа съ землей и распредѣленіе дохода, съ земли и съ народа, производится иными путями, а иногда отвѣчаетъ и инымъ цѣлямъ.

Противу этихъ то твердо-установившихся взглядовъ (по нашему мнѣнію рутинныхъ и отжившихъ), мы и рѣшаемся поднять нашъ голосъ, хотя сознаемъ, что всякая рутина, всякая по привычкѣ усвоенная мысль порабощаетъ человѣческій мозгъ и мѣшаетъ воспріятію новой, противуположной идеи.

Чтобы стать еще тверже на почву нашихъ спеціальныхъ воззрѣній, мы, упомянувъ уже о печальномъ состояніи имущественно-земельныхъ правъ нашего земледѣльческаго крестьянства, скажемъ нѣсколько словъ и о его обязанностяхъ — тогда лишь контуры нашего изображенія получатъ выпуклость и свѣто-тѣнь.

Въ перечнѣ платежныхъ обязанностей нашего крестьянства, начнемъ съ *выкупныхъ платежей*, волею-неволею легшихъ на него съ момента надѣла его участками, породившихъ массу недоразумѣній, неконченныхъ и поднесь; затѣмъ идутъ: *подушная подать, прямые и косвенные казенные налоги*, а кромѣ того *земскія* и *мірскія* платежныя повинности.

Не говоря уже о несоотвѣтственности размѣра платежныхъ казенныхъ повинностей крестьянина съ размѣромъ его земельнаго имущественнаго ценза, скажемъ, что уже одни многоразличные и разнохарактерные платежи по двумъ послѣднимъ категоріямъ повинностей, т. е., земскіе и мірскіе сборы и поборы, въ концѣ разорили наше крестьянство. Нашъ негра-

мотный, обдѣленный землею и отупѣлый отъ нуждъ крестьянинъ никогда не можетъ отвѣтить вамъ сознательно на прямой вопросъ: *„Сколько тебѣ слѣдуетъ платить всѣхъ годовыхъ повинностей?“*

— *„Богъ вѣдаетъ!“* — уныло отвѣтитъ онъ вамъ — *„Сколько положатъ — столько и придется платить: разъ на разъ не приходится!“*

Это чувство забитости, безпомощности, безправія нашего земледѣльца служитъ почвою еще и для массы злоупотребленій и лихоимства многоразличныхъ мелкихъ властей земства и міра, лишь частію выходящихъ наружу въ судебныхъ процессахъ.

Какого же прогресса, развитія мысли или профессій ждать отъ нашего земледѣльца и его земледѣлія при такихъ отношеніяхъ къ его личности и къ его правамъ?!!

Чтобы круглѣе обнять мыслью все сказанное нами выше о нашемъ податномъ сословіи крестьянъ-земледѣльцевъ, о тяжести наложеннаго на нихъ груза и объ отношеніяхъ и взглядахъ нашего правительства и науки на это сословіе, какъ на типъ *рабочей-лошади*, позволимъ себѣ выразить это аллегорически — притчей.

Притча.

Жилъ себѣ въ полномъ довольствѣ богатый содержатель заѣзжаго постоялаго двора; онъ же занимался и извознымъ промысломъ. Далеко по всему сосѣдству шла слава о его богатствѣ, и дѣйствительно дворъ его былъ полной чашей. Бойко шла у него торговля всѣми нужными въ крестьянскомъ и домашнемъ быту продуктами и припасами; но наибольшую зависть сосѣдей возбуждали его кони, доставлявшіе ему извознымъ промысломъ главный доходъ. Кони были добрые и сильные, извощики его — честный и трезвый народъ. Эта часть хозяйства его особенно росла и спорилась: кони важивали значительный грузъ, и плата за то исправно поступала въ кассу хозяина.

Но, вотъ, разъ, случилось какое-то растройство въ его общихъ торговыхъ операціяхъ, какіе-то недоборы .... Откуда и чѣмъ ихъ пополнить?!

Да вѣдь кони мои сильны — пришло на умъ хозяину —, можно нагрузить на нихъ побольше клади, да поручу извощикамъ хорошенько подбадривать ихъ, чтобы поскорѣе свезли.

Сказано-сдѣлано: набавили грузу, извощики принялись за кнуты ... — хоть съ трудомъ, да, ничего, пошелъ обозъ.

Дѣйствительно выручили этотъ разъ больше; усиленный заработокъ былъ скоро доставленъ хозяину, хотя и при заявленіяхъ со стороны извощиковъ, что гоньба-де отразилась на здоровіи лошадей, на прочности телегъ, на цѣлости конской сбруи, что съ гоньбой-де такой далеко не уѣдишь и т. п.

Задумался хозяинъ, но не о лошадяхъ; затѣялъ онъ разныя другія предпріятія: деньги ему еще нужнѣе ....

„Вздоръ! Кони мои сильны! Вѣдь грузъ доставленъ — и они живы! Грузите снова, да накиньте еще по пяти пудовъ на подводу!“

Накинули. — Кое-какъ свезли. — Кони вернулись ележивыми, съ разбитыми ногами, съ подтеками и ссадинами на всемъ тѣлѣ, съ поломанными телегами, съ изорванною сбруею. Обозъ запоздалъ доставкой груза по условію, за что и заработокъ былъ полученъ не полностью, а съ вычетомъ ...

Можетъ быть на этотъ разъ хозяинъ обратилъ бы все свое вниманіе на эту главнѣйшую часть своего хозяйства и дохода, не случись у него новой бѣды — судебной тяжбы съ сосѣдями, на что требовались опять до-зарѣзу деньги и деньги!

„Нагружай снова!“ грозно кричитъ онъ. — „Не довезутъ:“ робко заявляютъ извощики, „и кнута ужъ не слушаютъ, притерпѣлись; да къ тому же заморозки — гололедица ...“ — „Вздоръ! Не разсуждать! Возьмите новыя ременьчатыя плети! ...“

Нагрузили снова. Еле-еле тронулся съ мѣста обозъ и, полезъ, — разбрелся по обледенѣлой дорогѣ. Засвистали кнуты, завыли погонцы . . . Да не тутъ то было: многія изъ лошадей растянулись на льду, а иныя и съ возами кувырнулись въ канавы . . . Обозъ сталъ . . .

Побросавъ своихъ измученныхъ клячъ въ полѣ, стали извощики возвращаться одинъ за однимъ къ изумленному хозяину; каждый приносилъ ему тяжелыя, унылыя, безотрадныя вѣсти о своей подводѣ.

На этотъ разъ хозяинъ не только не получилъ никакого дохода, но очутился на краю полнаго разоренія, ибо ему пришлось сократить всѣ остальныя отрасли своего хозяйства и торговли и употребить не только всѣ остальныя свои наличныя средства, но и весь остатокъ своего кредита на возсозданіе своего обоза: на леченіе лошадей, на ремонтъ упряжи и телѣгъ, на непроизводительное содержаніе обозной прислуги, самихъ коней и пр.

Тутъ только понялъ хозяинъ, что́ для его хозяйства составлялъ обозъ. Тутъ увидѣлъ онъ ясно, что, не отвлекайся онъ отъ этого своего дѣла, приложи онъ къ нему по-больше знанія, любви и заботы, ни онъ бы не разорился, не погибли бы и его кони; вывезли бы они его **съ любовію** изъ всякихъ бѣдъ . . .

Тяжело задумался онъ; позднія слезы раскаянія показались на его глазахъ . . .

Вкругъ запечалившагося хозяина завертѣлись, съ предложеніемъ всякихъ услугъ, разные знахари, коновалы, ученые ветеринары, шорники, телѣжные мастера и др.

— „Давѣ бы тебѣ, хозяинъ, вывалить жеребцовъ: не надорвались бы въ извозѣ!“ говорятъ коновалы.

— „Надо-бы новую сбрую, подпруги, поддушины . . ; шоры бы надо ввести, хозяинъ, чтобы кони твои не развлекались глядя по сторонамъ.“

— „Надо новыя шипистыя подковы, чтобы кони на ходу поглубже вонзали ихъ въ твердь . . .“

— „Тебѣ бы, хозяинъ, съ хоромъ, съ палатъ-то своихъ перебраться бы самому въ конюшни и по-строже блюсти, да не убо . . .“

Мрачно внимаетъ хозяинъ голосу этой какофоніи и слышитъ въ ней одну и ту же царящую надо всѣмъ ноту: всѣми мѣрами возбудить а — нѣтъ, такъ возсоздать *рабочую силу* своихъ изнуренныхъ клячъ, . . . но единственно одну рабочую силу . . .; а хворыя клячи, понуро и безнадежно, стоятъ и ждутъ того момента, когда ихъ въ *новыхъ* „хомутахъ“ впрягутъ въ *новыя* „оглобли“, когда ихъ начнутъ стегать *новыми* „ременчатыми плетьми“.

— Нѣтъ! не то, не то . . . шепчетъ хозяину внутренній голосъ, — тутъ есть въ чемъ-то ошибка . . . коренная ошибка . . . да гдѣ?! — какая?! . . . Но, вотъ, до слуха его изъ висящей у окна клѣтки доносится голосъ птички:

„Любви-бы, любви, — одной чистой и прямой любви побольше! . . .“ различаетъ онъ въ этомъ щебетѣ. — „Не слушай, ты, хозяинъ, этой мрачной какофоніи! Этотъ говоръ и крикъ всякихъ мастеровъ и совѣтчиковъ основанъ на какихъ хочешь иныхъ чувствахъ, только не на любви. Не вѣрь, бѣдный, чтобъ помогли твоему горю: *подпруги, поддушины, шоры, плети* и т. п.; — погляди ты глазами иными на этихъ бѣдныхъ животныхъ, погляди *не исключительно, какъ на рабочую силу, предопредѣленную лишь къ тому, чтобы работать, страдать, терпѣть и умирать . . . Погляди ты на ихъ силы и способности, какъ на общую силу природы, розданную Богомъ всему одушевленному, и, такъ какъ ты властенъ, такъ какъ ты добръ, то создай ты, какъ то зависитъ отъ тебя — для этихъ несчастныхъ и замученныхъ на службѣ тебѣ животныхъ, такія условія труда, чтобы имъ самимъ любо было приняться за него, чтобы ихъ симпатіи были на его сторонѣ: тогда и имъ и тебѣ будетъ хорошо, и посмотри, какой миръ, какое высокое довольство снизойдетъ въ твою унылую душу.“* . . .

— „Странная, глупая ты птица“, сказалъ ей разочарованный хозяинъ: — „легко тебѣ щебетать своимъ птичьимъ горломъ эти розовыя фантазіи . . .“

— „Нѣтъ, не фантазіи, хозяинъ, щебечу я, — только прислушайся: во мнѣ говоритъ великая идея природы; Бога, создавшаго и тебя, и меня, и твоихъ коней . . . Конечно, я — не болѣе, какъ ничтожная птичка, да еще и лишенная внѣшней воли, въ клѣткѣ; но это не стѣсняетъ полета моей мысли, ибо чувства, къ которымъ взываю я своею пѣснью, съ избыткомъ имѣются въ твоей богатой натурѣ: я только сдергиваю съ нихъ покровъ, я только робко бужу ихъ . . .“

— „Прекрасно“, перебилъ хозяинъ, „но что же я подѣлаю съ этимъ чувствомъ, хотя бы оно и заполняло всю мою душу? Какой же выходъ, какое практическое примѣненіе можно дать ему въ данныхъ обстоятельствахъ?! . . .“

— „Смири, хозяинъ, свою человѣческую гордыню и выслушай до конца птичью пѣсенку: въ ней ты найдешь и желаемый отвѣтъ . . .“

Дворяне-землевладѣльцы; землевладѣльческое кулачество. Проявленіе иноземнаго землевладѣнія на нашихъ окраинахъ. Интеллигентный пролетаріатъ. Коммиссіи свѣдущихъ людей и предметы ихъ обсужденія. Маломощность дебатируемыхъ мѣръ. Нераціональность самой идеи о надѣлахъ.

Все, что говорилось до сего, говорилось о правительствѣ нашемъ, о пролетаріатѣ и о податномъ земледѣльческомъ сословіи.

Сказано обо всемъ этомъ вскользь, съ нарочитой краткостью, хотя въ нашемъ сознаніи и распоряженіи имѣется масса мыслей, фактовъ и выводовъ для доказательства и подтвержденія всего, о чемъ здѣсь упоминается. Но все же картина набросанная нами, будетъ не полна и односторонна если

мы не упомянемъ также, хоть вскользь, о другомъ лицѣ, дѣйствующемъ въ этой исторической комедіи. Лицо это, — дворяне-землевладѣльцы. Къ нашему сюжету сословіе это относится лишь со стороны землевладѣнія.

Невозможно не признать, *что новыя условія, созданныя великою реформою 1861 года, всею своею тяжелою стороною — легли на сословіе дворянъ-помѣщиковъ.* Реформа эта застала нашихъ помѣщиковъ неподготовленными къ ней. Почти внезапно лишенные крѣпостнаго дароваго труда, не получивъ, предварительно, спеціальнаго сельско-хозяйственнаго образованія, они растерялись ....

Подъ давленіемъ этого факта и множества порожденныхъ имъ послѣдствій, *экономическій бытъ* помѣщиковъ, *ихъ земельныя хозяйства,* хирѣя годъ отъ году, *пришли нынѣ въ полное и окончательное разстройство* — если не считать нѣкоторыхъ исключеній, приходящихся не болѣе, какъ по одному на каждый милліонъ душъ населенія имперіи. — Строго говоря, *если и есть еще у насъ на Руси доходныя и выгодныя дворянскія имѣнія, то доходъ и выгоды эти обусловливаются страшнымъ стѣсненіемъ сосѣднихъ съ такими имѣніями землевладѣльцевъ-крестьянъ,* чему наглядным поясненіемъ и примѣромъ можетъ служить скандальный и всѣмъ извѣстный недавній *процессъ Графа Бобринскаго* со своими сосѣдями-крестьянами. Къ несчастію, это не единичный фактъ, а потому остановимся на мгновеніе на причинахъ, вызывающихъ подобныя явленія.

По пословицѣ „своя рубашка къ тѣлу ближе,“ *помѣщики старались выдѣлить бывшимъ своимъ крѣпостнимъ земли въ возможно меньшемъ количествѣ и возможно худшаго качества, въ чемъ очень многіе и успѣли;* но, кромѣ того, надѣлы эти были, весьма часто, сдѣланы *черезъ-полосно* и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, *одною пахатною землею, безъ выгона, мѣса и луга.*

Созданная этимъ для крестьянъ *безвыходная необходимость: арендовать для себя выгоны и луга у сосѣдей-землевладѣльцевъ,*

покупать столь же необходимый лѣсъ у нихъ же, и притомъ все по произвольно назначаемымъ владѣльцами цѣнамъ, — *только эта необходимость, разоряя крестьянъ и сдѣлала имѣнія такихъ дворянъ-землевладѣльцевъ — доходными.*

Кромѣ того, при черезъ-полосномъ надѣлѣ случаются безпрестанныя *потравы,* за что опять *платится* крестьянинъ, увеличивая этимъ *доходность* имѣнія сосѣдняго землевладѣльца. (Судебными разбирательствами такого рода завалены всѣ камеры провинціальныхъ судовъ.)

Неужели же доходъ изъ такихъ источниковъ можно признать явленіемъ нормальнымъ, законнымъ?!

А между тѣмъ фактъ такой незаконной доходности дворянскихъ имѣній повсемѣстно и цинически удостовѣряется самими землевладѣльцами, какъ въ этомъ можетъ убѣдится всякій желающій, просмотрѣвъ любую изъ оцѣночныхъ вѣдомостей о доходахъ имѣній, представляемыхъ въ банки помѣщиками при залогѣ ихъ.

Въ каждой такой вѣдомости, въ особой графѣ, непремѣнно значится цифра ежегоднаго дохода съ сосѣднихъ крестьянъ за аренду выгоновъ или луговъ; а еще *въ особой графѣ,* какъ фактъ увеличивающій доходность, *значится сумма получаемая съ крестьянъ за потравы, порубки и пр.*

Но, несмотря на эти свои доходы (основанные на разореніи крестьянъ) несмотря на имѣвшіяся сначала у дворянъ средства, при помощи которыхъ они могли еще возсоздать свои хозяйства (подъ средствами этими мы разумѣемъ выкупныя свидѣтельства), благоустройство дворянскихъ имѣній у насъ все падало и падало, и *найдти въ настоящее время земельное дворянское имущество не заложеннымъ и не перезаложеннымъ въ разныхъ эксплоататорскихъ банкахъ или въ рукахъ частныхъ* лицъ — *благодѣтелей-жидовъ и православныхъ кулаковъ, почти невозможно.* Масса родовыхъ дворянскихъ имѣній въ Россіи уже перешла въ собственность такихъ земельныхъ *вампировъ;* переходъ остальныхъ туда же, вопросъ лишь времени.

Что сдѣлали эти вампиры съ перешедшею къ нимъ землею, слишкомъ извѣстно всѣмъ, неизвѣстно оно развѣ только одному правительству — ни чѣмъ до сихъ поръ не оградившему частныхъ владѣній отъ варварскаго истребленія въ нихъ лѣсовъ и не пресѣкшему безбожнаго насилованія въ нихъ земель!

На западныхъ окраинахъ нашего государства, въ пунктахъ, имѣющихъ колоссальную стратегическую важность, имѣнія эти, какъ показываетъ намъ статистика послѣднихъ дней, продолжаютъ переходить *въ руки иностранцевъ*, могущихъ, какъ говорятъ и завѣряютъ, въ настоящій моментъ уже выставить въ нихъ враждебный намъ контингентъ въ 100,000 человѣкъ!

Итакъ, по этой роковой покатости, въ недалекомъ будущемъ, землевладѣльческое дворянство наше, отживши свою экономическую роль, должно вовсе отойдти отъ земли и стать въ ряды интеллигентнаго пролетаріата, закончивъ собою колоссальное зданіе мужицкаго и учебнаго пролетаріата, о которыхъ сказано выше.

Что-же тогда станетъ съ нашею возлюбленною родиною, съ нашимъ народомъ и, наконецъ, съ нашимъ Верховнымъ представителемъ — съ Монархомъ?! Какія тогда понадобятся средства для охраны этого колосса противъ протеста такого количественнаго и качественнаго пролетаріата ?!!

Да, снова повторимъ мы, думать о созданіи такой охраны — прямое ослѣпленіе, есть самая критическая постановка всякаго государственнаго порядка и самой *власти* на скользкую и покатую (уголъ 89 град.) поверхность.

Съ восшествіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Монарха, несмотря на экстренную трудность момента, на́чало обнаруживаться новое вѣяніе въ области отношеній правительства къ земству и къ земледѣльческому вопросу вообще.

Созывъ коммиссій и свѣдущихъ земскихъ людей для разработки питейнаго и переселенческаго вопросовъ, поставленные на очередь вопросы объ облегченіи выкупныхъ платежей и тому

подобныя мѣры настоящаго правительства указываютъ на то, что и оно сознало необходимость и неотложность изысканія средствъ къ пріостановкѣ начавшагося уже, такъ сказать, экономическаго разложенія страны.

Вѣрные своей задачѣ, позволимъ себѣ критически взглянуть и на эти послѣднія мѣры.

Каждая изъ нихъ и всѣ онѣ совокупно основаны на добромъ началѣ и, конечно, принесутъ свою долю пользы — мы въ этомъ ничуть не сомнѣваемся! Изъ названныхъ мѣръ вопросъ *переселенческій* есть наиболѣе важный для народа, но, конечно, важный, лишь на столько, на сколько, сравнительно, важна одежда изъ новаго матеріала, имѣющая замѣнить рубище оборванца — не болѣе! Какъ новая пара платья при употребленіи имѣетъ *свой вѣкъ,* послѣ чего, въ свою очередь, дѣлается отрепьемъ и рубищемъ — такъ и тутъ: переселенецъ, покинувши свой выпаханный участокъ и переселившись на новую почву, выпахаетъ и сію послѣднюю, ставъ затѣмъ опять въ условія, изъ которыхъ выходъ одинъ: опять — переселеніе.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть и о всѣхъ теоріяхъ аграрнаго передѣла крестьянскихъ участковъ, проектируемаго нашими учеными спеціалистами, служащихъ безконечнымъ матеріяломъ для дебатовъ нашего Вольно-Экономическаго Общества. Въ засѣданіяхъ этого общества то и дѣло доказывается — увы, всѣмъ извѣстная! — аксіома о крестьянскомъ малоземельѣ. Съ филантропическимъ пафосомъ предлагаетъ сегодня аудиторіи теоретикъ N. N. признать необходимымъ для каждой крестьянской ревизской души надѣлъ въ 6 десятинъ; завтра, съ такою же страстностью, X. X. доказываетъ, что 6 десятинъ мало, что необходимо 12; затѣмъ опять новый ораторъ оппонируетъ двумъ предшествовавшимъ, утверждая, что 8^{ми} десятинъ вполнѣ довольно, и т. д. . . . . до безконечности.

На систему Г. Янсона и на всѣ дебаты защитниковъ *надѣла* мы отвѣтимъ скромнымъ указаніемъ на страницы

любаго календаря, гдѣ, на таблицахъ населенія имперіи слѣдуетъ взять цыфру душъ, населяющихъ нѣкоторыя губерніи и уѣзды, а на таблицахъ исчисленія площадей, занимаемыхъ тѣми же мѣстностями, взять цыфру десятинъ удобной земли, и, раздѣливъ послѣднюю на первую, убѣдиться въ неосновательности и даже въ полной неисполнимости теоріи добавочнаго надѣла крестьянству, не только въ предполагаемыхъ этими Г. Г.ми размѣрахъ, но часто даже и въ ничтожной пропорціи.

Да наконецъ, еслибъ само правительство нашло возможнымъ изъ своихъ запасныхъ казенныхъ земель сдѣлать новые, увеличенные надѣлы крестьянамъ, то произвести это повсемѣстно не было бы практической возможности, какъ по неравномѣрной густотѣ населенія, такъ и по разномѣрности запасовъ казенныхъ земель въ разныхъ губерніяхъ, вовсе несоотвѣтствующихъ сгущенности крестьянскаго паселенія.

Но если-бъ и не было этихъ препятствій и если-бъ правительству, тѣмъ или инымъ путемъ, и удалось достигнуть равномѣрно-увеличеннаго надѣла землсдѣльческаго крестьянства, то и въ семъ, на первый взглядъ кажущемся счастливымъ, случаѣ мы повторимъ то же, что сказали по поводу *переселенческаго* вопроса, т. е., что эти увеличенные, новые надѣлы будутъ подобны новой, болѣе просторно скроенной парѣ платья, даваемой оборванцу, и которая непремѣнно, со временемъ, также износится и сдѣлается ему узкою, какъ и замѣненное ею рубище.

Вопросъ *питейный* чуждъ спеціальности насъ занимающей, вопросъ же *объ облегченіи выкупныхъ платежей* и ему подобные, несмотря на своевременность ихъ постановки на очередь, — принимая во вниманіе, что всѣ эти „облегченія“ имѣютъ въ виду только облегченіе выкупа *тѣхъ самыхъ* участковъ, или надѣловъ, которые крестьяне теперь *добровольно покидаютъ сами* (стремясь переселеніемъ или иными путями измѣнить давящую ихъ обстановку) — суть вопросы праздные!

Не боясь стать во мнѣніи извѣстной части нашего об-

щества въ ряды отсталыхъ и мрачныхъ обскурантовъ, мы смѣло становимся *противъ надѣловъ* — большихъ, равно какъ и малыхъ — противъ самаго *принципа „надѣла“**) крестьянъ, или кого бы то ни было *змелею,* какъ не признаемъ и возможности *„надѣла“ воздухомъ, водой* и т. п. элементами природы**) — что и зародило въ насъ идею системы, излагаемой нами ниже.

Выдержки изъ положеній философовъ-человѣколюбцевъ по земельному вопросу. — Старо-русскія традиціонныя отношенія къ землѣ. — Уравненіе тяготы повинностей.

Задача наша такъ важна, что при изложеніи ея мы не убоимся показаться поочередно то соціалистами, то обскурантами, то покусителями на основныя права *собственности.*

Предъ нами святая цѣль Общественнаго Блага и упроченія законной власти въ лицѣ возлюбленнаго всѣми нами,

---

*) Противъ этого параграфа мы находимъ въ манускриптѣ нѣсколько поправокъ. Помѣщаемъ изъ нихъ только двѣ.

„Противъ самого принципа *„надѣла“* мы возстаемъ по двумъ направленіемъ. Во первыхъ съ точки зрѣнія нравственной, считая по меньшей мѣрѣ страннымъ дѣйствіе *„надѣленія“* человѣка, когда человѣкъ имѣетъ *право* на данный предметъ; а что этотъ приходящійся по праву предметъ еще и *продается* — это тѣмъ болѣе грѣшитъ противу этики. Во вторыхъ съ точки зрѣнія *экономической.* Вытекая изъ принципа частной земельной собственности принципъ *„надѣла“,* въ экономическомъ отношеніи, помимо того что страдаетъ тою же общею болѣзнью, какъ и его источникъ, т. е. несоотвѣтствіемъ этой формы владѣнія съ общественнымъ благомъ, — по крайнѣй мѣрѣ въ развитой культурно странѣ, съ болѣе или менѣе густымъ населеніемъ, — онъ, помимо этого, носитъ въ себѣ еще и тѣ спеціальные, смертельные даже для частнаго интереса и блага, зародыши, которые вообще присущи частному владѣнію болѣе или менѣе нищенскихъ размѣровъ. Доказательства?! Вотъ между прочимъ одно: „надѣлъ“ вовсе не заботится о судьбѣ слѣдующихъ поколѣній — и ясно, что потомству „надѣленнаго“ предстоитъ на унаслѣдованномъ участкѣ еще пущій голодъ, чѣмъ какой терпѣлъ его отецъ или дѣдъ.“

**) „— на которые каждый имѣетъ *право,* и которыми, съ другой стороны, никто *торговать* не долженъ; „надѣлъ“ же есть въ одно и то же время и *одариваніе* и *торговля.*“

русскими, Монарха; а гражданинъ, поднявшій такое знамя — неуязвимъ!

Передъ приступомъ къ изложенію нашей системы вспомнимъ принципы оскорбленныхъ умовъ, ратовавшихъ противъ *обдѣленности* низшихъ сословій за *права человѣка.* Насъ не должна стѣснять нѣкоторая парадоксальность этихъ принциповъ, обусловливаемыхъ рассой ихъ авторовъ и особенностями ихъ соціальной обстановки.

Вспомнимъ слова поэта:

„Только пчела чуетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,
„Только художника взоръ видитъ на всемъ прекраснаго слѣдъ."

Мы и возмемъ это *прекрасное* съ цвѣтовъ соціальныхъ парадоксовъ, какъ бы цвѣты эти ни были на видъ колючи и шиписты.

Жанъ-Жакъ-Руссо сказалъ:

„Тотъ, кто впервые имѣлъ смѣлость вбить въ землю два „кола и, положа межь ними жердь, убѣдить простодушныхъ „людей въ томъ, что за этой жердью земля есть его неотъ- „емлемая собственность, былъ прототипомъ и родоначаль- „никомъ нынѣшней буржуазіи."

Въ другомъ мѣстѣ онъ развиваетъ эту же идею такъ:

„Чѣмъ виноватъ я, что, родясь на свѣтъ тѣмъ же путемъ, „какъ и всѣ безъ исключенія мои предшественники, я засталъ „всю территорію позастроенною, позагороженною, такъ, что „куда ни пойдешъ, всё составляетъ уже чью-либо собствен- „ность" . . . и далѣе: „когда же народится исполинъ ума „и воли, который вырветъ эти колья, разметаетъ эти загороди „и объявитъ землю общественнымъ достояніемъ?!!" . . . .

Другой французскій мыслитель, болѣе близкаго къ намъ времени, Прудонъ, сказалъ въ высшей мѣрѣ щекотливый парадоксъ: *собственность есть кража.*

И тотъ и другой синтезисъ мы понимаемъ одинаково, т. е., въ смыслѣ земельной собственности.

Но ни Руссо, ни Прудонъ, ни ихъ послѣдователи не выработали радикальнаго регламента отношеній къ землѣ, на случай, еслибъ она освободилась отъ загородокъ собственниковъ, — и это породило безконечное разнообразіе толкованій ихъ ученій, дошедшихъ до совершенныхъ противорѣчій съ принципами самихъ учителей; межъ тѣмъ идеи Руссо и Прудона совершенно примѣнимы къ какому бы то ни было порядку или формѣ правленія и могутъ осуществить самое правильное и самое вѣрное устройство отношеній Государства и Общества къ землѣ.

Намъ же Русскимъ еще легче, еще удобнѣе построить свое зданіе на этихъ идеяхъ, такъ какъ много общаго въ нихъ съ нашими же собственными, исторически-традиціонными отношеніями къ землѣ, существовавшими у насъ въ старой, до-крѣпостной Руси.

Не руководитъ нами, пишущими эти строки, никакая пристрастная забота, а равно не относимся мы ни къ какому сословію государства съ бо́льшей симпатіей, чѣмъ къ другому, напротивъ, мы имѣемъ въ виду только сознаваемую нами необходимость регулированія и *уравненія правъ и обязанностей по отношенію къ матери-землѣ всѣхъ, безъ различія, гражданъ государства,* подъ верховнымъ покровительствомъ этихъ правъ Особы Самодержца Всероссійскаго.

Нами предлагаются мѣры, способныя удовлетворить всѣхъ обиженныхъ, обдѣленныхъ и отягченныхъ, снять съ нихъ излишнее непосильное бремя обязанностей и, руководствуясь чистымъ христіанскимъ чувствомъ, законами логики и реальными, практическими выгодами государственнаго хозяйства, *не нарушая* при этомъ „насильственно“ и *основъ частной собственности,* содѣйствовать распредѣленію этихъ излишне давящихъ одну часть народа обязанностей и тяготъ на всѣ сословія государства одинаково, безъ выдѣленія изъ-подъ такого уравненія никакой части гражданъ пользовавшихся до сего землей въ исключительныхъ условіяхъ, благодаря сословнымъ прерогативамъ, не оправдываемымъ уже долѣе чувствомъ

законности. Это чувство законности и справедливости добилось уже устраненія двухъ печальныхъ явленій: неравенства по военной службѣ и по суду; его побѣдѣ мы обязаны уже двумя реформами: общей воинской повинностью и гласнымъ судопроизводствомъ; остается ему добиваться еще однаго: **уравненія по образованію.**

Проектъ земельно-податной реформы.

Принципъ права владѣнія частною земельною собственностью, въ основѣ своей, не нарушается, а опредѣляются только обязанности неизбѣжно истекающія, по логикѣ и справедливости, изъ самаго этого права:

Съ цѣлью постепеннаго водворенія принциповъ: равноправности по отношенію къ землѣ и равнообязательности по отношенію къ налогамъ — признается теперь же, съ одной стороны за каждымъ, безъ изъятія, гражданиномъ имперіи — безъ различія пола и сословій — право на извѣстнаго minimum'а надѣлъ землею, нужный для устройства усадьбы съ огородомъ при ней, надѣлъ этотъ *даровой**), и участокъ такой называется „подушнымъ“ или, поголовнымъ; съ другой стороны каждый же облагается и извѣстнаго minimum'а государственною податью. Для удобства подать сія связывается во-едино съ выше указаннымъ правомъ, являясь въ формѣ поземельнаго налога съ подушнаго участка. Участокъ этотъ именно облагается *равною для всѣхъ, по возможности незначительною податью,* называемою нами, *„государственною“* или *„гражданскою“*.

---

*) Значитъ, строго говоря, не „надѣлъ“ въ практикуемомъ теперь смыслѣ, ибо земля, даваемая теперь въ надѣлъ, *продается* надѣляемому, только — *въ разсрочку.*

Фактическое владѣніе участкомъ, ни для кого *не обязательно,* взякій можетъ принять или не принять его, принявъ пользоваться или не пользоваться имъ. Но *право на владѣніе сохраняется пожизненно* за каждымъ и не принявшимъ, и фактически воспользоваться этимъ правомъ можетъ онъ всегда.

Не принявшіе своего участка не освобождаются однакоже этимъ путемъ отъ minimum'а земельной повинности: они всё таки *подлежатъ той же* обязательной для каждаго *подушно-равномѣрной,* вышеозначенной *государственной* или *гражданской* минимальной *подати.* (Значитъ какъ бы за сохраненіе для нихъ ихъ участковъ, въ виду ихъ пожизненнаго права, которое, какъ сказано, они могутъ пожелать реализировать въ любой данный моментъ.)

Размѣръ подушнаго участка опредѣляется, *по мѣстностямъ, доходностью* и относительною *качественностью* земли.

Таковой участокъ *не облагается никакою иною повинностью,* кромѣ вышеозначенной; *не можетъ быть отчуждаемъ ни дарственно, ни за долги, ни продажею, и составляетъ наслѣдственную собственность, переходящую къ старшему въ родѣ.*

По прекращеніи потомства, таковой участокъ *возвращается въ государственную собственность.*

По личнымъ желаніямъ владѣльцевъ, участки могутъ быть между ними обмѣниваемы, — участокъ на участокъ — а равно спеціальныя власти, по ходатайствамъ гражданъ, когда будутъ признавать это возможнымъ и для государства безразличнымъ, могутъ обращать извѣстные участки обратно въ казну и, въ замѣнъ ихъ, выдѣлять другіе, въ иныхъ мѣстностяхъ или въ тѣхъ же, но отвѣчающіе инымъ условіямъ, — для чего должны быть выработаны особыя постановленія.

Относительно крестьянъ, нынѣ надѣленныхъ уже землею, мѣра эта примѣняется такъ: изъ числа десятинъ земли, состоящихъ нынѣ во владѣніи крестьянина-собственника выдѣляется опредѣленный минимумъ: *нашъ надѣлъ* — усадьба и

огородъ, или совокупляется нѣсколько такихъ выдѣленій, по количеству ревизскихъ или вообще взрослыхъ членовъ семьи, и вся эта земля освобождается отъ всѣхъ налоговъ, кромѣ минимальнаго — *государственнаго.* Остальная же за тѣмъ земля, оставаясь во владѣніи того же собственника (или собственниковъ), облагается иною *земельною податью* на общихъ основаніяхъ, которыя мы ниже изложимъ.

Безземельный персоналъ крестьянъ, равно какъ и лицъ всѣхъ прочихъ сословій, желающихъ фактически пользоваться этимъ, для всѣхъ равнымъ правомъ осѣдлости, надѣляются такими же подушными участками изъ земель государственныхъ, причемъ *имѣютъ право на отрѣзку имъ оныхъ въ той или иной мѣстности, смотря по ихъ желанію, если нѣтъ къ сему физическихъ или какими либо законами предусмотрѣнныхъ препятствій.*

Изъ вышесказаннаго само собою слѣдуетъ, что тѣмъ же правомъ пользуются и всѣ высшіе чины государства и что и они не освобождены отъ того же гражданскаго налога.

Вся остальная *площадь земли частнаго владѣнія* въ государствѣ, *за выдѣленіемъ* изъ нея только вышеозначенныхъ *подушныхъ надѣловъ, состоящая собственностью лицъ, компаній, общинъ и учрежденій,* начиная отъ $^1/_4$-наго крестьянскаго надѣла, до маіоратовъ и владѣній высоко-поставленныхъ лицъ чиновной іерархіи включительно: родовая ли она, благопріобрѣтенная ли, или жалованная — всё равно, безъ всякихъ исключеній — *облагается относительно-равною и для каждаго землевладѣльца обязательною, особою — „поземельною" податью.*

Размѣръ этой подати опредѣлится такъ: *сумма,* какую составятъ многоразличные, вмѣстѣ взятые виды *повинностей, лежащихъ нынѣ на крестьянствѣ,* а именно: государственная подать, земскія повинности и мірской сборъ (со входящими въ послѣдній повинностями: дорожной, школьной, церковной, санитарной, воинской и всѣми иными), *должна быть раздѣ-*

лена на общую же сумму единицъ мѣры земли всего частнаго землевладѣнія.

Единица же мѣры земли (или, обратно, оцѣнка какой либо одной нормальной мѣры) должна быть *во всякой данной мѣстности своя* т. е., должна опредѣляться ея доходностью, или, что всё равно, оцѣночною стоимостью, напр.: одна квадратная верста безплодныхъ сѣверныхъ тундръ можетъ равняться, по своей платежной повинности, одной десятинѣ бѣдной бѣлорусской почвы, ста квадратнымъ саженямъ черноземной полосы Россіи или десяти квадратнымъ саженямъ земли южнаго берега Крыма.

Говоря проще: одна и та же повинность взымается повсюду, съ каждаго рубля земельной оцѣнки.

Повинность эта, равномѣрно распредѣленная на всю громадную площадь земель частнаго владѣнія, была бы актомъ высшей справедливости и имѣла бы основною цѣлью не поблажку бѣдныхъ на счетъ богатыхъ, а, напротивъ, подчиненіе какъ бѣдныхъ и неимущихъ классовъ, такъ и богатыхъ однѣмъ и тѣмъ же повинностямъ — каждаго въ размѣрѣ его богатства или его бѣдности, при чемъ владѣлецъ одной всего десятины свыше подушнаго надѣла оплатитъ ее въ тысячу разъ мѣньшею повинностью, сравнительно съ богатымъ сосѣдомъ своимъ, владѣтелемъ 1000^{чи} десятинъ сверхъ подушнаго же своего надѣла.

Всякіе другіе налоги, кромѣ двухъ упомянутыхъ: государственнаго и поземельнаго, *съ землевладѣльца и съ земледѣльца слагаются;* такъ что каждый земледѣлецъ ясно и опредѣленно и главное, впередъ будетъ знать: сколько ему придется платить повинностей, если онъ владѣетъ одною или ста десятинами земли, во всякой данной мѣстности.

Затѣмъ, *участки* крестьянскаго владѣнія, равно какъ и обширныя владѣнія частныхъ лицъ, не культивируемые владѣльцами и, вслѣдствіе того или иныхъ причинъ, *не отбывающіе правильно земельную повинность, переходятъ въ госу-*

дарственную собственность, и владѣльцамъ ихъ, по мѣстной оцѣнкѣ этихъ имуществъ, *выдаются „земельные листы“*, въ суммѣ стоимости ихъ имѣній по этой оцѣнкѣ, за вычетомъ накопившихся за ними недоимокъ.

Листы эти должны приносить непрерывный процентный доходъ, котироваться на биржахъ, приниматься залогами по казеннымъ поставкамъ и подрядамъ и *періодически погашаться въ тиражѣ*, съ оплатою ихъ по номинальной ихъ стоимости. *Обезпечиваются же они земельнымъ государственнымъ имуществомъ.*

Протеста, противъ этой нашей системы, можно ожидать развѣ только отъ ничтожнаго по численности, но важнаго по вліянію на государственныя дѣла числа лицъ, одержимыхъ недугомъ или маніею родоваго или имущественнаго тщеславія, ибо, по введеніи въ дѣйствіе этой системы, невыгодно уже будетъ имъ удерживать за собою имѣнія, за которыя имъ придется платить земельный налогъ, не эксплоатируя ихъ.

Такимъ образомъ площадь земель государственныхъ имуществъ будетъ быстро увеличиваться: въ эту категорію перейдутъ не только тѣ помѣщичьи земли которыя нынѣ, вслѣдствіе неэксплоатаціи ихъ, остаются почти бездоходными, но и большое число имѣній остающихся теперь за земельными кредитными учрежденіями, за неплатежи по ссудамъ.

Для противодѣйствія же кулакамъ-землевладѣльцамъ, ростовщически отдающимъ свои земли, участками, въ пользованіе крестьянамъ, слѣдовало бы, при самомъ приступѣ къ дѣлу, *объявить повсюду арендную отдачу и казенныхъ земель мелкими же участками за плату, равную нормѣ поземельной повинности* въ данной мѣстности; впрочемъ, мѣра эта во всякомъ случаѣ сама собою вытекаетъ изъ смысла нашей системы и быстро освободитъ изнемогающихъ теперь крестьянъ отъ высасыванія изъ нихъ ихъ послѣднихъ соковъ этими хищными землевладѣльцами-кулаками.

Такимъ образомъ, на Руси, *въ самомъ непродолжительномъ*

времени, безъ всякаго насилія, отошло бы въ прошлое, въ вѣчность и самое слово „земельная собственность“, — и тѣмъ **Исполиномъ ума и воли** который *разметалъ бы загороди и объявилъ бы землю достояніемъ общественнымъ,* о чемъ такъ пророчески тосковалъ великій мыслитель-народолюбецъ Жанъ-Жакъ-Руссо, **явился бы нашъ Государь Императоръ. Со всею мощью Своего авторитета** подтвердилъ бы **Онъ** и выше приведенное нами изрѣченіе: *„собственность есть кража“* — и *въ самомъ недалекомъ будущемъ, безъ всякихъ рѣзкихъ мѣръ, вся необъятная ширь земель Россіи сдѣлалась бы уже не личною, не частною, а общественно-государственною собственностью,* **нынѣшніи же Самодержецъ ея сталъ бы родоначальникомъ новой экономической, всемірно-аграрной эры ...,** а **Россія** не допустившая, по присущему ей генію, умалиться сопряженной съ Самодержавіемъ мощи, **далеко бы опередила не только конституціонныя, но и всѣ республиканскія государства,** проведши единымъ словомъ своего Монарха, однимъ указомъ своего Вождя Сенату, такую исполинскую мѣру, проведеніе которой черезъ парламенты, хотя бы и по имѣющемуся уже образцу, не только потребовало бы цѣлаго вѣка времени, но и дѣятелей съ такой энергіей, такой смѣлостью, а главное съ такимъ обширнымъ авторитетомъ, которымъ если и обладаютъ нѣкоторые — то это люди такія, какихъ приходится, среднимъ числомъ, на каждое тысячелѣтіе едвали и по одному.

Арендныя отношенія, существующія нынѣ между землевладѣльцами и земледѣльцами, остаются тѣ же, *уничтожается* только, путемъ закона, *право переаренды, какъ частныхъ такъ и казенныхъ земель.*

Для облегченія же земледѣльцамъ *сношеній по арендованію* казенныхъ земель, мелкими участками, *и для противодѣйствія разоренію ихъ всякими хищниками* — закладчиками, ростовщи-

ками-жидами, православными кулаками, проходимцами и вообще всѣмъ персоналомъ экономическихъ враговъ народнаго хозяйства, — правительствомъ *должна быть учреждена сѣть многочисленныхъ бюро,* которыми должны завѣдывать во всякой данной мѣстности добросовѣстныя свѣдущія лица, *выборныя отъ земствъ и утвержденныя на постахъ правительствомъ.* Бюро эти, кромѣ сдачи государственныхъ земель въ аренды, могутъ сдѣлаться, впослѣдствіи, и центрами устройства мелкаго народнаго кредита, кассъ взаимнаго страхованія, сбереженій и т. п.

Раціональное устройство таковыхъ бюро, по крайнему нашему разумѣнію, должно составить предметъ особой заботливости правительства, какъ *мѣра* самой первостепенной важности и *неотложно-настоятельной необходимости.*

Размѣръ участковъ, сдаваемыхъ казною въ аренду, долженъ быть строго регламентированъ, для избѣжанія злоупотребленій, могущихъ стѣснять мелкихъ арендаторовъ (о которыхъ должна быть первая забота), и *не долженъ превышать заранѣе опредѣленнаго для данной мѣстности максимума;* но *въ разныхъ мѣстахъ,* хотя бы и той же губерніи, *одно лицо можетъ арендовать нѣсколько такихъ участковъ.*

Общинной арендѣ, какъ явленію полезному и бытовому-русскому, *надо давать предпочтеніе,* затѣмъ удовлетворять единичныхъ мелкихъ арендаторовъ, а потомъ уже крупные многоземельные запросы.

Насажденію, расширенію и улучшенію кустарныхъ и иныхъ промысловъ, долженствующихъ служить подспорьемъ земледѣльцамъ, *ничто въ нашей системѣ не мѣшаетъ прогрессировать;* напротивъ, ожидаемое отъ нея увеличеніе народнаго благосостоянія вообще, должно благодѣтельно подѣйствовать и на развитіе этихъ придаточныхъ занятій земледѣльца.

По мѣрѣ расширенія дѣйствія предлагаемой нами системы, *земельные банки,* равно какъ *и всякое частное ростовщичество, должны,* постепенно, сами собой *упразднiться.*

Нынѣ поднятый правительствомъ *переселенческій вопросъ*, по развитіи нашей системы, *получитъ иное, здоровое направленіе*, другой смыслъ и болѣе вѣрное примѣненіе: *теперь смотрится на это массовое движеніе народа, какъ на необходимое зло*, вызванное неблагопріятными экономическими условіями народнаго быта, и проектируются мѣры къ урегулированію его; *мы же*, при развитіи повой системы, *будемъ признавать* такія передвиженія народа нетолько *желательными*, но и *способствующими болѣе правильному разселенію силъ въ государствѣ.*

Земельная повинность, какъ сказано выше, взымается съ каждой единицы мѣры (десятины, морга и даже сажени земли), но обусловливается еще и другими государственными соображеніями. Будучи, по-истинѣ, главнѣйшимъ, чувствительнѣйшимъ нервомъ, или, такъ сказать, пульсомъ народно-государственнаго организма, повинность эта *должна отражать всѣ симптомы болѣзни сего организма и тѣмъ служить уврачеванію ее* напр.: при мѣстномъ недородѣ хлѣбовъ, или голодѣ въ данной мѣстности, налогъ этотъ долженъ тамъ уменьшаться или и вовсе слагаться, а убыль, причиненная этимъ казнѣ, должна въ то же время покрываться повышеніемъ на извѣстный соотвѣтственный процентъ того же налога по всей остальной площади государства, чѣмъ и будетъ парализоваться неблагопріятное вліяніе подобныхъ частныхъ бѣдственныхъ явленій на государственный фискъ. При общихъ бѣдствіяхъ государства, каковымъ, напримѣръ, во всякомъ случаѣ, должно признать *войну*, повинность эта должна равномѣрно и повсемѣстно повышаться; по минованіи же подобныхъ бѣдствій она опять должна нисходить къ нормальному своему минимуму; — при особо же благопріятномъ финансовомъ состояніи государства, государственнаго долга, кредитнаго рубля и пр. этотъ же налогъ можетъ быть и уменьшаемъ.

При сознанной правительствомъ необходимости разрѣдить скученность населенія въ данной мѣстности стоитъ только

временно возвысить въ ней норму этого же земельнаго налога и, на-оборотъ, понизить ее въ той мѣстности, куда желательно направить переселеніе, и оно совершится постепенно и систематически, — совершенно спокойно совершится то же самое, что теперь сопровождается такими трудностями и такими бѣдствіями.

Искусно владѣя этою нехитрою новою машиною, легко противодѣйствовать и такимъ явленіямъ, какъ излишнее разселеніе въ нашихъ пограничныхъ окраинахъ иноземныхъ силъ.

Въ мѣстностяхъ имперіи, требующихъ безотлагательнаго *облѣсенія* и *ирригаціи*, каковыми слѣдуетъ считать всю площадь черноземной Новороссіи, земельная повинность могла бы отбываться личнымъ трудомъ населенія, правильно руководимымъ опытными спеціалистами этого дѣла.

Физическія силы и способности населенія мѣстностей, пострадавшихъ отъ климатическихъ и другихъ бѣдствій, обрекаемаго теперь на бездѣйствіе и голодовки и — много разъ — подкармливаемаго на средства правительства, могли бы, при нашей системѣ, быть тотчасъ же утилизируемы правительствомъ для полезныхъ, общественныхъ цѣлей, значущихся въ предшествующемъ параграфѣ и при этомъ удовлетворительно же и оплачиваемы: всѣ подобныя бѣдствія теряли бы такимъ образомъ свою остроту и рѣзкость, какъ для подвергшихся имъ населеній, такъ и для государственнаго фиска.

Чтобы сколь возможно скорѣе остановить нынѣшнее хищническое истребленіе лѣсовъ, еще имѣющихся *въ частномъ владѣніи,* слѣдовало бы, не медля болѣе ни единаго дня, даже *до* поступленія этихъ имѣній (по принципамъ нашей системы) въ государственную собственность, *подчинить ихъ эксплоатацію правительственной опекѣ* и дозволять оную не иначе, какъ по правиламъ научнаго лѣсоводства, ибо каждый день, выигранный этою мѣрою у будущаго, спасетъ для Россіи хоть часть того имущества, расходъ котораго можетъ пополняться лишь десятками лѣтъ!

Всѣ прочія статьи государственныхъ доходовъ, какъ то: прямые и косвенные налоги на иныя имущества, на трудъ, профессіи, права, капиталы и пр., могутъ остаться на прежнихъ основаніяхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и быть измѣненными соотвѣтственно прочимъ нововведеніямъ.

Съ нравственной стороны, принципъ, вложенный въ основу нашей системы, даетъ правительству полнѣйшую возможность совершить требуемую реформу съ тѣмъ же величавымъ, мирнымъ и высокимъ христіанскимъ достоинствомъ, которое руководило волею въ Бозѣ почившаго Монарха при совершеніи имъ великой реформы *освобожденія.*

Сложность и многотрудность задачи: установить соотвѣтствіе между создаваемыми нашею системою новыми явленіями общественнаго быта и формами нынѣ дѣйствующихъ факторовъ общаго государственнаго благоустройства — потребуютъ на это дѣло всю наличную силу и всю интенсивность россійскаго генія, россійскаго интеллекта; но **цѣль этой идеи и громадность значенія результатовъ ея осуществленія такъ велики, такъ колоссальны,** что **стóятъ всякаго напряженія, всякаго труда,** въ особенности — если принять во вниманіе безнадежность и разочарованность россійскаго общества въ настоящій историческій моментъ.

Умиротворяющее же и полное свѣтлыхъ надеждъ впечатлѣніе на всю массу русскаго народа — при первомъ даже приступѣ къ осущественію сей реформы — **повѣетъ свѣжимъ и живительнымъ духомъ** на общественное уныніе, раскроетъ широко врата творчеству мысли русскаго генія, возсоздастъ надежды и довѣріе къ власти, подорветъ самую возможность дальнѣйшаго существованія и прогрессивнаго роста у насъ пролетаріата (и всѣхъ

обусловливаемыхъ имъ явленій, нами выше достаточно очерченныхъ), сплотитъ еще болѣе реально Особу Монарха съ Его народомъ **и поставитъ многоземельное государство Россійское**, въ средѣ другихъ государствъ свѣта, **на ступень, предназначенную ему самой природой**, самой силой вещей, ея геологическимъ, географическимъ, бытовымъ и историческимъ положеніемъ, — **сдѣлаетъ его**, наконецъ, **самою производительною и величейшею земледѣльческою страной всемірнаго значенія.**

Мнѣнія профессоровъ и ученыхъ о проектѣ земельно-податной реформы.

Мнѣніе первое.

Поземельно-податной планъ, набросанный въ главныхъ чертахъ N. N. N. . . . . [b] при сотрудничествѣ N. N. N. . . . . [a] намъ, въ засѣданіяхъ нашихъ 7го и 9го сего Января, его изложившаго, заключается въ слѣдующемъ:

1) Всѣ подданные Имперіи, достигшіе совершеннолѣтія, безъ различія пола, имѣютъ право на поземельную осѣдлость съ весьма незначительной за нее податью въ пользу государства.

Съ этой цѣлью, каждому выдѣляется, если онъ имѣетъ землю — въ его землѣ, а если у него нѣтъ земли, то — изъ государственныхъ земель, небольшой клочекъ земли подъ усадьбу и огородъ. Подать съ него опредѣляется незначительнымъ процентомъ съ цѣны земли, отведенной подъ огородъ и усадьбу. Земля эта отводится не въ собственность, а въ распоряженіе и пользованіе, а потому не можетъ быть ни продаваема, ни закладываема, ни отдаваема въ аренду, а переходитъ лишь по наслѣдству къ одному старшему наслѣднику послѣ умершаго; а если послѣ владѣльца не будетъ законныхъ наслѣдниковъ, то она, какъ выморочная, поступаетъ въ казну.

Никто не обязывается непремѣнно имѣть такой участокъ; но неимѣющій его платитъ государственоую подать извѣстнаго размѣра.

2) Вся остальная земля, кому-бы она ни принадлежала, если только находится во владѣніи частнаго лица, облагается въ пользу государства поземельной нодатью. Подать эта замѣняетъ всѣ существующіе теперь прямые окладные налоги и натуральныя повинности и опредѣляется въ видѣ извѣстнаго процента съ цѣнности земли. Каждому предоставляется имѣть въ своемъ пользованіи столько такой земли, сколько желаетъ и можетъ безъ нарушенія чьихъ либо правъ, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что установленіе по такой землѣ субъ-аренды рѣшительно воспрещается, другими словами: арендаторъ такой земли не имѣетъ права отдавать ее отъ себя въ аренду.

3) Неисправный взносъ поземельной подати съ земли этого рода (неусадебной) влечетъ за собою, если она принадлежитъ кому-либо на правѣ собственности, кромѣ казны, выкупъ ея въ казну, посредствомъ выпуска поземельныхъ процентныхъ листовъ, погашаемыхъ періодическими тиражами.

Таковы главныя положенія. Изъ нихъ безспорно и безоговорочно полезнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ благодѣтельнымъ долженъ быть признанъ п. 2-й, именно: установленіе поземельной подати, съ распространеніемъ ея на всѣхъ безъ изъятія пользующихся землею и въ равной мѣрѣ, смотря не по лицу, а по землѣ. Это облегчитъ народныя массы, — перенеся часть податныхъ тягостей съ нихъ на другіе классы населенія, которые теперь несправедливо пользуются въ податномъ отношеніи большими льготами.

Предположенное въ п. 1-мъ право на полученіе усадебной осѣдлости несомнѣнно принесетъ также ожидаемую отъ него большую пользу бездомнымъ, а слѣдовательно и всему обществу и государству, но, конечно, въ такомъ только случаѣ, если усадьба и огороды будутъ отводиться вблизи отъ поселеній, ибо иначе осѣдлость ни къ чему не послужитъ, или

создастъ вдали отъ населенныхъ мѣстъ притоны воровъ и разбойниковъ.

Наконецъ, отмѣна продажи земель за податную недоимку съ публичныхъ торговъ и замѣна ея выкупомъ ихъ въ казну, какъ мѣра постепенной экспропріаціи частной поземельной собственности, будетъ подвигать дѣло крайне медленно, такъ какъ каждый землевладѣлецъ будетъ предупреждать экспропріацію передачею своей земли въ другія руки, пока доходъ отъ нея превышаетъ слѣдующія съ нея подати, и слѣдовательно въ казну будутъ поступать однѣ земли, совершенно истощенныя, невыносящія податей. Поэтому подобная мѣра едва ли принесетъ ожидаемую отъ нея пользу и можетъ лишь обременить казну значительнымъ долгомъ за пріобрѣтеніе земель истощенныхъ, не приносящихъ никакого дохода. Той-же цѣли легче и скорѣе можно достигнуть другими мѣрами, наприм. ограниченіемъ правъ наслѣдованія извѣстными степенями родства въ боковыхъ линіяхъ.

Какъ-бы то ни было, планъ предлагаемый Г. г. ..... и ....., разсчитанный на пользу народныхъ массъ и бездомныхъ людей, не можетъ не возбуждать большаго сочувствія и представляетъ мѣры, осуществленіе которыхъ весьма желательно.

Но спрашивается далѣе: можетъ-ли этотъ планъ немедленно, тотчасъ-же, успокоить глубоко взволнованные умы и положить конецъ броженію, принимающему у насъ зловѣщіе размѣры? На этотъ вопросъ, мы, по совѣсти, должны отвѣчать отрицательно. Планъ Г. г. ..... и ..... содержитъ въ себѣ общую мысль, осуществленію которой должна предшествовать продолжительная тщательная разработка. При жалкомъ состояніи нашей экономической и финансовой статистики, пройдетъ много времени, пока мысль обратится въ проектъ закона; а при теперешнемъ нашемъ административномъ механизмѣ, обветшаломъ, безсильномъ и негодномъ, нѣтъ никакой надежды, чтобы такой законъ перешелъ въ дѣло въ томъ видѣ и духѣ, въ какомъ задуманъ и выработанъ.

Длл успокоенія умовъ, нужна не какая нибудь немедленно проведенная реформа, а твердая увѣренность всѣхъ, что нужныя реформы въ огражденіе правъ подданныхъ русскаго государства, безъ различія вѣры, національности и общественнаго положенія, будутъ придуманы и совершены, несмотря ни на какіе происки; что имущество, честь, личная безопасность будутъ зависѣть отъ закона и суда, а не отъ благоусмотрѣнія того или другого чиновника.

Для внушенія такой увѣренности, изчезнувшей вслѣдствіе сильнѣйшаго развитія административнаго произвола на всѣхъ ступеняхъ управленія и во всѣхъ его отрасляхъ, нужно коренное преобразованіе центральной и мѣстной администраціи, введеніе въ нее элементовъ по свободному выбору страны, ограниченіе произвола чиновниковъ, замѣна теперешняго хаоса указовъ и министерскихъ циркуляровъ правильнымъ, яснымъ и твердымъ закономъ, обезпеченіе всѣхъ и каждаго судомъ, свободнымъ отъ административныхъ вліяній. Одно несомнѣнное убѣжденіе, что правительство твердо, безъ колебаній стало на этотъ путь, тотчасъ-же успокоитъ умы и прекратитъ теперешнее безтолковое и опасное броженіе. Въ неурядицѣ центральнаго и мѣстнаго управленія — источникъ всего зла; въ отмѣнѣ этой неурядицы и замѣнѣ ея законнымъ порядкомъ — ключъ къ нашему обновленію.

С.-Петербургъ,
Января 15 дня 1882 года.

Слѣдуютъ подписи.

Мнѣніе второе.

Милостивые Государи!

. . . . . .

. . . . . .

Сообщивъ намъ главныя основанія Вашего аграрно-податнаго проекта, Вы просите высказать наше по этому предмету мнѣніе. Задача эта, по многимъ причинамъ, не легкая.

Основныя начала Вашего проекта несомнѣнно вполнѣ симпатичны и, надобно полагать, будутъ имѣть благодѣтельные результаты.

Налогъ поземельный безспорно самый правильный и самый законный, и если всѣ имѣютъ право на пользованіе землею, то всѣ должны и платить за такое право, а тѣмъ болѣе — за дѣйствительное владѣніе, въ томъ или другомъ размѣрѣ, поземельными угодьями. При такомъ порядкѣ — если бы ему суждено было осуществиться въ нашемъ отечествѣ — всякій имѣлъ бы возможность прилагать свой трудъ къ землѣ и извлекать изъ нея средства для своего существованія, и очевидно пролетаріату не было бы мѣста. Съ другой стороны не лежали бы впустѣ, какъ теперь, громадныя пространства иногда самыхъ плодородныхъ земель, потому что трудно допустить чтобъ много нашлось желающихъ платить за одно только право владѣнія землею и не получать никакой ренты съ владѣемаго участка. Такимъ образомъ можно ожидать, что, если осуще-

ствится Ваша, М..... О..... идея, сельское хозяйство Россіи должно будетъ сильно подняться, и наше отечество сдѣлается дѣйствительно страною земледѣльческою, а этого нельзя не желать, такъ какъ *продукты земледѣлія, это — наше золото, на которомъ держится курсъ и зиждется все благосостояніе Россіи.*

О другихъ выгодахъ по Вашему аграрно-податному проекту, т. е., о равенствѣ всѣхъ и каждаго передъ закономъ по поземельному налогу и о безконечномъ чрезъ то облегченіи теперешняго податнаго класса и. т. п., мы считаемъ излишнимъ даже и распространяться.

Примите, Милостивые Государи, увѣреніе въ совершенномъ нашемъ почтеніи и преданности.

Слѣдуютъ подписи:

Господамъ .. ..

и .. ..

15го Января 1882 года.

Получавшіяся по мѣрѣ выхода труда замѣчанія и наши отвѣты на нихъ.

Если оппонентъ признаетъ, что причины, породившія и порождающія недовольство, авторомъ указаны *совершенно вѣрно,* а также, что вѣрны указанія его *на то, чего слѣдуетъ держаться, на что обратить вниманіе для выхода изъ тяжелаго положенія,* то вопросъ: *какъ изъ этого выдти?* самъ собою упраздняется, т. е., можетъ разрѣшиться самимъ оппонентомъ; и тогда намъ по этому пункту останется только сказать, что *нѣтъ, взглядъ нашъ* на это дѣло *не сходствуетъ со взглядомъ правительственнымъ: мы смотримъ на элементы, названные нами противу-правительственными, какъ на неизбѣжное слѣдствіе временно-бользненнаго состоянія государственнаго организма,* а правительство, т. е., *люди стоящіе во главѣ управленія, видятъ въ нихъ* нѣчто иное, а именно: *только проявленіе злой воли человѣка или людей*; далѣе оно *караетъ эти слѣдствія, не уничтожая причинъ,* а *мы желали бы уничто-*

жить только причины, полагая, что тогда слѣдствія сами собою сдѣлаются невозможными.

Мы, кажется, довольно ясно доказали въ нашей запискѣ, что измѣнивъ только нѣсколько извѣстныя отношенія гражданъ къ землѣ, не нарушая при этомъ ни одного изъ существенныхъ (а не фиктивныхъ) правъ этихъ гражданъ, мы достигаемъ возможности радикальнаго исцѣленія самой болѣзни; ибо, тѣмъ самымъ, не только вычеркиваемъ мы изъ лексикона, изъ нашихъ понятій и даже изъ нашей памяти, самое слово *„крестьянинъ“*, или *сѣрый мужикъ*, но уничтожаемъ саму реальную сущность, выражаемую этимъ словомъ, уничтожаемъ то *тѣло*, что заражено, и создаемъ на мѣсто его другое тѣло — *тѣло гражданина*, — леченіе самое радикальное: та болячка, которая могла проявляться на тѣлѣ мужика, не мыслима на тѣлѣ гражданина — ибо, при этомъ перерожденіи, происходитъ полное разложеніе тѣла стараго, одряхлѣвшаго, а новое соединеніе составлявшихъ его здоровыхъ началъ, въ иныхъ пропорціяхъ, порождаетъ иное — вѣчно молодое, новое тѣло, которое по самимъ свойствамъ своимъ, по самимъ тѣмъ пропорціямъ, въ которыхъ вновь соединятся тѣ же старыя начала для его составленія, не сохранитъ уже съ первымъ ничего общаго. Просимъ обратить вниманіе и на то, что это перерожденіе имѣетъ произойти у насъ не путемъ уничтоженія и рѣзко-грандіознаго возсозданія, а *покойно, мѣрно и незамѣтно*, какъ будто переживаемое въ укрѣпляющемъ снѣ.

Предлагаемыя мѣры исходятъ изъ несомнѣннаго желанія добра, внушены возвышенными чувствами но не осуществимы. Чтобъ человѣкъ имѣлъ право на землю — въ смыслѣ собственности — какъ на воздухъ и воду, только вслѣдствіе появленія своего на свѣтъ это — противно государственному праву

Если мы вѣрно понимаемъ оппонента, выражающаго мысль, что владѣть землею *въ силу просто одного бытія*, противно го-

сударственному праву, то и нашей системой мы признаемъ этотъ принципъ и даже именно этотъ и никакой иной; но мы развиваемъ его строго-логически, прогрессируемъ его, т. е. *отрицаемъ владѣніе землей въ смыслѣ безусловной собственности, не только въ силу появленія на свѣтъ или въ силу бытія, но* и *въ силу всѣхъ остальныхъ прерогативъ и мотивовъ — безъ исключенія.* Нашею системою не отрицается право на владѣніе землею, на любой, хотя бы и тысяче-лѣтній, срокъ, но владѣніе это, по принципу нашему, только не есть безконтрольное и основывается оно нами не на привилегіяхъ и не на категорически-наслѣдственномъ правѣ, а почти исключительно на платежной правоспособности лицъ, желающихъ владѣть землею, будь она наслѣдственная или благопріобрѣтенная, — безразлично; при чемъ мы не ограничиваемъ и размѣровъ владѣнія, были бы на то воля и средства.

Нѣтъ, проэктируемый нами *гражданскій*, или государственный налогъ вовсе не подушная повинность, и если имѣетъ съ нею сходство и названъ и нами этимъ именемъ, то лишь по общеобязательности его для каждаго гражданина государства, или, что все равно, для каждой живой души; разница-же между подушной повинностью, какъ ее понимаетъ оппонентъ, и тѣмъ налогомъ, который мы назвали *гражданскимъ,* состоитъ въ томъ, что первая взимается *съ каждой души за право,* такъ сказать, *дыханія,* или, вѣрнѣе, *существованія,* а второй есть ничто иное, какъ плата *за право владѣнія реальнымъ участкомъ земли,* право, если въ данный моментъ и не эксплоатируемое инымъ гражданиномъ, по его же свободной волѣ, то всё таки *всегда за нимъ сохраняющееся,* исключая только случаевъ законной неправоспособности всѣхъ видовъ.

Если земледѣліе въ Россіи такъ упало, что позволяетъ нарождаться вопросу: „да земледѣльческая ли страна Россія?“, то въ этомъ виновато многое и очень многое, только никакъ не *сама* земля. Именно взглядъ на карту убѣждаетъ насъ въ томъ, что необозримыя пространства вполнѣ плодородной земли, даже дѣвственнаго чернозему, въ южныхъ европейской и азіатской Россіи, и не воздѣлываются еще, тогда какъ въ то же время наше земледѣльческое крестьянство, кучась и изнемогая отъ малоземелья и отъ несоотвѣтствія налоговъ, находится уже на пути *къ вымиранію*. Качество плодородной земли въ Россіи и количество ее относительно ко всему населенію, и приводитъ насъ къ выводу, что именно Россія, и *одна Россія* во всёмъ мірѣ имѣла бы полныя права и возможность считаться, и въ дѣйствительности *быть*, самою *земледѣльческою страною* и даже „житницею Европы“, какъ ее когда то и называли. Вся задача нашего труда съ этой стороны и состоитъ именно въ томъ, чтобы уяснить мѣры, при которыхъ Россія и могла бы достигнуть того земледѣльческаго значенія, которое ей присуще, и указать на нынѣ существующія враждебныя тому условія; если это не вполнѣ высказано въ нашей краткой запискѣ, то только потому, что полное выясненіе именно этого дѣла потребовало бы уже не записки, а цѣлыхъ томовъ.

Съ послѣднимъ же замѣчаніемъ оппонента — о необходимости значительному числу населенія существовать не земледѣльческимъ трудомъ — авторъ не только что согласенъ, но и самъ предлагаетъ повозможности улучшить благосостояніе и этого класса, *снабдивъ и его годной усадебной землей, дабы и эти люди имьли хотя бы* **свой кровъ.** Въ этомъ смыслѣ онъ, въ своей запискѣ, при обзорѣ отношеній нашего правительства къ

нашему *мужику*, и относился такъ сочувственно къ принципу руководившему правительствомъ при актѣ *эмансипаціи крестьянъ:* оно именно заботливо надѣлило землей не только ту *часть* населенія, которая имѣетъ характеръ земледѣльческій, но и *населеніе*, занимающее огромное же пространство земли, которое, какъ и говоритъ оппонентъ, долженствовало бы основывать свое благосостояніе на другихъ началахъ.

[illegible]

Цѣлью своего труда мы поставили *уничтоженіе пролетаріата;* а средствомъ къ достиженію этой цѣли, предложили *земельно-податную реформу,* при которой лишь тотъ не будетъ имѣть земли, кто этого самъ не пожелаетъ, но и такой человѣкъ (при нашей системѣ — при всегдашнемъ правѣ на владѣніе своимъ участкомъ, а также при легкости и выгодѣ условій аренды государственной земли) не будетъ уже *пролетаріемъ*, если найдется для него причина все-таки стать въ ряды *недовольныхъ*, то такое недовольство будетъ имѣть уже иной, спеціальный видъ, для врачеванія котораго и будутъ изысканы иныя спеціальныя средства.

Авторъ много говоритъ о Руссо: нельзя не преклоняться передъ талантомъ знаменитаго защитника des droits de l'homme, но онъ руководствуется тремя идеальными положеніями: „liberté, egalité, fraternité" — ces trois plus gros mensonges avec lesquels on mène l'humanité par le nez. Этого никогда не было и никогда не будетъ, пока существуетъ человѣкъ — самое непримиримое животное.

Оппонентъ напрасно винитъ автора въ идеализаціи направленія, въ заимствованіи этого направленія у симпатичнаго идеалиста Жанъ-Жакъ-Руссо. Не смотря на красоту (отчасти парадоксальную, какъ высказано уже въ запискѣ,) этого мыслителя, авторъ пользовался его идеалами очень условно и исключительно только по отношенію къ землевладѣнію.

Мы совершенно согласны съ оппонентомъ, что вѣрить въ достиженіе полнаго блаженства людей на землѣ было бы иллюзіей; но и при этомъ сознаніи ломать свою шпагу и бросать оружіе за бортъ, въ море мизантропизма, *смотрѣть спокойно, сложа руки, на горе людское, тогда какъ всѣмъ нравственнымъ существомъ своимъ сознаешь возможность улучшенія человѣческаго существованія,* въ особенности той его части, которая наиболѣе въ немъ нуждается, по нашему, *было бы* или *малодушіемъ,* или *трусостью,* или — *черствымъ эгоизмомъ.*

Далѣе хотя мы и не приводили въ нашей запискѣ 3[хъ] положеній этого идеалиста — fraternité, liberté, égalité —, о которыхъ упоминаетъ оппонентъ, но тѣмъ не менѣе мы не боимся сказать и наше о нихъ мнѣніе. Въ смыслѣ отвлеченномъ, этическомъ, мы ихъ за ложь не признаемъ, а смысла имущественнаго или правóваго, мы полагаемъ и самъ Руссо имъ не придавалъ.

Каждому слѣдуетъ дѣлать добро по мѣрѣ силъ и помогать ближнимъ по мѣрѣ возможности, но воображать, что можно облагодѣтельствовать всё человѣчество — это прекрасный, но неосуществимый сонъ; эта мысль присуща возвышеннымъ и порывистымъ натурамъ; отъ нея они страдаютъ, потому что

[illegible]

Въ отвѣтѣ на предшествовавшій параграфъ, мы ужь высказали почти всё, что могли бы отвѣчать и на настоящій; намъ остается только просить нашего оппонента, прямо указать намъ въ нашей системѣ *тó,* что именно кажется ему *неисполнимымъ.* Вѣдь необходимо же имѣть точно-опредѣленное положеніе, чтобы имѣть возможность правильно возражать на него. *Мы далеки отъ мысли о абсолютной непогрѣшимости нашихъ теорій, охотно готовы признать за ними массу промаховъ, неясностей, неумѣлости изложенія, слабости аргументаціи и т. п. Но твердо стоимъ за вѣрность основной ихъ сути, за возможность и полезность ихъ осуществленія; а съ такимъ убѣжденіемъ намъ не опасна никакая очная ставка со всякою самою холодною дѣйствительностію:* не раздавитъ насъ и буддійская колесница Вишну . . . . совлечемъ мы съ нея идола, *возстановимъ своего три-единаго Бога:* **истину — гуманность — общій, посильный трудъ каждаго,** *и станетъ колесница легка, никого не раздавитъ, и грянемъ — съ Богомъ! къ свѣту! къ чести!!!* . . .

Какъ думаетъ авторъ осуществить на практикѣ свою теорію? Хотя и [illegible], мнѣ кажется, она должна встрѣтиться съ самыми матеріальными препятствіями, которыя окажутся непреодолимыми.

На первый вопросъ отвѣчаютъ уже многія изъ указанныхъ въ запискѣ автора мѣръ — мѣръ не исключительно лишь теоретическихъ, а потому не представляющихъ и на практикѣ непреодолимыхъ затрудненій. Для осуществленія ихъ не требуется затраты ни гроша, не нуждаются онѣ и въ понужденіяхъ, а равно не нарушаются ими и никакія права

частной собственности. Авторъ продолжаетъ только желать указаній именно на тѣ пункты его теоріи, которые кажутся непреодолимыми, что, вѣроятно, дало бы ему возможность разрѣшить все также просто, какъ разрѣшается имъ вопросъ, поставленный слѣдующимъ за симъ параграфомъ.

Гдѣ хочетъ онъ взять земель, о раздачѣ которыхъ идетъ рѣчь?

Самое многочисленное сословіе государства, сравнительно съ которымъ прочія ничтожны, есть сословіе *крестьянское,* въ интересахъ котораго по преимуществу, вѣроятно, и поставленъ настоящій вопросъ.

Удовлетворить крестьянское сословіе тѣмъ *минимумомъ подушнаго надѣла,* который проектированъ въ нашей системѣ, *не представляется никакого затрудненія,* такъ какъ надѣлъ этотъ выдѣлится изъ существующей уже въ настоящее время у каждаго крестьянина земельной собственности, такъ что выдѣлъ этотъ, по прежнему оставаясь во владѣніи того же собственника, только оградится закономъ отъ всякаго риска: какъ то: утраты, лишнихъ взысканій съ него, его ареста за долги и проч., а норма платы за право владѣнія именно этимъ выдѣленнымъ минимальнымъ участкомъ, какъ помянуто о томъ и въ запискѣ, должна быть выработана по возможности *малая,* ужъ по тому одному, что она будетъ взыматься *поголовно,* со всѣхъ 90 милліоновъ населенія имперіи, а слѣдовательно, въ томъ числѣ и со множества лицъ, которыя фактически не воспользуются этими участками.

Другія сословія, какъ, напр., земледѣльческое дворянство и таковое же купечество, а равно и духовенство *надѣлятся,* этими выдѣлами, *такъ-же, какъ и крестьянство, т. е., изъ ихъ же настоящей собственности.*

Значитъ вопросъ относится только къ безземельному *пролетаріату* всѣхъ сословій, состоящему, положимъ, далеко не изъ единицъ каждаго, но, къ счастію, въ разбираемомъ нами отноше-

ніи, пока еще не слишкомъ страшному своею численностію — если имѣть въ виду громадную площадь казенныхъ запасныхъ земель, ее одну пока; принимая же въ разсчетъ, что при первомъ приступѣ къ осуществленію нашей реформы присоединится къ вышесказанному запасу еще и масса земель, нынѣ почти бездоходныхъ, обременяющихъ *захудавшихъ дворянъ*, а также и масса имѣній, за долги поступившихъ въ собственность нашихъ залоговыхъ банковъ*) и окажется что существуетъ самая полная возможность удовлетворить требованія всѣхъ безземельныхъ на землю. (Кромѣ того эта же мѣра поведетъ къ правильной эксплоатаціи этихъ земель.)

Мы могли бы распространиться здѣсь о *положеніи* нашего *землевладѣльческаго дворянства*, судьба коего требуетъ уже и въ настоящее время, а еще болѣе потребуетъ въ ближайшемъ будущемъ, серьезнѣйшаго вниманія правительства, но полагаемъ, что болѣзнь этого сословія, — наша болѣзнь! — такъ общеизвѣстна, что распространяться о ней едва ли не излишне, и надо лишь примириться съ роковымъ выводомъ: что *актъ послѣдняго и окончательнаго упраздненія этого сословія, въ смыслѣ экономическомъ, неизбѣженъ.* Въ виду этой неизбѣжности считаемъ однакоже умѣстнымъ въ свою очередь поставить вопросъ: кто же можетъ предложить и что именно, если и не для спасенія искалѣченныхъ интересовъ этого сословія — полное спасеніе невозможно! —, то хотя бы для возможно удобной, приличной и возможно же безобидной ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія, которое, среди новыхъ условіи, является уже логически, анахронизмомъ?

Отвѣты на это могли бы быть взвѣшены и сравнены, въ паралель съ мѣрою, предложенною нами на сей же предметъ,

---

*) Имѣнія эти, въ виду невыгоды оплачивать за нихъ общую *земельную повинность*, не эксплоатируя ихъ, всѣ, тотчасъ же, путемъ указаннаго въ нашей запискѣ компромиса, будутъ уступлены владѣльцами ихъ или банками въ *государственную собственность* — что и послужитъ къ скорѣйшему осуществленію основнаго принципа реформы.

и одновременно со всѣмъ остальнымъ, сказаннымъ нами по вопросу землевладѣнія.

Какіе положить они предѣлы [illegible] возбудиться аппетитамъ.

Какіе же могутъ возбудиться „аппетиты“ при осуществленіи новой реформы, *цѣлью которой именно и есть уничтоженіе той вѣчно возбуждающей хищническія аппетиты „кости раздора“, которая называется земельною собственностью.* Вѣдь если-бъ дѣло шло о предпочтеніи котораго либо изъ сословій въ государствѣ или изъ классовъ общества, то тогда было бы еще мыслимо зарожденіе зависти и. т. п. чувствъ, разъѣдающихъ нынѣ общественную нравственность; еслибъ, за тѣмъ, дѣло шло о чьихъ либо пристрастныхъ имущественныхъ выгодахъ, какъ это было, напр., при старомъ обычаѣ (еще кажется и не отмѣненномъ) *перехода всѣхъ выморочныхъ земель на Государя,* то и тогда еще можно было бы ожидать возрожденія алчныхъ *аппетитовъ*; но въ данномъ случаѣ, *при смыслѣ вложенномъ нами въ нашу систему, не только не мыслимо зарожденіе никакихъ новыхъ аппетитовъ, но, думаемъ мы, на-вѣки упраздняется и сама почва для всѣхъ старыхъ, хотя бы и самыхъ закоренѣлыхъ, аппетитовъ; этимъ то и цѣненъ нравственный принципъ нашей системы: ясно, что благодаря этому и дышетъ она свѣжимъ и отрезвляющимъ духомъ на всѣ стороны общественной нравственности.* И говоримъ мы это руководимые не авторскою гордостью, а чувствомъ совершенно непристрастнаго восхищенія плодотворной идеей — чья она: наша-ли, чужая, въ данный моментъ для насъ все равно!

„Honni soit, qui mal y pense!“

[illegible]

Дай Богъ, чтобы предѣла и не было, ибо насколько движеніе это будетъ больше, настолько и могущество Россіи станетъ выше. Замѣтятъ же намъ, что мы увлекаемся, и захотятъ непремѣнно предѣла, то мы готовы опредѣлить и его. Вотъ онъ: *когда всякій русскій, смѣло глядя въ будущее, съ убѣжденіемъ скажетъ: „ну, теперь мы по отношенію къ Богу, Царю, закону и землѣ — равны и въ правахъ своихъ, и въ обязанностяхъ.“* Типъ очерченнаго выше гражданина съ такими убѣжденіями, совершенно законенъ и реаленъ и, стремясь къ нему всѣмъ сердцемъ и всѣмъ нашимъ сознаніемъ, мы ничуть не уподобляемся мечтателю или идеалисту, безплодно стремящемуся къ полному осчастливленію рода человѣческаго, а равно не уподобляемся ни Платону, сочинившему свое государство, ни Руссо, ни имъ подобнымъ, самообольщавшимся утопистамъ. Нѣтъ, не фантазмъ лежитъ въ нашей идеѣ, а стоимъ мы на твердо-ограниченной почвѣ реальнаго убѣжденія и готовы доказать это передъ какимъ угодно ареопагомъ теоретиковъ, какихъ бы то ни было школъ, направленій и оттѣнковъ.

[illegible]

Чтобы удовлетворительно отвѣтить на эти два вопроса, отвѣтить намъ однимъ, потребовались бы годы просто одного только усидчиваго труда и письменной работы. Всѣ эти вопросы касаются, хотя и сложныхъ, но второстепенныхъ частныхъ факторовъ, разъ вопросъ „объ осуществимости самой идеи“ рѣшенъ будетъ въ положительномъ смыслѣ, разъ идея автора будетъ одобрена въ принципѣ. Между тѣмъ, намъ кажется, что работа по этимъ вопросамъ была бы значительно

облегчена содѣйствіемъ (подъ руководствомъ, напр., М. Н. Островскаго или Т. И. Филиппова — достойныхъ учениковъ Татаринова) тѣхъ группъ, которыя, такъ сказать, уже оспеціализировалась въ этихъ частныхъ областяхъ. Что касается самого автора, то, конечно, онъ сочтетъ за счастье отдать себя всего на дальнѣйшую разработку и второстепеннаго, хотя не можетъ онъ одинъ пунктуально опредѣлить всѣ пріемы дѣйствій этой реформы, согласованіе ихъ всѣхъ со всѣми прочими факторами государственнаго организма, пригнаніе всѣхъ частей этой машины къ общему государственному механизму, отношеніе къ ней контроля и проч. Это не мыслимо ни одному уму, ни одной волѣ: это уподобилось бы тому, какъ еслибъ Микель Анжело, создавшему идею собора Петра и Павла въ Римѣ, поручено было его же единичными трудами еще и сложить, выстроить это колоссальное зданіе; все, что можно было требовать отъ него, это — обязательнаго наблюденія за правильностью исполненія его проекта, а также и того, чтобы всю ту часть сложнаго труда, которая требовала силъ творческихъ, исполнилъ онъ самъ.

Новая система наша, по государственному и, такъ сказать, обще-человѣческому смыслу ея, представляетъ величину, въ нравственномъ, а равно и въ практическомъ значеніи, ничуть не меньшую, чѣмъ реформа эмансипаціи. Счастливое отличіе ея отъ послѣдней состоитъ только въ томъ, что система, нами предлагаемая, не коснется тѣхъ болѣзненно-чувствительныхъ первныхъ узловъ общества, съ которыми было столько сложныхъ хлопотъ покойному Государю.

Имѣя передъ глазами опытъ реформы *эмансипаціи* и основательно изучивъ причины явленій, проникшихъ — какъ ядъ — во всѣ фибры великой основной идеи Царя-Освободителя, растлившія ея результаты и, въ концѣ-концовъ, доведшія насъ до того непригожаго положенія, въ коемъ мы находимся, — мы полагаемъ, что *къ осуществленію аграрно-податной реформы мы должны приступить съ запасомъ вѣрнаго противоядія*

враждебнымъ ей условіямъ, и состоитъ это противоядіе исключительно въ томъ, чтобы ни въ какомъ фазѣ развитія ея не допустить ни малѣйшаго проявленія сословнаго эгоизма.

Когда спеціальные рабочіе позаготовятъ и соберутъ воедино всѣ части и детали механизма — чего никто не можетъ исполнить одинъ — то колеса этого механизма, этой громадной администраціи, завертятся, какъ и во всѣхъ механизмахъ въ мірѣ, отъ одного прикосновенія къ его рукоятке хотябы безталантнаго слѣпаго, лишь бы только механизмъ былъ окончательно апробованъ Верховнымъ Механикомъ, Высочайше повелѣвшимъ собрать его.

Особыя Прибавленія.

I. Послѣ Варшавскихъ безпорядковъ.

Послѣдній годъ ознаменовался у насъ прискорбными явленіями — такъ называемыми, *„анти-еврейскими безпорядками."*

Разнузданная воля многотысячныхъ скопищъ, забывъ и *страхъ Божій* и *законы,* пренебрегши уваженіемъ къ власти, къ порядку, предавалась дикой оргіи страстей, грабя и уничтожая имущества своихъ мирныхъ *согражданъ* еврейскаго закона.

Интересенъ фактъ, что при всѣхъ этихъ безпорядкахъ полиціи какъ-бы вовсе не существовало, т. е., какъ-бы вовсе не было извѣстно ей о настроеніи духа массъ народа заправлявшихся ею же, и это — всякій разъ до самаго момента проявленія дѣйствіемъ сказаннаго духа, когда совладать съ такими проявленіями его не легко было уже и правильно-организованной боевой силѣ! На долю послѣдней и оставалось большею частью только: считать и убирать раненныхъ, арестовывать тѣхъ, кого — благо опъянѣлъ или усталъ — удавалось забрать изъ толпы, а затѣмъ и пороть розгами ....

Наше общество, въ лицѣ прессы, наша власть и наконецъ сами евреи, т. е., наиболѣе заинтересованная въ томъ сторона, отнеслись къ этимъ прискорбнымъ явленіямъ различно, каждый по своему:

Въ печати образовалось два противуположныхъ теченія: *ультра-русское* и, такъ называемое, *западное*, или *европейское*.

Ультра-русское утверждало, что это стихійное движеніе народа вызвано исключительно эксплоататорскими инстинктами еврейства, разъѣдающими экономическій быть народа, что евреевъ нужно выселить изъ имперіи и тогда (будто бы?!!) исчезнутъ и причины подобныхъ явленій . . .

Другая сторона прессы, *европейская*, симпатизировала евреямъ, обличала русскій народъ въ дикости и грубости нравовъ, въ племенной и вѣроисповѣдной нетерпимости, говорила о стѣсненности правъ россійскихъ гражданъ моисеева закона и т. п.

Власть же наша на эти *безпорядки* смотрѣла довольно увѣренными и покойными глазами видя въ нихъ *политическій громоотводъ*, а въ пострадавшемъ еврействѣ пріемникъ электрическихъ токовъ — громоотводный шпиль. Она поручила своей *Ѳемидѣ* быстро и строго разобрать дѣло, наказать виновныхъ и . . . . . по обыкновенію — сдать всё *въ архивъ внутреннихъ дѣлъ* за подлежащимъ номеромъ.

Само *еврейство* жаловалось на крайнюю ограниченность своихъ гражданскихъ правъ и на прегражденіе ему русскими законами доступа ко всѣмъ профессіямъ, занятіямъ и службѣ, кромѣ тѣхъ, которыя именно и неизбѣжно и вызываютъ народный протестъ и недовольство.

Вотъ и всё. Этимъ и исчерпываются у насъ толкованія *анти-еврейскаго движенія*.

Признавая за каждымъ изъ нихъ свою долю правды, мы всё таки порицаемъ всѣ ихъ огульно за близорукость выводовъ и заключеній и вспоминаемъ свой взглядъ на это дѣло, высказанный уже нами въ этой запискѣ нашей о земельно-податной реформѣ.

Не мало говорится въ ней о зарожденіи и у насъ, въ Россіи, того роковаго явленія, которое зовется *пролетаріатомъ;* этой грозы, при первыхъ раскатахъ громовъ которой,

шутя вонъ — сметались съ лица земли и королевскіе троны и вѣковыя учрежденія . . ., грозы, для борьбы съ которой нѣтъ физическихъ силъ . . . .

Тамъ выяснены причины зарожденія и плодовитости у насъ этого явленія, здѣсь же мы напомнимъ только фактъ (который вѣроятно сознается и всѣми) именно: что, съ одной стороны, извѣстная доля полу-голоднаго или просто даже голоднаго пролетаріата состоитъ у насъ изъ безформеннаго, безпочвеннаго и пока безпринципнаго персонала всѣхъ кастъ и сословій, который ютится по преимуществу въ людныхъ, торговыхъ и вообще общественныхъ центрахъ (притягивающихъ къ себѣ и торговое еврейство) и представляетъ самый горючій и легко воспламеняющійся матеріалъ, для котораго довольно даже ничтожнаго повода, едва замѣтной причины, чтобы во всякое время вспыхнуть зловѣщимъ пожаромъ *разнузданныхъ страстей*, а съ другой стороны — что повсюду съ избыткомъ довольно даже и серьезныхъ побудительныхъ причинъ для всякаго рода пожаровъ . . . . — Все это сказалось уже трагедіями сначала въ Одессѣ и другихъ пунктахъ, затѣмъ въ Елизаветградѣ, Кіевѣ и нынѣ въ Варшавѣ, но можетъ сказаться еще и иными — при иной обстановкѣ и иныхъ побудительныхъ причинахъ! . . . . Разъ же что толпа составляется изъ людей которымъ терять нечего — ей все равно: вали, да и только! . . .

Массовыя движенія такого характера, какъ видно изъ общей исторіи человѣчества, дѣйствуютъ весьма зажигательно: къ кадрамъ заправскихъ *санкюлотовъ* легко пристаютъ и другіе недовольные элементы разныхъ темпераментовъ — и образуется тогда та стремительная, страстная, нервозная стихійная сила, для которой не достаетъ только одного энергическаго слова какого либо *Стеньки* или *Емельки*, т. е., русскаго Марата или Дантона, чтобъ и пошло писать . . . : вмѣсто возни съ жалкими жидами, возьмутся казначейства и банки, и картина вмигъ станетъ иной: первоначальная, грабившая кучка видоизмѣнится мгновенно — вырастетъ въ гиганта! . . . Мы видѣли какъ у разбитаго на голову

Пугачева, на завтра выростала новая и новая армія, какъ вмѣсто одного являлись въ разныхъ пунктахъ нѣсколько *пугачей* . . .

Какъ же можно, спросимъ мы, смотрѣть на анти-еврейскіе безпорядки, какъ на какой то громоотводъ?!! Не вѣрнѣе ли напротивъ, взглянуть на *эти безпорядки, какъ на громоприводъ* — въ особенности, если принять при этомъ во вниманіе, что при усмиреніи ихъ палъ престижъ власти и закона, — олицетворявшихся полиціею и мѣстною военною силою —, что дискредитованы они нетолько во мнѣніи общества и пострадавшихъ евреевъ, но, что гораздо важнѣе, во мнѣніе самого пролетаріата, а, стало быть, и во мнѣніи всѣхъ противу-правительственныхъ элементовъ, кои и составляютъ нынѣ всепоглащающую заботу власти, и — нераціональное отношеніе къ которымъ и причинило уже Россіи столько неизгладимаго зла! . . .

Нѣтъ, такъ смотрѣть, не сознавать въ разгромѣ еврейства того же, на что мы указываемъ — значитъ не просто ошибаться, а быть умышленно слѣпымъ, значитъ не просто самому не видѣть, а прямо желать другихъ обманывать — какъ по отношенію къ нашему экономическому положенію и противуправительственнымъ элементамъ, такъ и по отношенію къ поднятому теперь вопросу о необходимости не нынѣшней *охраны* и не полиціи! *Нѣтъ, говоримъ мы, — не честно ни отводить глазъ отъ нашихъ ранъ, ни замазывать ихъ, а напротивъ, надо о нихъ трубить открывать ихъ, указывать на нихъ и въ тоже время лѣчить ихъ — вотъ, что надо!* Мы, съ своей стороны, ясно сознали это, и искренность нашего убѣжденія обязываетъ насъ высказать эти наши воззрѣнія.

Мы окрасили самый вопросъ въ настоящій его цвѣтъ назвавъ его экономическимъ; мы распознали болѣзнь — развитіе пролетаріата и испорченность администраціи; мы указали на лѣкарства — аграрную реформу и „государственную“ охрану, — и мы глубоко убѣждены, что если не современники наши, то потомство оцѣнитъ и идею вложенную въ первую, и святость нашихъ влеченій къ послѣдней.

II. Нѣсколько словъ по учебному вопросу и цензурѣ.

Во введеніи къ нашему проекту аграрно-податной реформы, говоря о россійскомъ пролетаріатѣ, мы назвали одинъ изъ видовъ этого печальнаго явленія *учебнымъ пролетаріатомъ* и полагали, что сей послѣдній и поставляетъ по преимуществу контингентъ застрѣльщиковъ въ передовую цѣпь противуправительственной арміи.

Анализируемое нами явленіе — *учебный пролетаріатъ* — составляетъ столь болѣзненное мѣсто духовнаго организма россійскаго, что для цѣлесообразнаго указанія на *всѣ* вопіющіе факторы, обусловливающіе его, пришлось бы написать много; мы ограничимся поэтому здѣсь только нѣсколькими указаніями, по мнѣнію нашему, одними изъ главныхъ.

Мы разсмотримъ именно, во 1[хъ], *какую спеціально роль играетъ въ дѣлѣ развитія учебнаго пролетаріата сама система образованія.*

Но коснувшись нашей системы образованія, угнетаемой главнѣйшимъ образомъ суровою и нераціональною опекою надъ мозговыми силами юношества, никакъ нельзя умолчать о таковой же опекѣ и надъ мозгомъ зрѣлаго человѣка — о цензурѣ, связывающей свободу мысли, слова, чувства, совѣсти и всѣхъ высшихъ способностей души всякаго, отравляющей здоровыя основы человѣка не только до его смерти, но и преемственно, наслѣдственно, не одного поколѣнія, но поколѣнія за поколѣніемъ....

Вотъ почему мы должны разсмотрѣть, во 2^хъ, и *роль цензуры въ томъ же отношеніи.*

Не будучи призваны къ преобразованію существующихъ у насъ учебныхъ и цензурныхъ порядковъ, а только по собственному нашему почину взявшись указать на ненормальность по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ изъ нихъ, мы не будемъ перечислять всѣхъ рытвинъ, ухабовъ, обрывовъ и пропастей, которыя при существующихъ у насъ системахъ образованія и цензуры, проходитъ русскій мозгъ на пути своего развитія (начиная съ момента первыхъ проблесковъ сознательной воли и до окончательной ея парализаціи), а ограничимся лишь, какъ мы сказали выше, нѣсколькими указаніями на факты, порождаемые тою и другою системами и способствующіе зачатію, росту, развитію и размноженію пролетаріата, названнаго нами *учебнымъ* или *ученымъ.* (Подъ этимъ названіемъ нужно разумѣть не весь тотъ безъимущественный слой населенія, о которомъ говорилось въ предисловіи къ аграрному проекту, а исключительно учащуюся молодежь и лицъ обоихъ половъ всѣхъ сословій и возрастовъ, посвятившихъ себя, такъ называемымъ, *свободнымъ профессіямъ*, т. е. наукамъ, исскуствамъ и всѣмъ видамъ литературы.)

Сравнивая бюджетное ассигнованіе на государственное образованіе въ Россіи съ таковымъ же въ прочихъ европейскихъ государствахъ, приходишь къ печальному выводу, что — не говоря уже о великихъ державахъ — *Испанія, и та расходуетъ на этотъ предметъ въ 5 разъ больше нашего!!*

Также *дезотрадно и сравненіе* у насъ *отношенія числа грамотныхъ людей къ общей цыфрѣ населенія имперіи.*

Если же изъ убогой цыфры общей грамотности въ Россіи исключить еще наиболѣе грамотный %, инородцевъ: нѣмецкія колоніи, евреевъ, татаръ и много-милліонный обособленный раскольничій классъ — грамотный по преимуществу — то на долю. чисто-православной русской части населенія останется *цыфра учащихся — по истинѣ прискорбная!*

Пройдемъ молчаніемъ несовершенства и убожество нашихъ

элементарныхъ народныхъ школъ и укажемъ лишь на фактъ, что даже тѣ, которые пріобрѣтаютъ въ нихъ первоначальную грамотность, по оставленіи школы вынуждены тотчасъ же забыть всю науку?!.... Почему?!.... Да потому, что *нѣтъ у насъ вовсе ни народной прессы, ни народной литературы,* и наше правительство ничего еще не сдѣлало по этому, первостепенной важности вопросу!

А теперъ обратимся прямо къ средне-учебнымъ заведеніямъ, къ *гимназіямъ* — главнымъ разсадникамъ знаній и питомникамъ развитія нашихъ многочисленныхъ среднихъ сословій государства.

Тутъ мы встрѣтимся вотъ съ чѣмъ:

Существуетъ у насъ два образовательныхъ метода: *синтетическій* (собирательный, т. е., ведущій отъ частныхъ явленій къ общему выводу) и *аналитическій* (разбирательный, ведущій отъ одного общаго положенія или главнаго явленія къ частнымъ).

Первый изъ нихъ, т. е., *синтетическій*, признаваемый наукою менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ аналитическій, царитъ у насъ въ Россіи не только преимущественно, но, временами, почти исключительно.

Хотя и развивая память, методъ этотъ систематически разслабляетъ разсудочную способность учащихся, накопляющихъ знанія лишь механически, тогда какъ методъ аналитическій (онъ же критическій), удовлетворяя естественной и природной любознательности человѣка, развиваетъ, наоборотъ, именно разсудокъ, ведетъ къ основательности и вообще къ трезвости взглядовъ не только на научныя положенія, но и на самое примѣненіе ихъ къ жизни.

Этотъ послѣдній методъ или вовсе не практикуется въ русскихъ школахъ (какъ напр. въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ положительно не допускается), или же входитъ лишь въ весьма малой степени въ программы, да и то однихъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, — и вотъ эта-то самая причина, т. е., не развиваніе разсудка учащихся, а только за-

громожденіе ихъ памяти, и ведетъ ихъ впослѣдствіи (къ сожалѣнію наичаще именно талантливѣйшихъ изъ нихъ) на дорогу такъ называемаго нигилизма: противъ природы вообще идти нельзя безъ особаго риска за послѣдствія, а слѣдовательно и игнорировать, а тѣмъ болѣе задерживать основныя потребности человѣческаго ума, какъ, напр., *пытливость*, — значитъ завѣдомо подвергать себя всѣмъ тѣмъ послѣдствіямъ покушеній на права природы, съ которыми въ послѣднее время мы на каждомъ шагу встрѣчаемся.

Не приготовленный надлежащимъ образомъ въ школѣ къ правильному образу мышленія, къ анализу, нашъ русскій отрокъ-юноша, встрѣтившись съ дѣйствительною жизнью, сначала становится въ недоумѣніе, въ тупикъ передъ громадною суммою сложныхъ, реальныхъ ея явленій; потомъ, по естественному импульсу природы своей, сейчасъ же начинаетъ углубляться въ то, что ему во-очію представилось, въ обуявшіе его вопросы...; затѣмъ сравниваетъ свои живые выводы съ тѣми, что дала ему школа, весьма скоро усматриваетъ неискренность послѣдней — и, въ концѣ концовъ, начинается уже отрицательное отношеніе не только къ школѣ, но и ко многому иному; *не изощренный въ этой работѣ съ аспидной доски, лично мало знакомый съ практической стороной жизни, по неопытности, естественно, нерѣдко извращающій самый смыслъ разбираемыхъ имъ явленій, строитъ онъ свои смѣлые выводы . . , безтрепетно заноситъ ихъ — долго не думая — т. ск. на пергаментъ; они для него уже безповоротны — онъ неудержимо протестуетъ...* **и судьба его рѣшена: для еле-расцвѣтшей жизни готовъ уже тяжелый крестъ, а то — и ранняя могила!**

Всё это прискорбно, безотрадно и безнадежно! и эти три слова не сходятъ съ языковъ теперь: они общій пароль и лозунгъ переживаемаго нами времени . . .

Отъ таковыхъ послѣдствій гибельной учебной системы спасается лишь тотъ процентъ нашего юношества, который, на первыхъ же шагахъ своей общественной жизни, встрѣ-

чаетъ достаточно сильно вліяющій на него авторитетъ; потомъ, — нѣкоторыя совершенно анатичныя (по темпераменту своему или по школьной забитости) натуры и, наконецъ, — извѣстный же процентъ, такъ сказать, фарисействующихъ (увы! тоже встрѣчающихся у насъ теперь между молодежью), людей, мирящихся со всякими компромисами . . .

Можно сказать навѣрное, что всё наше общество, находящееся въ данный моментъ у дѣлъ, и состоитъ именно изъ этихъ трехъ типовъ, а всё, *что по своей природѣ активно, всё талантливое, глубоко чувствующее, умѣющее честно любить и честно ненавидѣть, всё — или отошло въ сторону и замерло въ подневольномъ бездѣйствіи, или же кишитъ подпольно.* Вотъ надъ этимъ то всѣмъ, безъ исключенія, строемъ людей, надъ каждымъ ихъ живымъ словомъ, надъ каждой письменно или печатно выраженной ими мыслью и виситъ теперь Дамокловъ мечь, или въ видѣ цензуры, или же въ видѣ надзора всякихъ полицій: явной, тайной и даже *тайныхъ общественныхъ:* сословныхъ, корпоративныхъ, партіонныхъ и проч. и проч.*). Лишая этихъ людей возможности выражать свои мысли свободно, съ должною послѣдовательностью и полнотою, а слѣдовательно и обязательною логикою, заставляютъ ихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда уже совсѣмъ молчать имъ нѣтъ возможности, выражаться или отрывисто, несвязно, или же говорить между строкъ, — т. е. всегда какъ бы держа камень за пазухою; всё это, давая подобнымъ изрѣченіямъ или намёкамъ большую компактность, большій удѣльный вѣсъ, позволяетъ имъ, какъ неразгаданнымъ аэролитамъ, глубоко вонзаться въ почву, на которую онѣ попадаютъ. Пріискивай имъ потомъ какой угодно смыслъ, кто какъ хочетъ, кто какъ можетъ, кто какъ знаетъ . . .

Это ли не угнетеніе мысли, это ли не развращеніе ума и отношеній людскихъ?! . . . .

Еще бѣдственнѣе то, что эти же люди — часто высшей

*) Хотя тайныя общества коренными законами и вѣрноподданническою присягою воспрещаются, но нынѣ терпимы и самимъ правительствомъ!

интеллигенціи, здраваго патріотизма и, по большой части, даже сторонники самодержавно-монархическаго правленія — единственно только вслѣдствіе ихъ отвращенія къ неискренности и фарисейству, должны прозябать въ молчаніи и бездѣйствіи именно въ тотъ историческій моментъ, когда родина наиболѣе нуждалась бы въ сочувствіи такихъ — дѣйствительно неподкупныхъ людей.

Но дѣло идетъ и еще дальше: на этихъ же людей, игнорируемыхъ правительствомъ, лишенныхъ и права самозащиты, производится еще травля: спускаютъ на нихъ субсидированныхъ публицистовъ, которые пользуясь полною безнаказанностью, обзываютъ ихъ въ своихъ нечестивыхъ органахъ, нигилистами, скрытыми террористами и другими подобными опасными, преслѣдуемыми именами — призывая на ихъ же удрученныя головы громы и кары закона!...

Куда же дѣваться русской мысли, русской совѣсти, русскому патріотизму при такихъ условіяхъ?! Что же имъ дѣлать, тѣмъ русскимъ, которые, по возвышенности натуръ своихъ, не снисходятъ до лести, до фарисейства? И откуда, когда и отъ кого ждать имъ на эти вопросы отвѣта?!

Но отгонимъ отъ себя этотъ тяжкій и безнадежный вопросъ и вернемся снова отъ узъ и оковъ зрѣлаго русскаго ума къ оковамъ еще только распускающихся умовъ нашего россійскаго юношества, налагаемымъ на нихъ нашею *синтетическою* системою образованія.

Упомянемъ прежде всего о фактѣ, который занесенъ уже на скрижали нашей учебной статистики: **число гимназистовъ, не кончившихъ курса, благодаря нынѣшней системѣ, за послѣднее 10ти лѣтіе, равняется 53,000мъ!...**

Ясно, что **53,000чи** русскихъ семействъ, которыхъ членами суть эти несчастливцы, не сдѣлались отъ этого довольными, а — напротивъ...

Спросимъ далѣе: а какой процентъ этой арміи оскорбленныхъ системою образованія и выбитыхъ ею изъ сѣделъ пере-

носитъ злобу съ этой системы да на само правительство и, по страстности своихъ юныхъ натуръ, становится въ ряды дѣятелей противу-правительственныхъ, а потомъ вступаетъ на почву народную и т. д, какъ мы уже и говорили?!...

Можетъ быть и этихъ фактовъ было бы достаточно для уясненія вопроса, какая по важности роль въ содѣйствіи нарожденію *учебнаго пролетаріата* приходится на долю нашей учебной системы, но не пройдемъ молчаніемъ еще и другихъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ изъ относящихся въ эту же спеціальную область.

Есть у насъ еще множество иныхъ условій, порождающихъ въ учащейся молодежи этотъ болѣзненный протестъ противу существующихъ порядковъ: стоитъ лишь вспомнить, напр., о ежегодномъ процентѣ убыли студентовъ изъ университетовъ вслѣдствіе не взноса обязательныхъ платежей за слушаніе лекцій, о вообще слишкомъ высокой платѣ за образованіе и о тѣхъ юношахъ (число ихъ тоже велико), которые, за переполненностью учебныхъ заведеній (по недостаточности числа ихъ), выбрасываются за бортъ — сперва на одинъ годъ, потомъ нерѣдко и на слѣдующій — и наконецъ теряютъ и обусловленное извѣстнымъ возрастомъ право на поступленіе въ училище!?...

Довольно и этого!

А теперь, представивъ себѣ этотъ многочисленный, ежегодно не только комплектующійся, но и все ростущій персоналъ *учебнаго пролетаріата,* спросимъ опять: кто же скажетъ намъ, куда дѣваться и къ чему пристроиться такому, хотя и не подготовленному снеціально, но полному силъ и готовности быть полезнымъ, такому оскорбленному и, по возрасту, пламенному юношеству?! Ясно, что раздраженному предшествовавшею учебною неудачей, не здраво или вовсе еще не направленному мозгу этого юношества, въ пытливомъ броженіи его, приходится не рѣдко витать въ воздухѣ. А чѣмъ насыщенъ воздухъ?! — Недовольствомъ, отъ болѣе умѣреннаго и — до нигилизма!

Значитъ: не спрашивать надо, откуда берется столь распространенный у насъ слой нигилизма, а удивляться надо, что онъ не многочисленнѣе еще, чѣмъ теперь!

Остается сказать: что для полнаго уврачеванія, или хотя бы для устраненія иныхъ изъ причинъ и этой еще государственной болѣзни нашей, нужно къ двумъ уже нами выше предложеннымъ цѣлебнымъ мѣрамъ (См. стр. 82), присоединить еще и третью —, заключающуюся: во 1^{хъ}, въ *упраздненіи нашей цензуры, по крайней мѣрѣ въ томъ ненавистномъ для всего разумнаго въ отечествѣ видѣ, въ какомъ она теперь существуетъ* (литература наша и все русское общество въ этомъ отношеніи покуда, совершенно удовольствовались бы уже и тѣмъ, еслибъ преступленія по печати разбирались и карались уголовнымъ судомъ, а не администраціей, — ибо соображенія одного лица въ такихъ вопросахъ всегда произвольны и всегда находятся въ зависимости не столько отъ его пониманія, сколько отъ личныхъ, часто ошибочныхъ, а иногда и завѣдомо нечистыхъ, эгоистическихъ и неискреннихъ побужденій . . .) и во 2^{хъ}, — въ *прекращеніи давленія или протектората той или другой системы образованія — съ предоставленіемъ самимъ учащимся свободнаго выбора между ними — и учрежденіи достаточнаго числа образовательныхъ заведеній для предоставленія* **всѣмъ и каждому**, *къ образованію стремящимся, свободнаго доступа къ тому или другому виду его. Мы думаемъ, что, какихъ бы жертвъ это ни стоило, какихъ бы суммъ это ни потребовало, противъ осуществленія этихъ мѣръ не поднимется ни одного голоса* **честнаго** *русскаго: ни плебея, ни патриція, ни младаго, ни стараго . . . . .*

Больше: при закрытой даже балотировкѣ такого вопроса, не опуститъ и ни одно изъ правительственныхъ лицъ чернаго шара въ эту Святую Урну — **ибо затрясутся руки и покатится шаръ мимо . . .**

О ЗАГРОМОЖДЕННОСТИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Бисмаркъ и Гамбета, какъ министры, явленія не частыя — а между тѣмъ есть у насъ одно министерство, именно внутреннихъ дѣлъ, которое съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ, требуетъ, и до тѣхъ поръ пока будетъ существовать въ его настоящемъ видѣ, будетъ требовать, непремѣнно своего Бисмарка, или Гамбету. Всѣ какъ будто и сознаютъ это, да и сама смѣна министровъ этого министерства, быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ, подтверждаетъ то-же. Однакожъ ни Бисмарковъ, ни Гамбетъ своихъ у насъ нѣтъ, — значитъ нуженъ выходъ иной, а никто до сихъ поръ не нашелъ, или по крайней мѣрѣ никто не предложилъ исхода изъ этого положенія.

Общество по этому поводу жалуется на вырожденіе у насъ способностей и талантовъ, изъ министровъ же внутреннихъ дѣлъ каждый, по-очередно, при поступленіи своемъ на этотъ постъ, считаетъ своихъ долгомъ сѣтовать, что предмѣстникомъ его такъде запутаны дѣла, что и разобраться въ нихъ невозможно; сѣтуетъ министръ, сѣтуетъ, а потомъ глядишь, самъ успокаивается (ибо оно и правда, что разобраться невозможно!) и предоставляетъ дѣла ихъ свободному теченію — соотвѣтственно наклону, влекущему ихъ —; затѣмъ, не успѣлъ оглянуться, смотришь, и сдается опять министерство слѣдующему министру — и такъ это продолжается я ужъ и не знаю съ какихъ поръ!

Но гдѣ же набирать „полу-Боговъ“ для этого министерства? Справляются же съ другими министерствами и просто „люди“ (такъ надо бы думать, потому что по крайнѣй мѣрѣ сами то они не жалуются.)

Однако, нельзя не признать, что дѣйствительно ненормально сложны функціи нашего министерства внутреннихъ дѣлъ,

и что для того, чтобы толково съ нимъ управиться, дѣйствительно недостоточно просто способнаго человѣка, — а требуется и въ самомъ дѣлѣ „геній“. Но гдѣ же во всякое время выискать въ государствѣ „генія“ и непремѣнно пригоднаго на то, чтобы вручить ему именно портфель министерства внутреннихъ дѣлъ, а не что другое? Не въ безчисленное ли число разъ это труднѣе, чѣмъ просто соотвѣтственно уменьшить кругъ дѣйствій этого министерства, а зато увеличить нѣсколько таковой другихъ министерствъ — безъ всякаго даже обремененія послѣднихъ —, или хоть-бы создать пару новыхъ министерствъ, т. е., только назначить министровъ, такъ какъ чиновниковъ довольно, и они могутъ остаться тѣ-же.

Казалось бы полезнымъ, и даже въ общихъ видахъ государственныхъ раціональнымъ, по крайней мѣрѣ *выдѣлить изъ вѣденія министерства внутреннихъ* дѣлъ хотя бы три отрасли управленія, а именно: *печать, земскій отдѣлъ и полицію* — причемъ, первую можно бы присоединить къ министерству народнаго просвѣщенія, которое по этому предмету и компетентнѣе, а двумъ послѣднимъ, какъ настоятельно требующимъ особаго вниманія и иного, плодотворнаго развитія, придать каждому по особому министру — и тогда, трудъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое всё таки осталось бы еще достаточно сложнымъ, былъ бы по крайней мѣрѣ посиленъ, или хоть мыслимъ, и для просто способнаго „смертнаго“, а не требовалъ бы непремѣнно генія. О томъ же, какое вліяніе имѣетъ на дѣла только номинальне управленіе, какъ нынѣ, я думаю и распространяться нечего.

Пишущій эти строки зналъ, положимъ, только двухъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, но одинъ изъ его пріятелей былъ знакомъ послѣдовательно *со всѣми ими,* за всё послѣднее 20ти лѣтіе, — *и пѣснь была всё та-же!!*

Теперь наша Верховная Власть анализируетъ всё и вся: такъ пусть же и на это обратитъ вниманіе!

ПО ВОПРОСУ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ.

Во всѣ времена величайшая ошибка и несчастіе Государей заключались въ томъ, что они уединялись, давали себя окружить непроницаемой стѣной приближенныхъ и, мало по малу, по необходимости, начинали смотрѣть на вещи и на людей глазами этихъ приближенныхъ. Какъ-бы ближайшіе совѣтники ни были умны, талантливы, знающи, честны и преданы, они все таки люди, имѣющіе свои недостатки и слабости и, во всякомъ случаѣ, знать все и всѣхъ не могутъ, вслѣдствіе чего сами, волей неволей, впадаютъ въ ошибки при оцѣнкѣ вещей и людей. Смотря ихъ глазами, Государи тоже дѣлаются односторонними, заражаются духомъ партій, тогда какъ именно они, по своему положенію и призванію, и должны стоять выше всѣхъ партій, не давать перевѣса ни одной изъ нихъ и извлекать изъ всѣхъ ту долю пользы для государства, какую онѣ принести могутъ; а полезны могутъ быть всѣ мнѣнія, взгляды и партіи, ибо каждая представляетъ извѣстную сторону справедливой мысли или указываетъ на недостатки существующаго порядка дѣлъ. Разобщенные отъ государства окружающей средою, Государи, рано или поздно, начинаютъ замѣчать, что и ихъ приближенные не всегда бываютъ беспристрастны, тогда въ душѣ ихъ зарождается недовѣріе ко всѣмъ людямъ; они становятся подозрительны и кончаютъ тѣмъ, что разочаровываются въ человѣчествѣ, перестаютъ надѣяться когда либо водворить добро и правду въ своемъ госу-

дарствѣ и, подъ давленіемъ такого тяжелаго чувства, предоставляютъ дѣламъ правленія идти по волѣ судебъ.

Такова участь лучшихъ, добродѣтельнѣйшихъ Государей, когда они даютъ уединить себя. Чтобы избѣжать этого обыкновеннаго подводнаго камня для монархій, есть только одно вѣрное средство: *широко открыть къ себѣ доступъ всѣмъ взглядамъ, мнѣніямъ, жалобамъ и желаніямъ, какія только есть въ странѣ, прислушиваться къ нимъ и повѣрять ими внушенія приближенныхъ и доклады министровъ.* Безъ этого, опасности однѣ другихъ ужаснѣе, будутъ роковымъ образомъ окружать престолъ и государство.

Вѣрное средство знать все, что дѣлается и думается въ странѣ и во всѣхъ ея самыхъ глухихъ закоулкахъ, даютъ: *разумный, справедливый законъ о печати и хорошо устроенныя государственныя учрежденія.* Этими двумя путями Государю будетъ открыта вся правда, какъ на ладони.

Разумный, справедливый законъ о печати даетъ возможность всякому высказывать мысли, взгляды, желанія и жалобы. А черезъ нихъ раскроется все, и найдется много такого, что пригодится на пользу Государю и государству.

Хорошія государственныя учрежденія дадутъ возможность повѣрять мнѣнія приближенныхъ и министровъ. Выслушивая кромѣ ихъ докладовъ и другіе, сравнивая разныя мнѣнія и предположенія, Государь можетъ безпристрастно ихъ взвѣсить и выбрать изъ нихъ, для обращенія въ законъ, то, которое по его убѣжденію окажется наиболѣе полезнымъ для государства.

Серьезная опасность нашего теперешняго положенія заключается именно въ томъ, что у насъ нѣтъ ни разумнаго справедливаго закона о печати, ни хорошихъ государственныхъ учрежденій. *Все устроено у насъ такъ, что одни приближенные и министры имѣютъ голосъ, а всѣ остальные осуждены на безмолвіе. Такой порядокъ дѣлъ полезенъ для немногихъ но вреденъ для Государей и страны.* Для его под-

держанія внушается, что престолъ окруженъ опасностями, что свобода печати произведетъ революцію, что подъ хорошими учрежденіями разумѣется конституція и ограниченіе самодержавной власти.

Въ такихъ застращиваніяхъ невѣжественно или злонамѣренно подтасовываются понятія и названія. *Престолъ дѣйствительно окруженъ опасностями, но именно вслѣдствіе того* **что произволъ министровъ и чиновниковъ не знаетъ границъ, и нѣтъ на нихъ никакой управы.** Теперешнее беззаконіе и безурядица искусственно вызываютъ у насъ раздраженіе, ожесточеніе и, наконецъ, отчаяніе, которыя и создаютъ опасности престолу и династіи. *Съ водвореніемъ закона и законнаго порядка, опасности исчезнутъ, а не возродятся.* Что у насъ желаютъ абсолютно-безконтрольной свободы печати и конституціи есть клевета и напраслина на Россію. Отдѣльныя лица и то весьма немногочисленныя, дѣйствительно ихъ желаютъ, но огромное большинство не только простаго народа, но и образованныхъ и полуобразованныхъ слоевъ, ни о такой свободѣ печати, ни объ ограниченіи самодержавія и не помышляютъ и если говорятъ о нихъ, то только не умѣя, по незнанію и малому политическому развитію, называть вещи ихъ настоящими именами.

Въ дѣйствительности **всѣ отъ мала до велика, отъ крестьянина до самаго просвѣщеннаго человѣка, желаютъ, чтобъ мѣсто прихоти и произвола министровъ и чиновниковъ заступилъ законный порядокъ, одинаковый для всѣхъ.** Исполненіе такихъ желаній, водвореніе законнаго порядка и справедливаго суда, обезпечивающихъ всѣхъ и каждаго, не вредны, а, напротивъ, полезны для самодержавія, не ослабятъ, а, напротивъ, укрѣпятъ его, раздѣливъ рѣзкою чертою интересы престола и династіи отъ интересовъ министровъ и чиновниковъ и снявъ съ Государей отвѣтственность передъ лицомъ всей страны за злоупотребленія и беззаконія, прикрытыя теперь ихъ име-

нами. Россія, благодаря исторіи и обстоятельствамъ, есть единственная страна въ мірѣ, гдѣ возможны твердый законный порядокъ и широкія гражданскія свободы при полнотѣ самодержавной власти. У насъ некому съ нею тягаться и соперничать, какъ было въ Европѣ, а потому ни печать, ни учрежденія не могутъ послужить никому орудіемъ для борьбы съ нею. Такимъ безпримѣрнымъ положеніемъ надо воспользоваться въ интересахъ самодержавія, династіи и государства, которымъ существенно вредятъ произволъ, беззаконіе и безправіе, подкапывая ихъ подъ корень. Тѣ, которые пугаютъ Государя призраками конституціи и свободы печати, благоразумно умалчиваютъ, что нынѣ самодержавная власть въ Россіи и стѣснена и ограничена министрами и чиновниками, которые дѣлаютъ что хотятъ.

Нашъ законъ о печати дуренъ тѣмъ, что она подчинена министру внутренныхъ дѣлъ, который распоряжается ею самовластно, по своему усмотрѣнію. Но *и всякій другой министръ, которому печать была-бы ввѣрена въ управленіе, сталъ-бы конечно направлять ее въ своихъ личныхъ видахъ, не пропуская на свѣтъ Божій ничего ему непріятнаго или невыгоднаго и, напротивъ, всячески поощряя то, что ему и его видамъ полезно.* Въ видахъ общей пользы, печать должна быть отдана въ завѣдываніе такого учрежденія, которое не зависитъ отъ министровъ, выше ихъ и не заинтересовано покрывать ихъ дѣйствія или помогать имъ въ преслѣдованіи какихъ либо личныхъ видовъ и цѣлей. Еслибъ управленіе печатью было возложено на Комитетъ Министровъ или на Сенатъ (по 1-му Департаменту) или на Государственный Совѣтъ, то отъ этихъ коллегіяльныхъ учрежденій можно было-бы ожидать больше справедливости, безпристрастія и законности въ завѣдываніи печатнымъ словомъ, чѣмъ отъ единоличнаго произвола министра внутреннихъ дѣлъ.

Устройство нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій неправильно и ошибочно въ троякомъ отношеніи:

Во первыхъ, одни министры докладываютъ дѣла Государю; а такъ какъ при самодержавномъ правленіи только тотъ имѣетъ силу и вліяніе, кто докладываетъ Государю, то только министры и имѣютъ вліяніе и власть въ управленіи; прочіяже высшія учежденія: Сенатъ, Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ — никакой. Такое преобладаніе въ высшемъ государственномъ управленіи единоличной власти надъ коллегіальными учрежденіями, есть главная, если не единственная, причина недостатка единства въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, произвола и беззаконія, на которые всѣ жалуются. *Еслибъ вліяніемъ и властью пользовались коллегіальныя учрежденія, а не министры, то было-бы больше единства въ управленіи, меньше произвола, больше законности.*

Во вторыхъ, всѣ наши высшія государственныя учрежденія состоятъ изъ однихъ военныхъ и гражданскихъ высшихъ чиновниковъ. Эти лица приносятъ съ собою знаніе правительственныхъ порядковъ и службы и опытность въ дѣлахъ управленія; но какъ оно дѣйствуетъ на страну, приноситъ ей пользу или вредъ, этого они не знаютъ и не могутъ знать, потому что всю свою жизнь провели въ положеніи правящихъ, а не управляемыхъ, смотрѣли на дѣло сверху внизъ, а не снизу вверхъ. Отсюда неизбѣжная односторонность въ сужденіяхъ и взглядахъ этихъ лицъ, исключительно наполняющихъ наши высшія государственныя учрежденія. Между тѣмъ *наши высшія государственныя учрежденія только тогда могутъ вполнѣ соотвѣтствовать своему назначенію, когда въ составъ ихъ будутъ находиться не одни лучшіе люди служебной опытности и знанія, но и такіе, которые всего лучше, полнѣе и безпристрастнѣе могутъ цѣнить дѣйствіе и вліяніе правительственныхъ мѣропріятій и служебныхъ порядковъ на бытъ и благосостояніе страны.*

Въ третьихъ, коллегіальныя государственныя учрежденія — Правительствующій Сенатъ (1-й Департаментъ) Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ совершенно лишены воз-

можности и права представлять Государю о пользахъ и нуждахъ страны, о необходимыхъ для ихъ удовлетворенія мѣрахъ и законахъ. Это право принадлежитъ исключительно однимъ министрамъ, а коллегіальныя учрежденія только обсуждаютъ то, что передается на ихъ разсмотрѣніе Государемъ, — всего чаще вслѣдствіе доклада министровъ. Такой порядокъ нельзя назвать правильнымъ. Министры, стоящіе во главѣ администраціи, погруженные въ текущія дѣла, не имѣютъ нужнаго досуга и времени, чтобъ спокойно и основательно обсудить необходимую мѣру или законъ. Заинтересованные каждый, успѣшнымъ ходомъ своей части, они не могутъ безпристрастно и со всѣхъ сторонъ разсматривать вопросы, возникающіе изъ примѣненія законовъ и изъ нуждъ общественныхъ. Гораздо благопріятнѣе поставлены въ этомъ отношеніи коллегіальныя учрежденія. Они состоятъ изъ нѣсколькихъ лицъ, а не изъ одного, и потому могутъ судить о предметѣ многостороннѣе, чѣмъ одно лицо; они имѣютъ въ своемъ производствѣ дѣла не по одной какой нибудь отрасли государственнаго управленія, а всѣ дѣла извѣстнаго рода, а потому въ нихъ сосредоточивается и соединяется то, что раздроблено по разнымъ министерствамъ; поэтому коллегіальнымъ учрежденіямъ гораздо легче избѣгнуть односторонности, неминуемой въ министерствахъ; наконецъ, не будучи обременены подробностями исполненія, коллегіальныя учрежденія имѣютъ больше времени и досуга спокойно обсудить каждый вопросъ и глубже вникнуть въ существо дѣла, которое посреди заботъ о ходѣ текущихъ дѣлъ, весьма легко ускользаетъ изъ виду министровъ. *Все это доказываетъ что коллегіальныя учрежденія болѣе способны, чѣмъ министерства возбуждать вопросы о законодательныхъ и общихъ административныхъ мѣрахъ.* У насъ-же, какъ-разъ на оборотъ, право возбуждать законодательные и общіе административные вопросы принадлежитъ не коллегіалнымъ учрежденіямъ, а министрамъ, не совѣщательнымъ органамъ Верховной власти, а исполнительнымъ.

Чтобъ положить конецъ разъединенію Государя со страною, откуда и рождается одностороннее или ошибочное понятіе о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ и вещей въ государствѣ, необходимо поставить печать и высшія государственныя учрежденія въ иное положеніе, чѣмъ въ какомъ они теперь находятся, а именно:

1) *Управленіе печатью необходимо возложить* не на какое либо министерство, а *на одно изъ коллегіальныхъ высшихъ государственныхъ учрежденій* — Правительствующій Сенатъ, Комитетъ Министровъ или Государственный Совѣтъ. Отъ такой перемѣны можно несомнѣнно ожидать болѣе безпристрастія и справедливости въ завѣдываніи дѣлами печати.

2) *Доклады министровъ Государю надлежитъ подвергать предварительно просмотру и одобренію Комитета Министровъ,* а въ дѣлахъ спѣшныхъ — хотя бы одного его Предсѣдателя. При такомъ порядкѣ, каждый министръ долженъ будетъ доложить вмѣстѣ съ своимъ предположеніемъ и отзывъ о немъ Комитета Министровъ или его Предсѣдателя, черезъ что Государю сдѣлается извѣстнымъ и мнѣніе высшаго коллегіальнаго учрежденія имперіи о предлагаемой ему мѣрѣ.

3) *Необходимо ввести въ составъ хотя-бы одного лишь Государственнаго Совѣта, на правахъ членовъ и въ равномъ съ ними числѣ, выборныхъ отъ губернскихъ земствъ.* Чтобъ могли быть выбраны лучшіе люди губерній, а не лица принадлежащія къ тому или другому сословію, званію или слою и кружку, слѣдуетъ *предоставить земствамъ выбирать, кого они признаютъ достойнымъ, не стѣсняя ихъ никакимъ цензомъ и никакими другими условіями, и вмѣнивъ имъ лишь въ обязанность выставить самыхъ способныхъ и честныхъ людей, хорошо знающихъ свой край, его нужды и опытныхъ въ дѣлахъ мѣстнаго управленія.* По этимъ указаніямъ земства уже сами будутъ знать и понимать, кто можетъ лучше всего представлять губернію, ея пользы и потребности передъ Государемъ, въ составѣ высшаго государственнаго коллегіальнаго учрежденія

имперіи. Такая мѣра дастъ Государю возможность услышать мнѣ ніене только тѣхъ, которые управляли или управляютъ, но и тѣхъ, которые состоятъ подъ управленіемъ въ губерніяхъ и испытали его на себѣ. Поэтому-то и надо предоставить земствамъ самимъ свободный выборъ выразителей ихъ нуждъ передъ Государемъ. Свѣдущіе люди, выбранные министрами, всегда будутъ представлять мнѣнія послѣднихъ, а не мѣстныхъ жителей.

4) *Необходимо предоставить Первому Департаменту Правительствующаго Сената, Комитету министровъ и Государственному Совѣту одинаковое съ министрами право представлять на благоусмотрѣніе Государя предположенія свои о пользахъ и нуждахъ государства и о мѣрахъ, которыя надлежало бы принять для ихъ удовлетворенія.* Если министры пользуются этимъ правомъ, то тѣмъ болѣе оно должно-бы принадлежать высшимъ коллегіальнымъ государственнымъ учрежденіямъ, которыя теперь его лишены; какъ объяснено выше, они могутъ основательнѣе, безпристрастнѣе и полнѣе обсуждать государственныя дѣла, чѣмъ каждый изъ министровъ въ отдѣльности.

Объясненными мѣрами были-бы устранены тѣ препоны, которыя теперь мѣшаютъ Государю знать дѣйствительное положеніе дѣлъ, правильно судить о различныхъ направленіяхъ мыслей и о достоинствахъ и благонадежности тѣхъ или другихъ лицъ. *Минувшее царствованіе представляетъ горестныя доказательства тому, какъ все можетъ быть доложено Государю въ превратномъ видѣ, когда единственными его совѣтниками суть министры.* Честные и способные люди были оклеветаны и удалены, хищники и недобросовѣстные рекомендованы, какъ преданнѣйшіе отечеству и Государю, полезные и надежные слуги, и поставлены на видныя мѣста въ государственномъ управленіи; благотворные законы и преобразованія были искажены въ примѣненіи и вмѣсто пользы принесли вредъ: тѣ, которые ихъ исказили указывали, что вредъ произошелъ отъ этихъ законовъ и преобразованій, тщательно скрывая, что они

были недобросовѣстно приведены въ дѣйствіе. *Благодаря тому, что только одни министры имѣли голосъ у престола, нарушались именемъ Государя несомнѣннѣйшія права, нагло попирались законы, преслѣдовались подъ предлогомъ неблагонамѣренности лица и изданія не только безвредныя, но даже полезныя и вполнѣ честныя, за то только, что обличали произволъ того или другого министра, не соглашались съ его взглядами, противорѣчившими закону, указывали на злоупотребленія, которыя тѣмъ или другимъ министромъ тщательно скрывались.*

Покуда на первомъ планѣ будутъ стоять министры, а коллегіальныя государственныя учрежденія на второмъ, до тѣхъ поръ объ увѣренности нашего теперешняго, во всѣхъ отношеніяхъ бѣдственнаго положенія нельзя и думать.

Государи, при всемъ горячемъ желаніи, не въ состояніи узнать, что на самомъ дѣлѣ творится въ имперіи, каково настроеніе и расположеніе умовъ, хорошо или дурно идутъ дѣла, какими мѣрами поднять общее благосостояніе и довольство. И не всегда министры будутъ въ этомъ виноваты. Самые благонамѣренные и преданные изъ нихъ способны, какъ всѣ люди, ошибаться и увлекаться. Для блага Государя и государства необходимо, чтобъ была возможность поправлять эти ошибки и пристрастія, а средствъ для такой поправки у насъ теперь не существуетъ.

Послѣдствія такого кореннаго недостатка въ устройствѣ высшаго государственнаго управленія — *самыя плачевныя.*

Авторитетъ самодержавной власти страдаетъ. Вмѣсто закона господствуетъ произволъ, противъ котораго нѣтъ защиты. Люди честные, благонамѣренные и способные теряютъ надежду на улучшеніе положенія, а съ нею и бодрость духа, безъ которой нельзя сдѣлать ничего полезнаго. Сегодня одни, безъ всякой причины, признаются вредными и опасными; имъ запрещается высказываться, а потому и оправдаться они не могутъ. Завтра такая-же участь постигаетъ и тѣхъ, которые вчера считались благонамѣренными. Цѣлыя области, племена,

сословія, исповѣданія и званія почередно попадаютъ подъ опалу по навѣту министровъ, создающихъ имъ то или другое положеніе, по своему усмотрѣнію.

Предлагаемыя въ этой запискѣ мѣры поставятъ всѣ мнѣнія и взгляды подъ защиту закона, дадутъ возможность услышать голосъ управляемыхъ, предоставятъ коллегіальнымъ государственнымъ учрежденіямъ положеніе передъ Государемъ, равное съ министрами. При помощи такихъ мѣръ нынѣшнее неопредѣленное положеніе выяснится, и тогда нетрудно уже будетъ изыскать способы, чтобы измѣнить его къ лучшему.

Марта 1882 г.

ПО ВОПРОСУ
ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ.

Одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей русской исторіи до самаго послѣдняго времени заключалась въ томъ, что всѣ преобразованія, совершившіяся въ русской политической и общественной жизни, постепенно шли сверху. Силой своего генія, Петръ Великій, рѣшительно ставшій во главѣ современнаго ему умственнаго движенія, надолго укрѣпилъ это направленіе русской исторической жизни, которое сказалось потомъ въ лучшихъ законодательныхъ мѣрахъ Императрицы Екатерины II и Императора Александра I и въ преобразованіяхъ покойнаго Государя — крестьянскомъ, судебномъ и земскомъ. Верховная власть, какъ руководительница народа и общества, нѣкогда установившая крѣпостное право, сообразно требованіямъ времени, впослѣдствіи сама упразднила его, когда понятія и требованія времени вызывали его отмѣну.

Въ 1861 году, какъ это было при Петрѣ I и Екатеринѣ II, Верховная власть явилась руководительницей тогдашняго движенія умовъ и народнаго настроенія и удовлетворила одну изъ назрѣвшихъ коренныхъ потребностей русскаго народа и русской жизни: крѣпостное право было упразднено въ области частныхъ отношеній между людьми — подданными русскаго государства, и русскій народъ вновь укрѣпился въ тѣхъ надеждахъ, которыя онъ, по исторической привычкѣ, всегда возлагалъ на Верховную власть, стоящую превыше всякихъ сословныхъ интересовъ.

Къ сожалѣнію, тоже самое крѣпостное право, упразднен-

ное въ частныхъ отношеніяхъ, старательно и систематически поддерживалось администраціей въ публичной жизни Россіи. Съ этой цѣлью, въ теченіи въ особенности послѣдняго десятилѣтія, ею была выработана цѣлая система дѣйствій, породившая въ обществѣ и народѣ глубокое недовѣріе къ правительству вообще. *Лучшіе законы,* торжественно изданные Верховной властью и благотворно указавшіе исходъ естественному росту русской жизни и русскаго общественнаго сознанія, нетолько видоизмѣнялись, но и *отмѣнялись* министерскими циркулярами и другими, большей частью *негласными распоряженіями администраціи. Отъ крестьянскаго дѣла, изъ земства и суда* мало по малу *были вытѣснены* или устранились сами *лучшія общественныя силы,* и въ настоящее время *общество и народъ утратили въ значительной мѣрѣ вѣру въ законъ и въ свое право, на немъ основанное.* Сначала незамѣтно; потомъ все сильнѣе и сильнѣе *проникались они убѣжденіемъ, что администрація, а слѣдовательно и правительство, имѣютъ какіе-то особенные интересы и цѣли, помимо интересовъ и цѣлей русскаго общества и народа, что они относятся непріязненно къ успѣхамъ русской гражданственности,* что русское правительство — само по себѣ, а русское общество и народъ — тоже сами по себѣ, что между ними въ настоящее время уже нѣтъ или очень мало точекъ соприкосновенія. Вотъ гдѣ корень всей нашей теперешней общественной неурядицы, и потому *единственнымъ средствомъ* къ ея устраненію *можетъ быть только прямое, открытое, искреннее противодѣйствіе этому общественному убѣжденію въ разрозненности интересовъ правительства и страны.* Необходимы такія мѣры, которыя сразу показали-бы, что прежняя система оцѣнена самимъ правительствомъ по достоинству, — осуждена, какъ вредная; что правительство не желаетъ долѣе опираться на нее, что въ его глазахъ, особенно въ глазахъ Верховной власти, правда и законъ на первомъ планѣ, что интересы и цѣли ея вполнѣ совпадаютъ съ интересами и цѣлями Россіи, какъ великаго народа и го-

сударства. Создавая вредную систему послѣдняго десятилѣтія и примѣняя ее на практикѣ съ безпощаднымъ нарушеніемъ всякаго права, всякаго закона и всякой правды, администрація не стѣснялась прикрываться щитомъ Верховной власти и умалять ея великій историческій авторитетъ подъ лицемѣрнымъ видомъ охраненія ея высокихъ правъ и призванія. Ближайшія послѣдствія показали, въ какія дебри завелъ Россію этотъ коварный образъ дѣйствій.

Въ виду такого положенія дѣлъ, когда довѣріе поколеблено и неудержимо распространяется серьезное броженіе, когда никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, существенно полезенъ и необходимъ слѣдующій рядъ рѣшительныхъ мѣръ способныхъ вывести Россію на дорогу правильной исторической жизни и дѣйствительной правды.

1) Мѣстныя *земскія учрежденія, уѣздныя и губернскія, испорченныя министерскими циркулярами и негласными вліяніями, должны быть возстановлены въ свободномъ отъ порчи видѣ,* причемъ *для усиленія въ нихъ крестьянскаго элемента,* уѣзднымъ земскимъ собраніямъ должно быть предоставлено право *назначать суммы на расходы уѣздныхъ гласныхъ изъ крестьянъ, избираемыхъ въ члены губернскихъ земскихъ собраній.* До сихъ поръ такое назначеніе суммъ было запрещено именно въ видахъ ослабленія крестьянскаго элемента въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.

2) *Земскимъ учрежденіямъ должно быть возвращено право избирать своихъ предсѣдателей.* Предоставленное нынѣ обязательнымъ предсѣдателямъ *право не допускать,* по ихъ усмотрѣнію, *обсужденія того или другого вопроса въ земскомъ собраніи должно быть отмѣнено.*

3) *Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ,* въ видахъ общественнаго контроля надъ ними, *должны быть печатаемы безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій.*

4) *Дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1865 года должно быть возстановлено во всей своей силѣ.*

5) Сохраняя за собою наблюденіе за печатью, правительству тѣмъ не менѣе необходимо признать, что административный произволъ не можетъ быть судьею въ этомъ дѣлѣ, и *предоставить настоящей судебной власти постановленіе окончательныхъ приговоровъ надъ нарушителями законовъ о печати,* хотя-бы безъ присяжныхъ. При этомъ *подлежатъ коренному пересмотру и нынѣ дѣйствующіе законы о печати.*

6) Какъ законной руководительницѣ народа, принимающей къ сердцу свое великое призваніе, Верховной власти необходимо *признать полезнымъ,* въ виду нынѣшняго исключительнаго положенія дѣлъ, *выслушать мнѣніе страны о томъ, какъ положить конецъ* этому *ненормальному положенію.* Съ этой цѣлью, она должна *постановить: каждое губернское земское собраніе должно выбрать изъ своей среды по пяти гласныхъ,* или-же каждое уѣздное собраніе — по одному гласному, *для обсужденія въ общей совѣщательной думѣ нынѣшняго положенія дѣлъ и тѣхъ мѣръ, какія могутъ способствовать его улучшенію.* Но такъ какъ теперешнія земскія собранія избраны въ виду задачъ чисто мѣстныхъ и притомъ подъ вліяніемъ прежнихъ административныхъ порядковъ, такъ какъ многія лица устранились не только отъ земской и городской службы, но и отъ званія гласныхъ, то *составъ земскихъ собраній подлежитъ теперь-же полному обновленію.* Разрѣшеніе назначать въ губернскія собранія гласныхъ отъ крестьянъ съ покрытіемъ ихъ расходовъ, доставитъ большему числу крестьянъ возможность участвовать въ предположенномъ совѣщаніи и должно быть распространено на тѣхъ крестьянъ, которые могутъ быть избраны въ члены будущей совѣщательной думы.

7) Названная *дума, или центральное земское собраніе, учрежденіе только совѣщательное.* Верховная власть оставляетъ за собою окончательное рѣшеніе по разсмотрѣннымъ ею вопросамъ. *Дума высказываетъ свое мнѣніе по дѣламъ, касающимся вопросовъ: крестьянскаго, земскаго, учебнаго, или школьнаго и финансоваго.*

8) *Совѣщательная Дума должна быть созываема правительствомъ ежегодно и возобновляема въ своемъ составѣ черезъ каждое трехлѣтіе; она должна засѣдать въ теченіи трехъ зимнихъ мѣсяцевъ, когда нѣтъ земледѣльческихъ работъ.* Возобновленіе ея состава должно совпадать съ трехлѣтнимъ возобновленіемъ состава мѣстныхъ земскихъ собраній.

9) *Совѣщанія Думы* въ видахъ общественнаго контроля *должны быть печатаемы безпрепятственно.* За вѣрность и добросовѣстность ихъ передачи, печать должна отвѣчать передъ судомъ.

Таковъ рядъ мѣръ, долженствующихъ несомнѣнно вывести страну изъ того тревожнаго состоянія, въ какомъ она находится нынѣ и возстановить общее довѣріе къ правительству. *Полный успѣхъ этихъ мѣръ настоятельно требуетъ, чтобы онѣ были объявлены* **рѣшительно и одновременно**. Обнародованіе ихъ по частямъ могло-бы при нынѣшнемъ возбужденномъ настроеніи, породить превратные толки объ ихъ неискренности, о новыхъ проискахъ администраціи и т. п. **Онѣ однѣ положили бы конецъ крѣпостному праву въ публичной жизни Россіи** и возвратили-бы страну на тотъ широкій путь, который былъ открытъ передъ нею великими преобразованіями Петра I и неменѣе великой крестьянской реформою покойнаго Государя; онѣ однѣ могли-бы дать ей желательный покой и необходимое обновленіе.

Марта 1882 г.

О НЕОБХОДИМОСТИ ИМѢТЬ ВЪ РОССІИ МИНИСТЕРСТВО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

Россія издавна считается страной земледѣльческою и, конечно, не безъ основанія. Гдѣ 90% народонаселенія занимается земледѣліемъ и гдѣ болѣе 80-ти милліоновъ десятинъ такой безпримѣрной, по природному плодородію, почвы, какъ нашъ черноземъ, тамъ естественно земледѣліе должно быть во главѣ всѣхъ промышленностей. Правда, добрая половина Россіи не имѣетъ чернозема. Вся сѣверная ея полоса, т. е. наибольшая часть Великороссіи, имѣетъ почву скудную. Но и здѣсь, какъ было споконъ вѣка, такъ и теперь, главное народонаселеніе, т. е. крестьянское, занимается по преимуществу земледѣліемъ. Промышленность заводская и фабричная у насъ сгрупирована или въ большихъ городахъ, или въ сильно населенныхъ центрахъ, въ родѣ бывшаго села Иванова и т. п.

Въ силу такого распредѣленія промышленностей можно-бы ожидать, что въ Россіи сельское хозяйство должно всюду, если не процвѣтать, то по крайней мѣрѣ находиться въ удовлетворительномъ положеніи, но на дѣлѣ совсѣмъ иная картина. Кто живалъ въ деревнѣ, тотъ хорошо знаетъ, что обработка земли у насъ ниже всякой критики; скотоводство, частію отъ безкормицы, частію отъ повальныхъ болѣзней, всюду уменьшается, а то, которое еще кое-какъ держится, находится въ положеніи по истинѣ ужасномъ: скотъ годъ отъ году мельчаетъ и вырождается, отчего поля все меньше и меньше получаютъ удобренія, заростаютъ сорными травами и даютъ урожай въ общей сложности, самъ-другъ или самъ-третей и никакъ не выше.

Все это, понятно, относится по преимуществу къ хозяйству крестьянъ, но о хозяйствѣ землевладѣльцевъ, по крайней мѣрѣ на Сѣверѣ Россіи, и говорить не стоитъ. Оно всюду заброшено, а если гдѣ ведется, то развѣ по страсти къ земледѣлію, и то — въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ и большей частью всегда въ убытокъ. Есть цѣлые уѣзды, гдѣ положительно нѣтъ ни одной правильно-организованной помѣщичьей усадьбы.

Между тѣмъ, рядомъ съ такой грустной картиною русскаго сельскаго хозяйства, при обстоятельствахъ гораздо болѣе неблагопріятныхъ относительно климата и почвы, есть мѣстности съ хозяйствомъ чисто европейскимъ, гдѣ нетолько живутъ земледѣліемъ и скотоводствомъ, но даже богатѣютъ отъ занятій сельско-хозяйственнымъ промысломъ. Таковы: убогая по природѣ и климату Финляндія и также не обильно надѣленныя дарами природы губерніи Остзейскія. Въ послѣднихъ, въ среднемъ выводѣ, урожай положительно не ниже а выше чѣмъ на черноземѣ. Не ясно-ли послѣ того, что не почва и не климатъ виноваты въ томъ, что въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ земледѣліе или въ забросѣ или ведется кое-какъ, а нѣчто другое, что мы и попробуемъ поискать. Но для полноты нашего слабаго очерка русскаго сельскаго хозяйства, слѣдуетъ сказать и о другой половинѣ Россіи — черноземной.

Не такъ давно этотъ край назывался *житницей Европы.* Таковъ онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ. Въ былое время, вопросъ о томъ, каковъ урожай въ Россіи и какова цѣна нашей пшеницы, занималъ всѣ главнѣйшіе рынки Европы, а особенно рынокъ Англіи, гдѣ своего хлѣба хватаетъ лишь на половину жителей, и гдѣ изъ 33 милліоновъ народонаселенія, только 18 кормятся своимъ хлѣбомъ, а остальные 15 — чужимъ, привознымъ. Но нынѣ и Англія не очень тужитъ если намъ вывозить нечего. Весь свой дефицитъ въ хлѣбѣ она — правда, дороже, чѣмъ изъ Россіи, но все таки безъ большаго труда можетъ покрыть привозами изъ Америки, Индіи, Венгріи и частью изъ своихъ колоній. Какъ-бы однако ни было, но что Россія вы-

возитъ за границу изъ хлѣбныхъ продуктовъ, все это приходится исключительно на полосу черноземную; кромѣ того, эта-же полоса покрываетъ и нашъ домашній дефицитъ въ хлѣбѣ, т. е. полосы не черноземной. Но заключать отсюда, что сельское хозяйство процвѣтаетъ на нашемъ черноземѣ, было-бы большой ошибкою. Всего Россія производитъ хлѣба до 300 милліоновъ четвертей. Самый высокій вывозъ былъ въ 1878—79 годахъ. Въ эти годы онъ былъ свыше 40 милліоновъ четвертей. Если сравнить цыфру вывоза хлѣба за эти годы съ цыфрою вывоза до крестьянской реформы, то успѣхъ окажется очень большой. До крестьянской реформы мы вывозили много-много 9—10 милліоновъ четвертей, а въ указанные выше годы втрое больше. Еслибы такъ шло и дальше, т. е. увеличивалось прогрессивно, то нечего и желать-бы больше. Но опытъ самыхъ послѣднихъ двухъ годовъ принесъ страшное разочарованіе относительно прогресса нашего отпуска хлѣба: вывозъ его сразу упалъ на 50%, а что всего больнѣе — въ прежней *житницѣ Европы* явился на продажу хлѣбъ изъ Америки; даже въ Петербургѣ продавалась американская мука, а изъ американской кукурузы, минившую зиму, курилъ вино весь Остзейскій Край.

Чѣмъ объяснить такой быстрый поворотъ нашего земледѣлія къ худшему? Въ 1880 году, во многихъ мѣстностяхъ поѣли пшеницу жуки (кузька, пилильщикъ, гессенская муха), а прежніе запасы, какіе были, ушли за границу въ 1878 и 1879 годахъ, такъ что нечего было и вывозить. И вотъ, что же мы теперь видимъ: сильнѣйшій упадокъ нашего кредитнаго рубля, всеобщій застой въ торговлѣ и промышленности, отсутствіе капиталовъ и денегъ, однимъ словомъ, общую жалобу на безденежье, дороговизну, отсутствіе всякихъ предпріятій не однихъ сельскихъ хозяевъ, но и людей торговыхъ, банкировъ, заводчиковъ, фабрикантовъ и пр. Не ясно-ли отсюда, какъ все въ Россіи зависитъ отъ успѣха сельскаго хозяйства. Много хлѣба — и довольство общее; нѣтъ или мало его — на все дороговизна,

безденежье и общее уныніе. Значитъ хлѣбъ нашъ не въ примѣръ цѣннѣе сибирскаго золота. Опытъ 1878—79 годовъ показалъ, что за хлѣбъ, изъ одной заграничной торговли, отпустивъ его до 40 милліоновъ четвертей, Россія можетъ получать до 300 милліоновъ рублей золотомъ, между тѣмъ дѣйствительнаго золота у насъ добывается едва 10-12 часть этой суммы.

Что-же мѣшаетъ Россіи пользоваться такимъ чуднымъ даромъ, какъ нашъ черноземъ? Прежде всего наше незнаніе. Это незнаніе роднаго сокровища, неумѣніе обращаться съ нимъ сдѣлали то, что въ иные годы, лучшій въ свѣтѣ по плодородію черноземъ родитъ хуже, чѣмъ безплодная глина Сѣвера. Тоже незнаніе помогло развестись цѣлымъ миріадамъ разныхъ вредныхъ насѣкомыхъ; оно-же продолжаетъ нещадно истреблять лѣса и порождать безпримѣрныя въ прежнія времена засухи, ливни и обмеленія нашихъ рѣкъ. Благодаря незнанію, русскій народъ привыкъ снимать съ своего чернозема однѣ сливки, т. е. утилизировать только одинъ верхній слой, который, какъ ни плодороденъ, всетаки отъ нѣсколькихъ сряду взятыхъ жатвъ пшеницы истощается и затѣмъ уже никогда не возстановляетъ, во всей полнотѣ, своихъ силъ, сколько-бы лѣтъ онъ ни находился въ отдыхѣ, или, такъ называемой залежи. А такъ какъ привычка есть вторая природа, то нашъ народъ, если онъ будетъ оставаться съ тою-же суммой знаній, какую имѣетъ теперь, вѣчно будетъ гоняться за поискомъ новыхъ дѣвственныхъ земель и бросать свои старыя выпаханныя*). И пока будетъ представляться какая нибудь возможность къ такимъ поискамъ, народной массѣ никогда не додуматься до лучшихъ формъ земледѣлія, а придется влачить свое скудное существованіе въ области трехполія или истребительнаго хозяйства огневаго, такъ называемаго, лядиннаго на Сѣверѣ, или залѣжнаго на Югѣ, или, что

*) Въ одной Московской губерніи заброшено крестьянами до 90/т. десятинъ выпаханной земли.

еще хуже, какъ было въ старину, постоянно „брести врозь“ и тратить свои богатырскія силы на непосильную борьбу на новыхъ мѣстахъ съ природою. И будетъ у насъ все по прежнему, т. е., иной годъ — густо, а иной — пусто!

Но не затѣмъ даются дары природы, чтобы отъ нихъ бѣжать. Отъ добра добра не ищутъ. Грустна перспектива того народа, который все будетъ искать и ничего не находить, ни на чемъ не останавливаться. Угрюмый Финнъ не бѣжитъ отъ своихъ голыхъ скалъ и болотъ и нашелся какъ утилизировать свою, по истинѣ, убогую родину. Его чухонское масло — первое въ Петербургѣ, но не послѣднее и за-границею. Остзейцы живутъ не фабриками и заводами, которыхъ они почти не имѣютъ, а земледѣліемъ и скотоводствомъ. Царство Польское также давно опередило насъ въ земледѣльческой культурѣ. Неужели одно коренное русское населеніе должно оставаться съ тѣми первобытными сельскохозяйственными пріемами, какіе могли быть пригодны для древней Россіи, когда всюду было много земель черныхъ, т. е., свободныхъ, но которые положительно несвоевременны для настоящаго времени.

Но народъ самъ никогда не додумается, какъ ему выдти изъ первобытнаго положенія относительно пользованія своей кормилицей-землею, какъ при этомъ пользованіи ее постепенно улучшать, а не истощать, какъ обезпечить постоянную урожайность своихъ полей, какъ вводить новыя полезныя растенія, какъ осушать болота, какъ орошать, гдѣ нужно отводить излишнюю воду, вò-время обрабатывать землю, обзаводиться лучшими земледѣльческими орудіями и посѣвными сѣменами, беречь лѣса, уважать чужую собственность, какъ обзаводиться лучшими породами скота и т. д. Опытъ всѣхъ народовъ показалъ, что всегда и вездѣ лучшіе способы культуры кѣмъ нибудь указывались и проводились въ жизнь. Не обойтись безъ такой помощи и Россіи.

Но прежде всего необходимо **Царское слово** — которое-бы знали всѣ и каждый — что земледѣліе высоко стоитъ въ глазахъ

Монарха и считается имъ главной основою благоденствія и процвѣтанія Русской земли.*)

Русскіе Государи всегда покровительствовали сельскохозяйственной промышленности, но особо глубокую память въ этомъ дѣлѣ оставилъ по себѣ первый преобразователь Россіи. Нѣтъ ни одной отрасли сельскаго хозяйства, которая-бы не была предметомъ особыхъ заботъ Петра Великаго. Такъ онъ собственными руками посадилъ въ Кіевѣ нѣсколько тутовыхъ деревьевъ и тѣмъ положилъ основаніе нашему шелководству; въ видахъ поднятія русскаго огородничества, выписалъ искусныхъ въ этомъ дѣлѣ голландцевъ и ростовскіе огородники скоро превзошли своихъ учителей; съ цѣлью водворенія въ Россіи улучшеннаго овцеводства посылалъ молодыхъ дворянъ учиться этому дѣлу въ Силезію, и уже въ царствованіе Петра завелись племенныя овчарни въ Астрахани, Казани, Кіевѣ и другихъ мѣстахъ; въ видахъ улучшенія мелкой крестьянской лошади, Петръ приказалъ привести клешеровъ съ острова Эзеля, и въ Россіи явились вятки, обвинки, мезенки и другія добрыя годныя и для работы и для бѣга лошади. Но вѣнецъ дѣяній Петра на пользу русскаго скотоводства, это созданная имъ изъ голландской породы корова холмогорская — кормилецъ Петербурга и родоначальникъ превосходныхъ породъ скота: Ярославскаго, Каргопольскаго, Сумскаго, Тихвинскаго и др.**) Великая Екатерина сама не могла, подобно Петру, вникать въ

---

*) Наполеонъ III много причинилъ бѣдствій Франціи, но въ тоже время этотъ Государь своимъ покровительствомъ земледѣлію и промышленности, въ которыхъ нерѣдко принималъ личное участіе на своихъ фермахъ: Сен-Клу, Венсенѣ и др., сдѣлалъ то, что такая страшная контрибуція, какъ пять милліардовъ франковъ и отторженніе отъ Франціи двухъ богатѣйшихъ ея провинцій, нетолько не довели эту страну до нищеты, но, напротивъ, подняли ея благоденствіе до самой завидной ступени. Въ Китаѣ тысячу лѣтъ существуетъ обычай, что первую борозду проводитъ самъ Богдыханъ.

**) Въ лѣсу Петровской Академіи есть прудъ, почти весь заросшій травою. Въ простонародіи этотъ прудъ называется „Астрадамкой“. Здѣсь была ферма Императора Петра „Амстердамъ“ и на этой-то фермѣ содержался голландскій скотъ, родоначальникъ нашей холмогорки.

подробности сельскаго хозяйства, но что она придавала ему глубокое значеніе видно изъ того, что основала Вольное Экономическое Общество, которому и ввѣрила всѣ заботы по улучшенію отечественнаго земледѣлія. Императоръ Александръ Благословенный страстно любилъ сельское хозяйство, какъ объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ Царскосельская Ферма, основанная имъ съ спеціальной цѣлью *служить разсадникомъ для Россіи лучшихъ породъ молочнаго скота.* Императоръ Николай также глубоко былъ проникнутъ важностью земледѣлія для Россіи. Въ Его царствованіе положено начало научному изученію земледѣлія основаніемъ агрономической каѳедры при университетахъ, устройствомъ спеціальныхъ высшихъ и низшихъ сельскохозяйственныхъ заведеній и учебныхъ фермъ и, сверхъ сего, учрежденіемъ особаго органа, который обязанъ слѣдить за развитіемъ отечественнаго земледѣлія въ лицѣ департамента сельскаго хозяйства при министерствѣ государственныхъ имуществъ.

Всѣ эти мѣры, конечно, не остались безъ вліянія на русское сельское хозяйство: безъ нихъ, оно было-бы еще хуже, чѣмъ теперь. Тѣмъ не менѣе онѣ не могли произвести полнаго, желаемаго дѣйствія. Вся мудрость этихъ мѣръ разбивалась о пространственность нашего отечества, а главное — о крѣпостное право. Еще Монтескье говорилъ, что „и страны земнаго шара воздѣлываются не сообразно стенени ихъ природнаго богатства, а сообразно свободѣ ихъ обитателей.“ Даровать русскому селянину эту свободу, сокрушить крѣпостное право выпало на долю незабвеннаго Царя-Освободителя. Теперь главное препятствіе къ улучшенію отечественнаго земледѣлія, устранено. Гордіевъ узелъ разсѣченъ, трудъ земледѣльческій въ Россіи свободенъ. Остается дать этому труду правильное, производительное направленіе — и этого ждетъ Россія отъ своего Державнаго Вождя.

Въ большей части европейскихъ государствъ, сельскохозяйственное дѣло ввѣрено особымъ спеціальнымъ министер-

ствамъ. Въ иныхъ вѣдѣнію такихъ министерствъ подлежитъ только сельское хозяйство со всѣми его отраслями, въ другихъ — вообще промышленность и, кромѣ того, — торговля. Такъ во Франціи министръ земледѣлія завѣдуетъ торговлею и публичными работами; въ Пруссіи существуетъ министерство спеціально для сельскаго хозяйства; въ Австріи этотъ органъ называется министерствомъ торговли и народнаго хозяйства; въ Италіи — министерствомъ земледѣлія, промышленности и торговли; въ Англіи нѣтъ спеціальнаго органа земледѣлія, но есть такъ называемая торговая палата; даже въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ долго держались принципа невмѣшательства въ частное дѣло, каковымъ кажется сельское хозяйство, въ 1862 году учреждено бюро или палата земледѣлія, а какимъ значеніемъ пользуется это новое для Америки учрежденіе — видно изъ того, что отчетъ его печатается въ 200 т. экземпляровъ.

Такимъ образомъ всѣ образованныя государства, несмотря на высокое развитіе въ большей части изъ нихъ сельскаго хозяйства, имѣютъ спеціальные органы для этой отрасли промышленности. Недостаетъ такого органа только самой земледѣльческой странѣ Европы, каково наше отечество. Существующій при министерствѣ государственныхъ имуществъ департаментъ земледѣлія и сельской промышленности не можетъ восполнить этого пробѣла, такъ какъ его дѣятельность главнымъ образомъ сосредоточивается на завѣдываніи тѣми немногими сельскохозяйственными заведеніями, которыя существуютъ въ Россіи. Но этого слишкомъ недостаточно. *Для успѣховъ русскаго сельскаго хозяйства необходимо:*

1) *чтобъ между хозяевами земледѣльцами и правительствомъ существовала бо́льшая связь: послѣднее должно знать тѣ препятствія, которыя встрѣчаютъ во всѣхъ полосахъ Россіи первые для проявленія своей дѣятельности, и должно помогать ихъ устраненію.*

2) *чтобы мѣры къ устраненію этихъ препятствій пред-*

принимались не спорадически, т. е., не въ извѣстное только время, а дѣйствовали бы постоянно до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно необходимы и пока не придетъ пора замѣнить ихъ новыми.

3) *чтобы сельскохозяйственное образованіе не ограничивалось содержаніемъ только нѣсколькихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, а проникало бы въ массы сельскаго населенія, такъ какъ настоящіе-то земледѣльцы въ Россіи — всетаки наши крестьяне.*

4) *чтобы наконецъ само правительство пріобрѣло убѣжденіе, что Россія есть дѣйствительно государство земледѣльческое, и что отстаивать интересы русскаго сельскаго хозяйства, есть долгъ каждаго русскаго гражданина.* **Достиженію всего этого можетъ много способствовать учрежденіе особаго сильнаго органа въ лицѣ спеціальнаго министерства земледѣлія,** какъ объ этомъ не разъ заявлялось и въ литературѣ, и въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, и отъ лица частныхъ хозяевъ.

ПО ВОПРОСУ ПОЛЬСКОМУ.

Въ извѣстномъ письмѣ 1819-г. Карамзина къ Императору Александру I сказано: *„Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, которому всѣ государства обязаны бытіемъ!“*, и заключалъ Карамзинъ свое письмо выводомъ, ставшимъ издавна русскимъ государственнымъ правиломъ (и до нынѣ, повидимому, вполнѣ дѣйствующимъ): *„ни пяди земли ни врагу, ни другу!“*

Это завоеваніе Россія совершила не одна: она подѣлилась дряхлою аристократическою Рѣчью-Посполитой съ двумя первенствующими нѣмецкими державами. Съ тѣхъ поръ она стала съ ними солидарна на счетъ подавленія сообща всякихъ попытокъ со стороны поляковъ возстановить утраченную самобытность. — Подавленные тройственнымъ союзомъ, поляки обращали взоры на западъ, къ Франціи, къ Великому Корсиканцу и Наполеонидамъ. Сначала, по первому раздѣлу Польши (1795 г.), Россія получила только земли по Нѣманъ, Бугъ и Збручъ, значитъ, земли хотя и ополяченныя снаружи, но имѣвшія непочатую, не польскую, а большею частью русскую, конечно, некультурную, подкладку. Но за рѣшающее участіе Россіи въ преодолѣніи Наполеона I ей былъ предоставленъ по вѣнскимъ трактатамъ 1815 г. еще болѣе сочный и цѣнный кусокъ земли — среднее теченіе Вислы, страна людная, экономически развитая, врѣзывающаяся клиномъ въ прусскія владѣнія и придвигающая Россію къ средоточію Европы. Зато жъ это была вмѣстѣ съ тѣмъ страна сплошь польская, труднѣе управляемая, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ I, столь умѣло эксплоатировавшій полити-

ческій патріотизмъ поляковъ, заронилъ въ сердца ихъ искру — источникъ будущихъ пожаровъ —: мысль о возстановленіи стараго польскаго государства. Со времени вѣнскихъ трактатовъ половина нольской націи и очутилась подъ скипетромъ Россіи, другую половину раздѣлили между собою почти на равныя части два другіе члена Священнаго Союза — Австрія и Пруссія.

Но *завоевать* или *присоединить* значитъ только начать работу: надо еще устроить, усвоить и, такъ сказать, переварить.

Съ 1815 г. начались опыты устроенія Россіею областей бывшаго Польскаго Королевства — и было этихъ опытовъ числомъ три, изъ коихъ *два оказались вполнѣ неудачными, третій продолжается, но уже теперь виденъ его далеко не полный успѣхъ.*

Остановимся на этихъ опытахъ.

Первый былъ опытъ *либерально конституціонный, задуманный Александромъ I.,* — крупная ошибка со стороны этого монарха. Не скажу, чтобы въ одномъ лицѣ не могъ совмѣщаться конституціонный Государь въ одной, и самодержавный Государь въ другой части государства (примѣръ Финляндіи показываетъ противное), *но основная идея польской конституціи 1815 г. была фальшивая, неясная,* кроющая въ себѣ множество недосказанныхъ замысловъ, ведущая къ недоразумѣніямъ, пробуждающая несбыточныя надежды; притомъ она не могла не вызывать глухаго ропота со стороны коренныхъ подданныхъ, настоящихъ, какъ ихъ тогда называли, „Россіянъ“. — Александръ I пошелъ по стопамъ Наполеона въ поддерживаніи пробужденныхъ симъ послѣднимъ вольнолюбивыхъ политико-патріотическихъ мечтаній поляковъ; мало того, онъ *далъ имъ обѣщаніе подумать когда нибудь о соединеніи съ исскуственнымъ „Конгрессовымъ“ Королевствомъ Царствомъ-Польскимъ всей западной окраины Россіи.* Призракъ похороненной Рѣчи Посполитой какъ будто-бы воскресалъ ... Варшавѣ улыбалась участь быть третьею столицею, столицею, могущею поспорить

нетолько съ Петербургомъ, но и со святынями Москвы. Этотъ-то призракъ внушилъ Карамзину мысль ополчиться за цѣлость русскаго государства и писать: „Да не будутъ поляки закономъ утверждены въ достоинствѣ особеннаго державнаго народа!“ — иными словами: да не сдѣлаются *завоеванные* любимцами, занимающими привилегированное положеніе! — „Возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ кровью землю польскую и возьмутъ снова штурмомъ Прагу:“ — Сама конституція была, по теперешнимъ понятіямъ, уродливая, выстроенная по шаблону наполеоновскихъ, безъ корней, безъ устоевъ въ мѣстномъ самоуправленіи. Она открывала каждые два года далеко неудовлетворенному въ ожиданіяхъ народу готовую арену засѣданій сейма, въ которыхъ настоящаго дѣла дѣлалось мало, за то шли пререканія о правахъ народа и правахъ Монарха. Самъ народъ посягнулъ, наконецъ, на конституцію и разорвалъ хартію, взбунтовавшись въ Ноябрѣ 1830 г.

Тогда начался *второй* опытъ устроенія края *по системѣ Императора Николая.* За эту систему достаточно говорятъ ея результаты. По укрощеніи мятежа, при полномъ единодушіи въ образѣ дѣйствія по отношенію къ „безпокойной“ польской націи всѣхъ трехъ участниковъ священнаго союза, *Царство Польское продержано 30 лѣтъ на почти непрерывавшемся военномъ положеніи.* Когда новый Монархъ, Александръ II, полагая что страна уже умиротворена, ослабилъ нѣсколько суровость не самой системы, а ея приложенія на практикѣ, оказалось что подъ этимъ спокойствіемъ кроется цѣлый вулканъ, что стали бунтоваться не врознь, а цѣлыми массами, всѣ состоянія, всѣ классы, кромѣ одного, кромѣ крестьянства, забитаго, экономически порабощеннаго*). Вспомнимъ, какъ негодуетъ въ своихъ письмахъ и бумагахъ Н. А. Милютинъ, на бездарность и неумѣлость русской политики, ничего не устроившей, ни-

*) Да и то только потому, главнымъ образомъ, оставшагося спокойнымъ, что существенные интересы его шли совсѣмъ въ разрѣзъ съ цѣлями возставшихъ привилегированныхъ классовъ.

кого въ Царствѣ не привязавшей къ Россіи, сплотившей всѣхъ жителей лишь въ одно враждебное цѣлое, между тѣмъ, какъ еще при Петрѣ Великомъ и при Екатеринѣ II, не говоря уже объ Александрѣ I, Россія могла разсчитывать внутри польского общества на сочувствіе многочисленной партіи, возлагавшей всѣ надежды на россійскихъ Монарховъ и дѣйствовавшей съ ними за-одно въ своихъ собственныхъ, считаемыхъ ею польскими, интересахъ. Вмѣсто преданной партіи явился на выручку только одинъ человѣкъ, дерзнувшій быть иного, чѣмъ всѣ поляки мнѣнія и звавшій ихъ стать подъ знамя Россіи, повернувшись фронтомъ противъ западной Европы. Страсти оказались въ этотъ моментъ ихъ разгара сильнѣе разсудка: маркизъ Вѣлёпольскій палъ подъ бременемъ громаднѣйшей непопулярности! Только теперь его политика оцѣнивается поляками по достоинству и вспоминается съ сожалѣніемъ, но эти сожалѣнія являются запоздалыми. Программа маркиза разорвана и унесена событіями туда-же, куда и хартія 1815 г. Лицамъ, явившимся устраивать Царство Польское послѣ мятежа 1863 г. Вѣлёпольскій и его система казались опаснѣе и ненавистнѣе всѣхъ мятежниковъ вмѣстѣ взятыхъ. Новая точка опоры ощупана правительствомъ — то былъ крестьянинъ; но, къ несчастію, явилась примѣсь. На *аграрномъ* вопросѣ и на принудительномъ *обрусѣніи* всего края съ его почти семимилліоннымъ — на этотъ разъ ужъ сплошь нерусскимъ населеніемъ — т. е., на двухъ неоднородныхъ стремленіяхъ: съ одной стороны — *улучшить положеніе польскихъ крестьянъ въ духѣ крестьянской реформы,* съ другой — *подавить* не то, что однѣ сепаратистическія тенденціи, но *всякую и неполитическую національную самобытность* — построенъ былъ *третій* опытъ устроенія и управленія краемъ. Въ 18 лѣтъ всякая система способна дать не только ростки, но и плоды и сѣмена. Спрашивается, какіе плоды она дала и какіе ожидаются?

Крестьянскій вопросъ съигралъ свою службу. Посредствомъ него подъ аристократическое общество подложенъ

широкій, плебейскій фундаментъ. Тѣмъ хуже для власти на будущее время. Никакія усилія бюрократіи и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ не могутъ помѣшать тому, чтобы освобожденный мужикъ по всѣмъ текущимъ своимъ дѣламъ и нуждамъ, не обращался къ бывшему своему помѣщику, чтобы онъ его не выбиралъ въ гминные войты или судьи. Рознь разрѣшилась отведеніемъ крестьянину надѣла, а національное чувство у крестьянина и у помѣщика одно и тоже. Оно станетъ еще сильнѣе въ крестьянинѣ по мѣрѣ того какъ онъ сдѣлается зажиточнѣе и развитѣе. Въ политикѣ самый плохой расчетъ на благодарность; въ царствѣ польскомъ нельзя всю систему управленія основывать на вѣчной поддатливости крестьянства.

А *обрусѣніе!* . . . Спросимте: кто по совѣсти вѣритъ ему, хотя бы просто какъ „средству“? Русскому языку поляки въ теперешнемъ своемъ положеніи учились бы прилежно, еще прилежнѣе можетъ быть, если бы не было ненавистной принуки, а своего собственнаго они и за сто лѣтъ не покинутъ, потому что своимъ языкомъ говорить всякому легче, нежели коверкать чужой. — *Принужденіе по части языка вноситъ политику въ школу и судъ, отравляя источники образованія и правосудія. Закрытіе для мѣстнаго населенія всѣхъ поприщъ общественной дѣятельности, даже самоуправленія въ городѣ или земствѣ, даже участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ уѣзда или губерніи, приниженіе поляковъ по отношенію къ русскимъ, оттѣсненіе ихъ на задній планъ, на послѣднія мѣста въ службѣ государственной, отсутствіе всякихъ органовъ, посредствомъ которыхъ жители Царства могли бы пользоваться неотъемлемымъ въ самодержавныхъ монархіяхъ правомъ подданныхъ выражать на законномъ основаніи свои вѣрноподданническія чувства и доводить о своихъ нуждахъ и потребностяхъ до Верховной Власти, — всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ положеніе поляковъ въ Царствѣ Польскомъ столь тяжелымъ, что можно порою удивляться, какъ,* при извѣстномъ порывистомъ сангвиническомъ темпера-

ментѣ этого населенія, *не проявляются въ немъ желанія достаться подъ нѣмецкое владычество, получить несомнѣнно лучшую школу, бо́льшую долю личной свободы и удобствъ, право имѣть своихъ представителей въ парламентахъ нѣмецкомъ и прусскомъ, право голоса, а слѣдовательно и жалобы на претерпѣваемыя стѣсненія.* Должно быть существуетъ еще сильное чувство славянскаго единства въ сердцахъ и должно быть еще не совсѣмъ погасла надежда на установленіе болѣе сносныхъ отношеній въ будущемъ съ единоплеменниками русскими, нежели съ нѣмцами, коль скоро поляковъ волнуетъ и тревожитъ гроза германскаго нашествія на Россію.

Вотъ какіе плоды за 18 лѣтъ дала третья система!

Перейдемъ теперь къ вопросу, какой крайній minimum настоятельнѣйшихъ реформъ необходимъ, чтобы хоть немного облегчить ставшее, благодаря системѣ „обрусѣнія“, совсѣмъ ужъ невыносимымъ положеніе поляковъ и улучшить отношеніе обоихъ народовъ другъ къ другу.

Позволимъ себѣ однако сперва еще нѣсколько словъ по поводу онѣмеченія Польши и вообще славяно-германскаго вопроса, поскольку онъ имѣетъ спеціальное отношеніе къ нашему польскому.

Онѣмеченіе Царства Польскаго не есть мечта воображенія, оно уже теперь совершается при русскомъ владычествѣ: заселяются нѣмцами цѣлые города, большія имѣнія покупаются ими, въ ихъ руки перешли посредствомъ перепродажъ почти всѣ розданныя правительствомъ въ послѣднее время послѣ 1863 г. казенныя имѣнія и лѣса. — Защищаясь всѣми силами отъ обрусѣнія, поляки въ то-же время всѣми силами стремятся справиться съ другимъ врагомъ: германизаціею, съ которымъ они боролись довольно успѣшно въ средніе вѣка.

Съ тѣхъ поръ, какъ, послѣ 1870 г., вмѣсто Парижа сдѣлался главнымъ рѣшающимъ пунктомъ судебъ Европы Берлинъ, состязаніе славянскаго элемента подъ знаменемъ Россіи и германскаго подъ предводительствомъ Пруссіи является неизбѣж-

ною, роковою необходимостью. Начало столкновенія есть только вопросъ времени; благоразуміе и патріотизмъ велятъ серьезно готовиться къ печальному моменту. Вмѣсто того, чтобы продолжать прочищать — какъ то дѣлалось и дѣлается съ 1830 г. — русскими руками дорожку для нѣмцевъ на востокъ, не слѣдовали-ли бы, напротивъ того, укрѣпить ту полуразрушенную плотину, которую всегда представляла собою польская нація по отношенію къ напору нѣмецкихъ волнъ на славянство?! Есть-ли нынѣ возможность починить плотину? Иными словами, можно-ли еще нынѣ такимъ образомъ устроить отношенія русскихъ къ полякамъ, чобы найти въ полякахъ крѣпкихъ союзниковъ и стражей, преданныхъ общеславянскому дѣлу душою и тѣломъ и защищающихъ это дѣло въ самомъ опасномъ и отвѣтственномъ пунктѣ, на аванпостахъ? — Таковъ одинъ изъ животрепещущихъ вопросовъ текущей минуты.

А теперь обратимся къ основному.

Главный камень преткновенія при всѣхъ сужденіяхъ по русско-польскому вопросу, заключается не въ сути дѣла, а только въ личныхъ свойствахъ разсуждающихъ, въ ихъ привычкахъ думать только *по старинѣ*, въ ихъ неумѣніи сообразить настоящее положеніе вещей въ сравненіи съ прежнимъ, отрѣшиться отъ прежнихъ счетовъ и окаменѣлостей рутины. Вмѣсто того, чтобы ставить вопросъ прямо, его обходятъ, затягиваютъ, потомъ его не хотятъ видѣть и забываютъ, пока въ самый неподходящій моментъ, непріятнѣйшимъ образомъ не откроется незажившая, а только пластыремъ прикрытая рана, изъ которой сочатся гной и кровь. Тогда-то и дѣлаются позднія и даже значительныя уступки, но уже несвоевременно, потому что наболѣвшія неудовольствіе и страданіе перешли уже въ движеніе, конфликтъ уже обострился и перешелъ въ воспаленіе. Десятая доля льготъ пожалованныхъ чрезъ Вѣлёпольскаго достаточна была-бы въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, если не на удовлетвореніе всѣхъ поляковъ (всѣхъ удовлетворить ни въ одномъ обществѣ нельзя,

да и думать объ этомъ напрасно), то на созданіе крѣпкой, невраждебной русскимъ партіи въ обществѣ польскомъ, на которую можно бы смѣло опереться, какъ на приверженцевъ и союзниковъ. — *Точно также и нынѣ: перемѣнить систему мѣръ, завѣдомо недостигающихъ цѣли, полезно и удобно, во 1ыхъ, на общихъ государственныхъ соображеніяхъ — блага народнаго ради, во 2ыхъ, въ виду вѣроятности столкновенія въ будущемъ съ Германіей, — и съ этой перемѣной системы слѣдуетъ именно спѣшить, не оттягивать ее докрайняго срока, когда, съ одной стороны, народъ будетъ въ концѣ озлобленъ, а съ другой, нѣмецкая армія будетъ стоять ужъ у самой границы.* Не скрою, что уже нынѣ, въ особенности послѣ впечатлѣнія произведеннаго рѣчами генерала Скобелева, согласованіе польскаго элемента съ русскимъ посредствомъ между-національной мировой сдѣлалось нѣсколько труднѣе, чѣмъ два-три года тому назадъ, въ особенности послѣ санъ-стефанскаго трактата или берлинскаго мира 1878 г., когда поляки ждали, но недождались ободряющаго ихъ слова съ высоты Престола за кровь пролитую вмѣстѣ съ русскою на поляхъ битвъ. — Но отмѣчая эту разницу въ настроеніи, утверждаю, что она, къ счастію, еще незначительна, что правительство имѣетъ все еще полную свободу дѣйствій, что къ нему отнесли бы всю заслугу отъ перемѣны системы и отъ проявленія бо́льшей справедливости по отношенію къ польской національности.

По мѣрѣ того, какъ будетъ приближаться рѣшающій моментъ, то есть, по мѣрѣ того, какъ будутъ портиться отношенія Россіи къ Германіи, рѣшеніе польскаго вопроса будетъ становиться труднѣе для Россіи, потому что всякая льгота похожа будетъ на уступку лишь въ виду собственной бѣды, на заискиваніе: она можетъ не достигнуть цѣли по той-же причинѣ, по которой неудались реформы Вѣлёпольскаго. Если теперь уже ясна, съ одной стороны, вредность системы для государственно-народнаго блага, съ другой, — неизбѣжность помѣряться съ Германіей, то нынѣ и нужно дѣйствовать; — надо взвѣ-

сить, какъ поступить съ польскимъ элементомъ, чтобы онъ былъ счастливъ и нетолько не мѣшалъ бы, но помогъ въ будущей борьбѣ. Если бы можно было предположить, что онъ станетъ съ нѣмцами противъ Россіи, то надлежало-бы нынѣ же съ корнемъ вырвать безъ колебанія и пощады все, питающее его обиду, его чувство вражды противъ Россіи: еще есть возможность снискать его для Россіи; нынѣ же надлежитъ искренней гуманностью крѣпко-на-крѣпко привязать его къ Россіи!

Противъ немедленнаго рѣшенія вопроса приводятся обыкновенно два мотива: одинъ основанный на вѣковѣчности вражды, или, какъ выразился Карамзинъ, — на томъ, что *„никогда поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками!“*; другой мотивъ основанъ на томъ, что поляки народъ подвижной и нетерпѣливый, котораго требованія ростутъ съ быстротою по мѣрѣ уступокъ и неудовлетворимы, потому что безпредѣльны.

Что касается до *перваго* изъ этихъ соображеній, то оно несостоятельно, потому что не бываетъ ненавистей безпричинныхъ, и что черты народнаго характера, даже считаемыя коренными, ежеминутно видоизмѣняются подъ вліяніемъ событій, въ особенности такихъ, которыя потрясаютъ все общество и пересоздаютъ какъ бы заново весь организмъ. Полякъ не могъ не считаться смертельнымъ врагомъ Россіи, пока онъ стремился къ возстановленію самобытнаго польскаго государства *въ предѣлахъ 1772 г.*, отчасти собственною силою, а больше при содѣйствіи западнаго латинства, наполеоновской Франціи (никогда и ни въ какомъ случаѣ не при помощи нѣмцевъ), либо при посредствѣ даже „демагогической“ всесвѣтной революціи, которая бы ниспровергла всѣ престолы. Такой полякъ мечталъ, ему снились сны на яву, и онъ долженъ былъ казаться *„кичливымъ Ляхомъ“* въ глазахъ *„вѣрнаго Росса“*. Куда дѣвалась нынѣ эта гордыня? кто можетъ указать за всѣ пятнадцать послѣднихъ лѣтъ послѣ погрома на какіе нибудь прорывающіеся признаки старыхъ мечтаній. Мысль о самостоятельности старой олигархи-

ческой Польши похоронена, кажется, на всегда: она не проявляется ни въ чемъ, но благородное самознаніе и самообладаніе не понизились, а возросли. — Желанія скромны, стремленія реальны. — Прежнее государство умерло, его не воскресить, не возсоздать. Не говоря ужъ о ненормальности и неживучести многихъ его основъ, ему просто не было бы мѣста промежъ двухъ колоссовъ — Россіи и Германіи. Въ Европѣ старая Польша забыта, она никому ни на что не нужна. Если-бы даже допустить, что послѣ большихъ побѣдъ надъ Россіею, при самыхъ дурныхъ для нея условіяхъ, врагамъ ея задумалось-бы создать какое либо „средостѣніе", какое нибудь искуственное чахлое созданіе дипломатіи подъ управленіемъ какого нибудь австрійскаго принца или монарха изъ саксонскаго дома, то и эта комбинація не оживитъ потухшія надежды; ктому-жъ опротивѣла полякамъ и роль протягивающихъ руку за помощью къ западу попрошаекъ, да и невыгодно имъ быть всегда страдательнымъ орудіемъ чужой своекорыстной политики, чьей бы то небыло, а тѣмъ болѣе нѣмецкой. — Полякамъ нынѣ болѣе всего выгодно стоять на сторонѣ Россіи, если только Россія рѣшится искренно и широко выступить на путь гуманности по отношенію къ нимъ и пока она сама не выдастъ Царства Польскаго нѣмцамъ и не отречется совсѣмъ отъ общеславянской идеи и политики.

На основаніи сказаннаго легко опровергнуть и *второе* возраженіе противъ соглашенія съ поляками, основанное на предполагаемой неумѣренности ихъ ожиданій и требованій. Каковы *нынѣ* эти требованія? Этого никто сказать не можетъ. *Поляки жалуются и не могутъ не жаловаться на свое тяжелое положеніе въ Россіи; жалобы понятны: вотъ 18 лѣтъ послѣ мятежа они пребываютъ внѣ общаго государственнаго и даже внѣ общаго гражданскаго закона;* что же касается до положительныхъ требованій, то они ихъ не заявляли ни въ предѣлахъ Россіи, ни даже въ печати заграницей. Прежде чѣмъ осудить *требованія* надобно сообразить, въ чемъ они могутъ со-

стоять. Они существенно зависятъ отъ *цѣлей* требующаго. Пока поляки мечтали о возстановленіи Польши въ ея древнихъ границахъ, понятно, что никакія соглашенія не были возможны, потому что ставился такой вопросъ: быть либо Россіи, либо Польшѣ? Отрекись Россія отъ Царства Польскаго — тогда бы продолжались притязанія на западную окраину самой Россіи до Двины и Днѣпра. Но съ изчезновеніемъ вѣры въ осуществленіе прежней политической самостоятельности измѣнились и цѣли стремленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя претензіи. — Давно прошли времена, когда поляки считали себя въ Карамзиновскомъ „достоинствѣ державнаго народа“. Имъ не снится хартія 1815 г., и конституціонныя идеи ея если производятъ нынѣ броженіе въ умахъ, то только никакъ не между здравомыслящими поляками. Они не стоятъ уже теперь ни за программу, ни за учрежденія Вѣлёпольскаго, хотя въ Высочайшемъ рескриптѣ изъ Ливадіи 31го Октября 1863 г. выражена покойнымъ Императоромъ мысль о возвращеніи къ этимъ учрежденіямъ. — Слѣдуетъ замѣтить мимоходомъ, что чѣмъ больше будетъ длиться исключительное и неустроенное положеніе края, тѣмъ сильнѣе могутъ проявиться въ будущемъ сепаратистическія и узкоавтономическія стремленія въ краѣ, который столько уже лѣтъ содержимъ былъ въ опалѣ и котораго не скрѣпили вовремя съ имперіею посредствомъ земскихъ и другихъ учрежденій.

Настоящія желанія поляковъ весьма опредѣленны и категоричны; они не утаиваются, но не допускаютъ и сокращеній, будучи и безъ того minimum'омъ, и сводятся всего къ двумъ только пунктамъ:

1) *Забвеніе прошлаго, отказъ отъ репрессалій за мятежъ, допущеніе поляковъ до равноправности съ другими національми, подвластными Россіи. Полякъ, будь онъ уроженецъ Царства Польскаго или Западной Окраины долженъ считаться такимъ же точно русскимъ гражданиномъ, какъ остзеецъ, финляндецъ или закавказскій житель. —*

2) *Желаніе, чтобы по переводѣ поляковъ изъ опальныхъ*

въ вѣрноподданные и при постоянномъ исполненіи ими по отношенію къ своему государству — Россіи, не только внѣшнимъ образомъ, но и по совѣсти, правила о воздаяніи Кесарева Кесареви, *ихъ не насиловали въ той области ихъ жизни и дѣятельности, въ которую непринято вообще, чтобы вторгалось государство, въ которую и Русское государство не вторгается по отношенію къ другимъ народностямъ, не считаемымъ опальными — въ область ихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ,* отъ неприкосновенности которой не можетъ отказаться даже и политически-развѣнчанный народъ, не переставая быть народомъ, потому что отказъ былъ бы равносиленъ національному самоубійству. Эти умственные и нравственные интересы суть: *вѣра, нравы, языкъ, литература и искусство. — Поляки не могутъ не сопротивляться мысли* (не оставленной еще окончательно) *о введеніи русскаго языка въ богослуженіе* по римско-католическому обряду, что заставило бы ихъ употреблять языкъ чужой вмѣсто роднаго въ самыя торжественныя минуты жизни, при общеніи съ Богомъ въ молитвахъ. *Не могутъ они относиться равнодушно къ тому, что въ* Царствѣ Польскомъ, гдѣ *все* народонаселеніе польское, *судъ и расправа,* со введеніемъ судебной реформы въ 1876 году, *совершаются,* при посредствѣ переводчиковъ, *на русскомъ, а не на польскомъ языкѣ, пришельцами, которые большею частью хвастаютъ даже тѣмъ, что не знаютъ ни мѣстнаго языка, ни нравовъ. — Не могутъ* поляки *помириться и съ тѣмъ, что,* начиная съ начальнаго училища вплоть до университета, *польскій языкъ въ пренебреженіи и загонѣ, что онъ вытѣсненъ изъ преподаванія, что это преподаваніе тенденціозно и явно враждебно тому, что народъ считаетъ умственнымъ своимъ достояніемъ и святынею. Для нихъ глубоко оскорбительно то, что полякъ терпимъ на государственной службѣ только до поры до времени, и притомъ только на низкихъ должностяхъ,* безъ надеждъ на повышеніе, что при одинаковыхъ условіяхъ всегда дается предпочтеніе русскому человѣку предъ полякомъ, *что земство и го-*

родское положеніе не вводятся потому только, что по мѣстнымъ условіямъ, ихъ нельзя ввести въ царство не на польскомъ языкѣ, что обрусѣніе края принудительное и насильственное, стоитъ до-нынѣ на первомъ планѣ въ правительственной программѣ. **Полный объемъ наиболѣе смѣлыхъ желаній по теперешнему времени могъ бы быть опредѣленъ слѣдующими чертами: отмѣненіе стѣснительныхъ исключительныхъ мѣръ по отношенію къ полякамъ по всей имперіи, допущеніе въ Царствѣ Польскомъ польскаго языка на-равнѣ съ русскимъ — на одинаковыхъ правахъ въ школѣ и въ судѣ при судоговореніи, введеніе учрежденія присяжныхъ засѣдателей по уголовнымъ дѣламъ, уравненіе поляковъ, служащихъ на государственной службѣ съ русскими, введеніе земскихъ учрежденій и городскаго самоуправленія, разрѣшеніе органамъ сельскаго, общиннаго, городскаго и земскаго самоуправленія совѣщаться и вести письмоводство на польскомъ языкѣ.** При этихъ условіяхъ сразу было бы привлечено къ правительству если не все общество, то громадное большинство поляковъ. — **Всѣ эти положенія вытекаютъ логически изъ одного принципа: равноправности всѣхъ племенъ подвластныхъ Русской державѣ и могутъ быть подкрѣплены ссылкою на примѣры въ прошедшемъ и въ настоящемъ.** Самъ принципъ обыкновенно даже и не оспаривается, но осуществленіе его только отлагается въ безконечность. Между тѣмъ это осуществленіе его было-бы *мѣрой чистой справедливости. Оно бы доказало наглядно, что Россія есть настоящій представитель общеславянской идеи, что она умѣетъ быть и гуманной и справедливой, оно бы опровергло укоренившееся между нѣмцами мнѣніе, что Россія никогда не перестанетъ преслѣдовать самую крупную послѣ русской славянскую народность,* ослабляя тѣмъ себя безъ нужды и увеличивая шансы нѣмцевъ въ борьбѣ

Отъ редактора-издателя.

(По поводу раздѣленія книги на два выпуска; приглашеніе къ присылкѣ возраженій на различные отдѣлы книги издателю для печати; касательно помѣщенія „нѣсколькихъ возраженій“ въ этой же книгѣ.)

Хотя въ предисловіи къ этой нашей книгѣ мы предпослали: что помѣстимъ въ ней же и описаніе Алтая, но раньше не предвидѣнныя нами обстоятельства заставляютъ насъ издать это описаніе отдѣльнымъ выпускомъ.

Не утруждая читателя приведеніемъ здѣсь второстепенныхъ причинъ, насъ къ тому побуждающихъ, укажемъ только на главную.

Вопросы, въ этой книгѣ нами затронутые, имѣютъ интересъ столь современный и для людей любящихъ Россію такъ животрепещущи, что еще во время печатанія книги накопилось у насъ не мало (сдѣланныхъ на разосланные отдѣльные листы) замѣчаній, касающихся разныхъ высказанныхъ въ книгѣ положеній и взглядовъ; замѣчанія эти большею частью сопровождались и просьбами напечатать ихъ.

Признавая исполненіе такого желанія нашихъ оппонентовъ и критиковъ (отчасти вызваннаго нами самими помѣщеніемъ въ книгѣ полемики, происходившей — по одному изъ отдѣловъ ея — еще до приступа къ печатанію книги) для самой книги полезнымъ, но, въ то же время не думая оста-

влять и съ нашей стороны этихъ замѣчаній безъ возраженій, мы, еслибъ остались при прежнемъ намѣреніи — помѣстить въ этой же книгѣ и Алтай, отдалили бы на слишкомъ долгое и совершенно неопредѣленное время изданіе самой книги и потому положили:

1ое) книгу эту теперь же закончить — какъ она есть — послѣдне-помѣщенною въ ней статьею „По нольскому вопросу“;

2ое) описаніе Алтая издать особою книгою подъ загланіемъ просто „Алтай и царствовавшіе на Алтаѣ порядки“;

3ее) всѣ пренія по поводу этой книги, т. е., сего перваго сборника статей, названнаго нами „Сѣверныя сіянія“, издавать — по мѣрѣ накопленія и разработки ихъ — особыми самостоятельными выпусками, или присоединять таковыя къ самимъ книгамъ (всё это, буде таковыя книги еще появляться будутъ) въ видѣ „приложеній“.

Касательно 3го пункта должны мы прибавить слѣдующее. — Мы намѣрены по части помѣщенія возраженій и замѣчаній держаться возможно широкой для насъ вѣротертимости — а потому будемъ помѣщать нетолько пополненія, замѣчанія, возраженія и критику людей одного съ нами или мало-разнящагося образа мыслей, но и расходящихся съ нами до извѣстныхъ предѣловъ. Конечно, мы не можемъ связать себя словомъ помѣщать всякую изъ присланныхъ намъ статей, но мы беремъ на себя обязательство: всякую серьезную статью того или иного направленія, по тѣмъ или инымъ причинамъ, однакоже никакъ не подходящую для нашего изданія, возвращать автору и объяснять причину, по которой статья не можетъ быть помѣщена вся или отдѣльныя части ея. — Во всякомъ же случаѣ мѣриломъ той степени безпристрастія, которую мы намѣрены примѣнять, могутъ отчасти служить помѣщенныя за симъ (въ видѣ особаго, самостоятельнаго приложенія къ книгѣ) 3 возраженія.

Затѣмъ, просимъ настоящихъ и будущихъ нашихъ со-

трудниковъ или оппонентовъ адрессовать намъ свои труды или замѣчанія на наши книги въ г. Лейпцигъ, на имя типографіи Г. г. Бера и Германна, — оговаривая и подчеркивая на пакетахъ: „по поводу книги *Сѣверныя сіянія*“, или по нѣмецки: „betreffend das Buch *die Nord-Lichte*“.

(Просимъ на всякій случай заявлять: допускается ли авторомъ частичное помѣщеніе его статьи.)

Мы присоединили уже и къ этой книгѣ одинъ изъ такихъ выпусковъ, какіе проектируются подъ рубрикою Зеи. Онъ состоитъ изъ трехъ замѣтокъ возраженій. — Причины, побудившія насъ избрать изъ числа всѣхъ, имѣющихся у насъ, эти три, показаны спеціально при каждой изъ замѣтокъ. — Обращаемъ, въ заключеніе, еще разъ вниманіе на то, что возраженія или замѣтки, помѣщенныя здѣсь *не въ составѣ самой книги*, а въ формѣ „приложенія“, — должны быть и разсматриваемы, *не какъ составная* ея *часть*, а какъ *нѣчто совершенно отъ нее отдѣльное* — лишь ради удобства читателя присоединенное къ самой книгѣ.

НѢСКОЛЬКО ВОЗРАЖЕНІЙ НА ОТДѢЛЬНЫЯ МѢСТА КНИГИ.

Замѣтка по поводу программы „третьихъ“ (*соціалистовъ*) на стран. 18ой.*)

Нѣсколько строкъ на стран. 18ой обязываютъ меня къ нижеслѣдующей замѣткѣ.

„Соціалисты („третьи“ 18ой страницы) всѣхъ оттѣнковъ считаютъ однимъ изъ особенно несправедливыхъ поступковъ по отношенію къ истинѣ и къ нимъ, что, передавая ихъ программы, не всегда держатся строгой правды, *абсолютно-обязательной при передачѣ чьего бы то ни было чужаго мнѣнія*, съ какою бы цѣлью ни цитировалось данное мнѣніе.

На стр. 18ой приводится программа „**третьихъ**“, сирѣчь соціалистовъ, и въ ней наряду съ цѣлью: уничтожить *всякую власть* — поставлена и другая будто бы цѣль этой партіи: уничтожить *всякій порядокъ*. Между тѣмъ фактически-вѣрно лишь, что первая цѣль входитъ въ программы опредѣленнаго числа оттѣнковъ соціалистическаго направленія. Послѣдняя же не желается ни единымъ: соціалисты желаютъ уничтожить только нынѣшніе, существующіе порядки — и именно только тѣ изъ нихъ, которые, по ихъ мнѣнію, вредны; ни одинъ не желаетъ уничтожить всякій порядокъ вообще.

---

*) Авторъ этой замѣтки — лицо, очевидно, противнаго нашему лагеря, — заявилъ желаніе, чтобы полученное нами отъ него заявленіе было помѣщено непремѣнно въ настоящей же книгѣ. Не имѣя ничего противъ этого желанія мы и исполняемъ его, предоставляя самому автору той статьи, которой касается заявленіе, возражать оппоненту. *Издатель.*

Такимъ образомъ это мѣсто на стр. 18[оп] не можетъ избѣжать вышеприведеннаго упрека.

Затѣмъ, *одновременно*, строки двѣ далѣе, сообщается, что „третьи"-же ждутъ „выработки новыхъ формъ гражданскаго бытія", чѣмъ — можно бы предположить — отрицается очевидно даже самая обыденная доза логики у этихъ „третьихъ": ибо одновременно стремиться уничтожить *всякій* порядокъ и ждать „выработки новыхъ формъ гражданскаго бытія" — абсолютный non-sens, разъ чудеса не признаются... Изъ „ничего" ничего и создать нельзя даже „самой силѣ вещей!"...

Такъ какъ, однакоже, этотъ логическій non-sens указывается пишущимъ сіе возраженіе, самимъ же авторомъ, судя по всему, вовсе не замѣченъ, нигдѣ имъ не указанъ, не смотря на прямую, т. ск., обязательность указать на него, разъ его сознаешь, — то несомнѣнно, что это второе сообщеніе никакъ нельзя приписать стремленію доказать именно еще и нелогичность даннаго пункта программы, а слѣдуетъ просто отнести лишь къ той же области, что и первая разобранная невѣрность.

Соціалисты любаго оттѣнка не могутъ считать несправедливостью по отношенію къ нимъ, если люди того или иного убѣжденія, противнаго ихнему, относятся критически къ ихъ программамъ и, будучи честно убѣждены въ вѣрности *своихъ* взглядовъ, считаютъ взгляды соціалистовъ вредными, ошибочными: всякій человѣкъ имѣетъ право смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія своихъ убѣжденій. Но несправедливость безспорная — невѣрно передавать чужую программу (въ данномъ же случаѣ, ее лишили — хотя не сознательно — даже и присущаго ей логическаго смысла!)

Принципъ абсолютной справедливости конечно обязываетъ принять à priori, что подобное извращеніе можетъ быть учинено и по незнанію, невольно; но, съ другой стороны, обязательно: или *знать* чужое мнѣніе, если его передаешь, или *зая-*

вить, что за вѣрность не ручаешься. Вотъ почему — стремясь быть оппонентомъ, относящимся къ своему противнику до nec plus ultra рыцарственно; желая, слѣдовательно, не только побѣдить, но насколько возможно и гарантировать противнику отступленіе со знаменами — и предложи я самъ автору разбираемой мною статьи такой вопросъ:

„Или можетъ быть Вы убѣждены, что *„власть“* и *„порядокъ“* два абсолютно-тождественные . . . мало того: два неразъединимые, обусловливающіе другъ друга фактора, — а потому-де, по-Вашему, *всякая власть* и *всякій порядокъ* однозначущи . . . и Вы, выходитъ, только для силы выраженія повторили одно и то же два раза?! Можетъ быть такъ?! Положимъ, изъ цитированныхъ строкъ Вашихъ этого непремѣнно вывесть нельзя, но можетъ быть Вы такъ въ мысляхъ полагали?! Положимъ, если Вы сами такъ убѣждены, то это еще не значитъ, что всѣ такъ убѣждены, но можетъ быть Вы полагали, что всѣ такого же мнѣнія?!“ —

Укажи, говорю, я самъ такой выходъ автору, — я долженъ бы былъ въ слѣдующую же секунду убѣдиться, что все-таки и это не выходъ; я вынужденъ бы былъ прибавить:

„Но и въ этомъ даже случаѣ . . . больше того: даже если-бы Ваше убѣжденіе, что *„власть“* и *„порядокъ“* тождественны, было *доказанная истина или даже аксіома* — если-бы! —, то и тогда, при передачѣ направленія, программы — *буде Вы ихъ знали вѣрно* — Вашъ долгъ былъ бы прибавить фактъ, что данные люди, которыхъ программу Вы сообщаете, пусть — ошибочно, заблуждаясь, но во всякомъ случаѣ убѣждены въ обратномъ, именно: что *„власть“* не есть нѣчто идентичное съ *„порядкомъ“* и наоборотъ; *буде же Вы направленія, программы сихъ людей вѣрно не знали* — такъ и заявить объ этомъ, какъ выше указано“. Подумайте же: что сказать, когда надѣлѣ выходитъ, что тезисъ-то: *„власть = порядку“* совсѣмъ не аксіома и не доказанная истина, а, обратно, вѣрно: что это — двѣ вещи, каждая сама по себѣ . . . (въ пользу чего,

между прочимъ, говоритъ и значительный % сообщаемаго Вами въ Вашей же статьѣ)?!..“

Значитъ и такая защита не подходитъ — и остается лишь прежнее: незнаніе, невольность...!

Я и заключу свою замѣтку слѣдующимъ.

Какъ бы то ни было, но даже невольно причиненную несправедливость обязательно исправлять: разъ на нее указано, — она перестала быть „невольной“...

Также протестую я противъ выраженія (стр. 20ая, 7ая строка сверху)! „*бѣшеный*“ и полагаю, что умѣстнѣе было бы вовсе не прибѣгать къ такимъ оборотамъ рѣчи, какъ: „бѣшеный водоворотъ человѣческаго мозга“; въ *самомъ же крайнемъ случаѣ* оставалось опредѣлить водоворотъ, maximum, „*роковымъ*“, но никакъ не „*бѣшенымъ*“.

По поводу одного мѣста (стр. 132—133) въ статьѣ „По вопросу польскому“.*)

Высказать критическій отзывъ касательно всей статьи „По вопросу польскому“ предоставляю иному перу, находящемуся въ болѣе для сего благопріятныхъ условіяхъ.

По поводу же одного мѣста на стр. 132—133 считаю своимъ долгомъ немедленно заявить по крайней мѣрѣ нижеслѣдующее.

Я выписываю для выгоды читателя это мѣсто цѣликомъ:

„Крестьянскій вопросъ съигралъ свою службу. Посредствомъ него подъ аристократическое общество подложенъ широкій, плебейскій фундаментъ. *Тѣмъ хуже для власти на будущее время.* Никакія усилія бюрократіи и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ не могутъ помѣшать тому, чтобы освобожденный мужикъ по всѣмъ текущимъ своимъ дѣламъ и нуждамъ обращался къ бывшему своему помѣщику, чтобы онъ его выбиралъ въ гминные войты или судьи. *Рознь разрѣшилась отведеніемъ крестьянину надѣла,* а національное чувство у крестьянина и у помѣщика одно и то же. Оно станетъ еще сильнѣе въ крестьянинѣ по мѣрѣ того, какъ онъ сдѣлается зажиточнѣе

*) Въ виду интереса нѣкоторыхъ мѣстъ этой статьи и невозможности передать ее ни въ извлеченіи, ни частично — мы помѣщаемъ ее цѣликомъ. Ждемъ что авторъ нашей статьи „По вопросу польскому“ самъ отвѣтитъ на нее.

Издатель.

и развитѣе. *Въ политикѣ самый плохой разсчетъ на благодарность;* въ Царствѣ Польскомъ нельзя всю систему управленія основывать на вѣчной поддатливости крестьянства".

Отпечатанныя курсивомъ слова, какъ можно убѣдиться, сличивъ съ подлинникомъ, подчеркнуты мною. Я сдѣлалъ это именно ради удобства читателя: эти мѣста и составляютъ главную цѣль моего возраженія.

Итакъ авторъ полагаетъ, что *„тѣмъ хуже для власти на будущее время"*, что *„крестьянскій вопросъ сыгралъ свою службу. Посредствомъ него подъ аристократическое общество подложенъ широкій плебейскій фундаментъ."?!!*

Разсмотримъ же подробнѣе, какую, *фактически*, службу сыгралъ крестьянскій вопросъ въ Польшѣ.

1°) Какъ полагаю я — примѣненіемъ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ достигнуто было во всякомъ случаѣ, какъ и въ Россіи, то: что *масса населенія избавлена была по крайнѣй мѣрѣ отъ позорнаго рабскаго или полу-рабскаго состоянія, возвращено было человѣку хотъ его человѣческое достоинство въ томъ смыслѣ, что отнынѣ онъ не былъ болѣе продажнымъ скотомъ.* Если реформа и не принесла всѣхъ тѣхъ результатовъ, какихъ ждалъ отъ нея кругъ людей, проникнутый чувствомъ искренней любви къ ближнему и сознаніемъ равенства человѣка, — то все-таки всякій Полякъ долженъ признать, что Польша не была *въ этомъ смыслѣ* спеціально обижена: совершенно то-же — повсюду въ Россіи, даже — хуже. Причинъ, почему крестьянская реформа вышла менѣе плодотворной, чѣмъ того ожидали, я тутъ разбирать не стану: это не у мѣста здѣсь, и можетъ быть найдутся другіе, которые займутся этимъ разборомъ. — Повторяю: извѣстный minimum плодотворныхъ результатовъ былъ все-таки принесенъ Нельзя, слѣдовательно, не признать, что распространеніе кресть-

янской реформы и на Царство Польское было одной изъ мѣръ, за которыя даже „завоевателю“ остаются признательны „завоеванные“ — покр. м. сама-то масса народная и искренно преданный народу и справедливо чувствующій слой имущественныхъ и интеллигентныхъ классовъ.

Спрашивается: какимъ образомъ къ *такому* результату реформы можетъ относиться выраженіе: *„тѣмъ хуже для власти на будущее время“?!!* Вѣдь ясно до очевидности, что именно одно только выраженіе: *„тѣмъ лучше* для власти“ — и подходитъ тутъ!!

2⁰) Какъ отчасти полагаю и я вмѣстѣ съ авторомъ — посредствомъ нея „подложенъ подъ аристократическое общество широкій плебейскій фундаментъ“; *подложить-же подъ разъ существующій въ данномъ краю, сложившійся подъ вліяніемъ историческихъ условій, аристократическій или вообще привиллегированный слой „широкій плебейскій фундаментъ“ — значитъ: сдѣлать шагъ къ тому, чтобы было гарантировано болѣе справедливое равновѣсіе, чтобы могъ нѣсколько свободнѣе дышать подавленный слой — плебеи.*

Спрашивается опять таки: какимъ образомъ можетъ относиться *и къ этому* результату крестьянской реформы выраженіе: *„тѣмъ хуже для власти* и т. д....“?!! *„Тѣмъ лучше* для разумной власти!“ — вотъ слово вѣрное!!

3⁰) Какъ полагаю я — *прежняя* рознь между классами въ Польшѣ благодаря реформѣ, все-таки нѣсколько *уменьшилась*; послѣ нея народу, плебеямъ, осталось отвоевывать однимъ меньше у привиллегированнаго класса; „ненависти безпричинной не бываетъ — къ счастію и чести человѣчества, прибавлю я, — и, значитъ, естественно, что: стало у Поляковъ однимъ яблокомъ раздора меньше — слабѣе и становится рознь. Станетъ она вновь или стала сильнѣе, — значитъ: взамѣнъ *одной* убывшей старой явятся или явились *новыя* причины раздора. Если мнѣ скажутъ, что все-таки прежняя *специфическая* ненависть — по старому счету крѣпостничества — у хлоповъ еще

осталась, еще живетъ, а, съ другой стороны, не совсѣмъ исчезла и крѣпостническая манера отношенія къ „нисшему“ классу у потомковъ номѣщичьихъ, — то замѣчу вообще, что я только и утверждалъ, что рознь уменьшилась, а не исчезла; а затѣмъ — въ частности, касательно хлоповъ: что, во первыхъ, ей сразу исчезнуть и нельзя: такія глубокія раны, какъ добытыя народомъ въ крѣпостной зависимости, не заживаютъ сразу . . .; во вторыхъ, если эта специфическая ненависть еще существуетъ, то главнымъ образомъ — у живыхъ еще свидѣтелей стараго и относительно живыхъ еще, бывшихъ активными, дѣятелей въ старомъ духѣ; если-же — и у дѣтей первыхъ и по отношенію къ дѣтямъ послѣднихъ, то опять таки у первыхъ —, именно какъ у еще непосредственно слѣдующаго за мучениками поколѣнія, и по отношенію къ послѣднимъ — какъ къ лицамъ, въ которыхъ, т. ск., еще чуется болѣе живо наслѣдство, духъ отцовъ. (Такое отношеніе, конечно, несправедливо въ томъ смыслѣ, что дѣти неповинны за отцовскіе грѣхи; но оно извинительно во всякомъ случаѣ и даже настолько справедливо, насколько нѣтъ абсолютной гарантіи, что дѣти уже теперь отрѣшились отъ всякаго неподходящаго отцовскаго наслѣдія.) Главное же: это — все-таки *лишь переходный фазисъ*, лишь отблески прошедшей надъ мѣстностью грозы, лишь симптомъ безспорно болѣе слабый, симптомъ исчезающаго страданія. Что-же касается уцѣлѣвшей все еще, немалой дозы негуманныхъ чувствъ у значительнаго процента привиллегированнаго класса по отношенію къ плебеямъ, то замѣчу: что и переходъ отъ барскаго къ не-барскому міросозерцанію, а слѣдовательно и соотвѣтственному отношенію къ людямъ, не можетъ совершиться немедленно, а требуетъ своего времени для процесса перерожденія. — In summa summarum: то специфическое чувство у хлопа, которое я здѣсь анализирую, уже по отношенію къ нынѣ подростающему поколѣнію, какъ не практикующему болѣе покр. м. господскихъ правъ надъ хлопомъ, — миролюбивѣе; а съ другой стороны

— и подростающее поколѣніе помѣщичьихъ дѣтей и внуковъ, въ общемъ итогѣ, питаетъ менѣе негуманныя чувства къ хлопу, чѣмъ, nolens-volens, питали его отцы и дѣды, вскормленные съ молокомъ матери на презрѣніи къ рабамъ своимъ, чуть не на сознаніи, что это-де расса нисшая. — Отъ обѣихъ сторонъ, въ особенности же отъ панычей, помѣщичьихъ дѣтей и т. п., да, конечно, отъ общественныхъ условій будетъ зависѣть: разовьется ли вновь пуще прежняго старая и новая рознь, или же — и слѣда старой не останется, а новой не народится! Крестьянская же реформа, *въ этомъ отношеніи*, несомнѣнно внесла свою лепту къ примиренію классовъ! — (Очевидно, авторъ долженъ согласиться со мною по этому 3°) пункту, ибо онъ, по дальнѣйшимъ словамъ его судя, смотритъ на результатъ крестьянской реформы *въ этомъ направленіи* даже во 100 разъ оптимистичнѣе моего: по его мнѣнію, „рознь“ совсѣмъ „разрѣшилась!“).

И вотъ спрашивается опять таки, какимъ образомъ и къ *этакому* результату можетъ относиться выраженіе: *„тѣмъ хуже для власти на будущее время?!!“*

Я поставилъ 3 вопроса. По-моему ни на одинъ изъ нихъ не найдти удовлетворяющаго справедливость отвѣта! Какъ же быть?! Остается, кажется, сказать одно: хотѣлось бы, конечно, вѣрить, что тутъ со стороны автора просто какая нибудь неясность, сбивчивость выраженія . . .

Однакоже стремленіе относиться къ чужому слову нетолько безпристрастно, но даже возможно-оптимистически, т. е. — искать самому возможныхъ разъясненій даже de facto неяснаго, и только въ крайнемъ ужъ случаѣ допустить ошибку въ мышленіи или т. п., заставляетъ меня углубиться еще разъ въ данныя строки автора — и, вотъ, мнѣ является выходъ, м. б. могущій въ своемъ родѣ спасти выраженіе автора. Именно: не желалъ ли онъ сказать этими словами, не „тѣмъ хуже для власти“, что добыты такіе-то и такіе-то *здоровые* резуль-

таты, но — „тѣмъ хуже для нея“, ибо она-то ожидала совсѣмъ иныхъ результатовъ, ибо мотивы и цѣли ея были иные. Такое объясненіе подтверждаютъ отчасти дальнѣйшія слова автора: „Никакія усилія бюрократіи etc . . .“ Значитъ, дѣло тутъ не въ *фактическихъ* результатахъ кресть. реформы, а *въ тогдашнихъ мотивахъ и цѣляхъ власти* и *въ успѣхѣ этихъ цѣлей.*

Разсмотримъ безпристрастно мотивы и цѣли, которые могли тутъ быть.

Я намѣренъ сдѣлать *всѣ возможныя предположенія*, не опредѣляя, какое именно изъ нихъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а предоставляя это рѣшенію самого читателя. Поступаю такъ потому, что иначе, утверждая, что именно тотъ-то мотивъ игралъ основную роль, я долженъ бы былъ, по долгу справедливости, привесть и всѣ доводы, факты etc. въ пользу того, что именно этотъ, а не иной игралъ роль, — а это удлинило бы несказанно мою замѣтку и потребовало бы еще невозможной для меня затраты времени и силъ. Я ограниваюсь, повторяю, лишь построеніемъ *всѣхъ возможныхъ предположеній:* поэтому то беру *и самое лучшее, и среднее, и самое худшее.*

Всему дальнѣйшему разсужденію моему должно быть предпослано слѣдующее: мотивовъ, цѣлей даннаго дѣйствія можетъ быть два рода: *непосредственные, ближайшіе* и, еще, *основные*, т. ск., *интимные.* Бываютъ случаи, когда ближайшая цѣль есть и единственная — тогда, значитъ, она же и основная. Бываютъ, когда ближайшая цѣль есть лишь средство для другой, основной цѣли или для дальнѣйшаго ряда все болѣе основныхъ цѣлей. Отсюда и выраженія въ родѣ: „дурное средство — для хорошей (или для дурной-же) цѣли“ или обратно, — выраженія, впрочемъ, изъ которыхъ какъ разъ половина, по нашему ужъ времени, страдаетъ неточностью. — Далѣе: средства и цѣли, могутъ быть, значитъ, „дурныя“ и „хорошія“.

Почему одни средства и цѣли дурны, а другія хороши — это зависитъ, конечно, отъ того критеріума хорошаго или дурнаго, которое примѣняется. Мѣрила эти и понынѣ весьма различны; однакожъ, мнѣ кажется, во всѣхъ есть то общее: что, сознательно или безсознательно, да ставится всѣми какъ главное — *благо людское;* вся бѣда лишь въ томъ, что благо-то это понимается розно ... для иного это даже — будущая жизнь. Останавливаться надъ анализомъ такихъ вопросовъ здѣсь, понятно, ни мѣсто, ни время; а потому замѣчу лишь мимоходомъ и обще: что, по-моему, смыслъ имѣетъ, конечно, лишь благо людей *на землѣ* ....

И вотъ, изъ всѣхъ возможныхъ *ближайшихъ, непосредственныхъ* цѣлей примѣненія въ Царствѣ Польскомъ крестьянской реформы, *какъ средства самого по себѣ во всякомъ случаѣ принципіально хорошаго,* могли быть только слѣдующія;

a) Цѣль: *улучшить положеніе угнетеннаго крестьянскаго класса* (глав. образомъ, т. ск., нравственное: освободить отъ рабства; матерьяльное — лишь отчасти).

b) Цѣль: *„подложить подъ аристократическое общество широкій плебейскій фундаментъ.*

c) Цѣль: *умиротворить хоть нѣсколько существующую рознь классовъ.*

Я понимаю такъ: преслѣдоваться *должны бы* были всѣ эти три цѣли вмѣстѣ, но фактически сознавали можетъ быть только двѣ изъ нихъ, или только одну — а остальныхъ могло и не быть. На это важно обратить вниманіе.

Какъ мы видѣли, каждая изъ этихъ цѣлей, если онѣ существовали, и была *до извѣстной степени* достигнута.

(Преслѣдуйся всѣ эти цѣли — вмѣстѣ или каждая въ отдѣльности —, какъ *окончательныя, основныя* или какъ ведущія къ инымъ *высшимъ* цѣлямъ, это значило бы: мало того — шагъ по пути къ устроенію на раціональныхъ основахъ даннаго края, шагъ *благой,* но и свидѣтельствовало бы о *про-*

зорливомъ стремленіи слѣдовать именно по этому пути, *о дальновидности* и *гуманности* правительства и *серьезной заботѣ его о благосостояніи края.* — Если же онѣ преслѣдовались даже и не ради самихъ себя, не какъ *окончательныя*, или служащія для иныхъ *высшихъ* основныхъ цѣлей — то, во всякомъ случаѣ, это былъ, хоть и невольный, да шагъ по сказанному пути, значитъ, minimum, *шагъ благой.* — Это между прочимъ.)

Передо мною теперь только эти цѣли. Ближайшія ли онѣ и основныя въ одно и тоже время, или были основныя другія — вопросъ въ данный моментъ не важный. Мы, такъ сказать, останавливаемся на этой первой станціи, на этомъ этапѣ — и дѣлаемъ обзоръ. Важно то, что всѣ эти цѣли — вмѣстѣ, или двѣ изъ нихъ, или одна изъ нихъ — только и могли быть *ближайшими* цѣлями. Важно, что всѣ онѣ были *до извѣстной степени* достигнуты.

Спрашивается, какимъ же образомъ можетъ относиться къ этимъ *цѣлямъ* власти (или къ этому фазису основныхъ цѣлей власти) выраженіе автора „тѣмъ хуже для власти etc. . .“ взятое уже въ новомъ смыслѣ, опредѣленномъ мною выше. Если это были ближайшія цѣли власти, если онѣ достигнуты хоть и всего до извѣстной степени, то значитъ: не „тѣмъ хуже для власти“, что она достигла частью того, чего хотѣла достигнуть на этомъ этапѣ. Или развѣ авторъ полагаетъ: *худо что только до „извѣстной“ степени достигнуто?!* Но тогда не сказано было-бы *„тѣмъ хуже“* . . .

Очевидно: этихъ, *ближайшихъ*, цѣлей не касается иронія автора!

Пойдемъ далѣе . . . Обратимся къ *основнымъ* цѣлямъ. Постановка вышеуказанныхъ ближайшихъ цѣлей — одной изъ трехъ, или двухъ, или всѣхъ трехъ — могла имѣть мотивомъ своимъ различныя *основныя, окончательныя* цѣли. Я разсмотрю безпристрастно и ихъ.

1) Желалось „улучшеніе положенія крестьянъ“, „плебейскій

фундаментъ“ и „умиротвореніе розни“ *лишь на абсолютно-безкорыстномъ основаніи, т. е., вытекало желаніе лишь изъ чувства справедливости и состраданія къ угнетенному классу, изъ желанія возможно-полнѣйшаго счастія данному народу и т. п.* — (Я допускаю и это предположеніе, какъ, повидимому, ни невозможно все это при существованіи положенія „завоевателя“ и „завоеваннаго“ и, м. пр., при фактѣ чуть не одновременнаго съ реформой введенія системы „обрусѣнія“; но я предполагаю, напр., что просто забыто было на минуту, при выдачѣ реформы — какъ въ минуту свѣтлую иногда забывается вражда — что это завоеванный народъ, которому, значитъ, для *полнаго* счастія желательно и возвращеніе политической независимости, и смотрѣлось-де просто, какъ на свой народъ; или, наприм. —, что желалось возможно полнѣйшее счастіе хоть въ одномъ, разбираемомъ тутъ, направленіи) — желалось это, *была лишь такая безкорыстная основная цѣль,* такъ, стало быть, и она была, насколько выше указано, достигнута.

Но какъ же вяжется тогда „тѣмъ хуже“: вѣдь и *основная* даже цѣль была бы достигнута . . .?!

2) Желалось „улучшеніе положенія крестьянъ“, „плебейскій фундаментъ“ и „умиротвореніе розни“ съ, т. ск., *корыстною, эгоистическою основною цѣлью,* именно: *не одного счастія этихъ людей ради, а ради болѣе легкаго укрѣпленія за собою взятаго края,* — но желалось оно на томъ высоко-благоразумномъ соображеніи, что: разъ поставлено conditio sine qua non — не отдавать края, и приняты мѣры въ этомъ спеціальномъ смыслѣ (значитъ, чисто-военныя мѣры), лучшее затѣмъ вспомогательное средство для осуществленія желанія — единственно: *сдѣлать край до nec plus ultra во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, помимо политической самостоятельности, счастливымъ**), и счи-

*) Конечно. строго говоря, это предположеніе также въ-конецъ подрывается тѣмъ фактомъ, что, вѣдь, примѣнена была въ Польшѣ въ то-же время система „обрусѣнія“. *Авторъ возраженія.*

талась крестян. реформа первымъ шагомъ по этому пути, — тогда логически слѣдуетъ, что и указанная эгоистическая цѣль была до извѣстныхъ размѣровъ достигнута (достигнута, благодаря именно прозорливому выбору той системы, которая изъ всѣхъ родовъ отношеній, „завоевателя“ къ „завоеванному“ обладаетъ наибольшей долей гуманности).

Итакъ: была такая цѣль — такъ она и была до извѣстной степени достигнута! Но какъ же тогда примѣнить сюда *„тѣмъ хуже* и т. д.“*?!!*

3) Желалось „улучшеніе крестьянскаго положенія“, „плебейскій фундаментъ“ и проч. съ *тою же эгоистическою цѣлью,* что и выше, но на далеко менѣе благоразумномъ соображеніи, именно: разъ взяли край, разъ рѣшено, conditio sine qua non, не отдавать его, разъ сила военная на это есть — лучшее-де затѣмъ: *жить покр. м. въ возможномъ полу-мирѣ,* т. е., той степени мира, которую можно достичь, давая не *все* остальное, помимо политическихъ правъ еще нужное для счастія, *а только кое-что* (такъ, напр., — дать крестьянскую реформу, а права польской рѣчи и т. п. не давать), желалось это — то нужно признать, что и на этомъ пути достигнута все-таки русскимъ правительствомъ извѣстная доля успѣха (конечно — единственно благодаря доброму зерну въ реформѣ) именно: большинство народа — хлопы — и гуманный процентъ остальной части польскаго народа былъ признателенъ русскому правительству хоть за то, что оно дало хлопамъ такое право, котораго отъ польскаго олигархическаго правительства имъ можетъ быть еще до́льше пришлось бы ждать . . .

Итакъ даже эта цѣль добилась извѣстнаго успѣха . . . Какъ же быть съ *„тѣмъ хуже* . . .“?!!

4) Однакоже могло быть и такое положеніе. Двѣ изъ указанныхъ трехъ *ближайшихъ* цѣлей, именно: „улучшеніе крестьянскаго быта“ и „плебейскій фундаментъ“, могли желаться еще: съ *тою-же,* что и выше, *эгоистическою основною цѣлью, но на абсолютно ужъ близорукомъ Макіавеліевскомъ соображеніи:*

„divide et impera!“ (дѣли и властвуй!) — причемъ: „impera!“ значило тутъ: не дать сплотиться національностическимъ стремленіямъ; а „divide“ могло быть исполнено двумя путями: худшимъ — усиливъ существующій раздоръ между классами по прочимъ вопросамъ такъ, чтобы они на національномъ не сошлись; или лучшимъ путемъ — привлекши къ себѣ хлопа (quasi-) великодушіемъ. (Понятно, что при такой *основной* цѣли, какъ предположенная тутъ, третья изъ *ближайшихъ* — „умиротворить рознь“ — была, какъ non-sens, немыслима даже и въ формѣ средства; этой третьей ближайшей цѣли, во взятомъ случаѣ, очевидно, и въ мысляхъ не было у власти!). Я продолжаю. Только для 2го пути нужно было хорошее само по себѣ средство — реформа была, значитъ, у мѣста: воспоминаніе, что не свои, не паны дали реформу, а „завоеватели“, дѣлило бы, де, классы, не дало бы, де, крестьянамъ идти объ-руку съ панами — таковъ разсчетъ! Реформа была дана — слѣдовательно былъ избранъ 2й путь „divide“. Но разсчетъ въ такомъ случаѣ вышелъ, de facto, такъ тонокъ, что порвался: тутъ-то, вотъ, въ этомъ смыслѣ, въ преслѣдованіи этой цѣли „divide et impera!“ — реформа не сослужила ожидавшейся службы, потому что и не могла этого никогда. Почему?! Да, сверхъ прочаго, ужъ потому, что въ политикѣ такъ-же ошибоченъ, какъ и всюду, разсчетъ, что: давая изъ правъ одно, можно въ то-же время подавить потребность имѣть другое животрепещущее право или отнять таковое; что давая правой рукой хорошее, можно лѣвой подсунуть дурное или отнять хорошее-же ... Забыли, что польскій крестьянинъ все-таки — полякъ и честный человѣкъ: онъ прекрасно знаетъ, что панъ былъ его врагъ, какъ „панъ“, и останется, пока будетъ таковымъ, хотя-бы и въ иномъ обличіи; онъ знаетъ, что былъ одаренъ „завоевателемъ“, что тотъ его освободилъ отъ „пана“ — и будетъ ему благодаренъ за это; но въ то-же время онъ — полякъ и не можетъ не желать правъ, равныхъ съ прочими подданными: желаетъ говорить по-польски, мо-

литься по-своему, какъ остзейскій нѣмецъ, финляндецъ, татаринъ; желаетъ имѣть судъ присяжныхъ свой, свое земство etc. . .; при всей благодарности за старое добро, онъ недоволенъ, что его „обрусить“ хотятъ — и, вотъ, поскольку въ этихъ отношеніяхъ съ нимъ сходится панъ, онъ будетъ идти объ-руку съ нимъ, чуть только у него будетъ гарантія, что ему не прійдется играть лишь роль вытаскивающаго для пана горячіе каштаны . . .

Итакъ эта послѣдняя основная цѣль — divide et impera! — увѣнчалась полнѣйшимъ неуспѣхомъ. Значитъ, только по отношенію къ ней имѣетъ полный смыслъ выраженіе: *„тѣмъ хуже для власти* etc.“ Это единственный возможный логическій исходъ!

Вѣрно понялъ и объяснилъ я автора?!

5) Кажись бы все?!... Но, къ сожалѣнію, — нѣтъ: мнѣ представляется еще одинъ возможный мотивъ. По мелкости даже и эгоистическаго стимула его — ему и мѣсто въ концѣ! Это — вотъ что: не имѣлось ли окончательною цѣлью: *просто насолить помѣщичьему классу, наказать его за какую либо провинность* (наказать, положимъ, не столько матерьяльно — ибо реформа велась не въ денежный убытокъ помѣщиковъ — сколько иначе)? Вопросъ: удалась ли эта цѣль или нѣтъ, — настолько щекотливъ, что отвѣтить на него — въ особенности, если отвѣтить: „да!“ — нельзя никакъ иначе, какъ давъ тутъ же въ подтвержденіе самый подробный перечень фактовъ. Можетъ быть кто нибудь, особенно изъ свидѣтелей того времени, въ силахъ дать такой категорическій отвѣтъ. Я не могу и выражу поэтому только слѣдующее: хотѣлось бы, чтобы и въ этомъ случаѣ авторъ статьи имѣлъ право сказать въ извѣстномъ уже намъ смыслѣ свое „тѣмъ хуже“ . . .: желалось, молъ, — да не выгорѣло; хотѣлось-бы, значитъ, быть безусловно увѣреннымъ, что цѣль не была вовсе достигнута, что насолено было, много-много, двумъ-тремъ „послѣдышамъ“, а громадная масса помѣщичья, если не *до* со-

вершенія факта *вся*, то все-таки *по* его совершеніи, сознаде *вся*, что *обиды* нѣтъ для нея въ отнятіи у нея незаконнаго права, въ прекращеніи *обиды* крестьянской! — Если же оказалось-бы, паче чаянія, что разсчетъ власти увѣнчался, en grand, успѣхомъ — тогда, конечно, не годятся слова автора ни въ одномъ изъ тѣхъ смысловъ, какіе бралъ я доселѣ, но зато годились бы они еще въ одномъ новомъ: можно бы именно сказать тогда: „тѣмъ хуже для власти", что ей можетъ удаваться такой разсчетъ, что есть люди, которымъ можно насолить, воздавъ дань справедливости другимъ людямъ, ихъ „братьямъ во Христѣ!..."

Изъ всего моего, полагаю — безпристрастнаго, анализа выходитъ *весьма важное резюме: крестьянская реформа сослужила въ „польскомъ вопросѣ" лишь бывшую въ ея силахъ добрую службу и именно — всего, поскольку она была: или средствомъ для не-эгоистической основной цѣли, или средствомъ и для нѣкоторыхъ изъ возможныхъ эгоистическихъ основныхъ цѣлей, но именно такихъ, для достиженія которыхъ такъ-таки и ждалась отъ самой крестьянской реформы роль частнаго „хорошаго" средства, непосредственно ведущаго къ ближайшей „хорошей"-же частной цѣли, причемъ весь добрый результатъ ея-то самой имѣлось въ виду непремѣнно сохранить, никакъ не подрывать въ самомъ корню; въ томъ-же случаѣ, гдѣ отъ нея ожидалась обратная роль, роль средства самого по себѣ „хорошаго", но будто-бы могущаго служить и для „нехорошей" цѣли, гдѣ имѣлось въ виду немедленно парализовать принесенное ею добро, — тамъ она измѣнила ожиданіямъ!*

Такимъ образомъ примѣненіе крестьянской реформы въ Польшѣ не дало собою, къ счастію, даже и псевдо-примѣра въ пользу того печальнаго тезиса: что иногда „хорошія" средства служатъ-де исключительно на пользу противуположныхъ цѣлей...

По остальнымъ двумъ подчеркнутымъ мною въ словахъ автора выраженіямъ замѣчу лишь нѣсколько словъ.

„Рознь разрѣшилась отведеніемъ крестьянину надѣла.“ — Если авторъ полагаетъ, что цѣною „надѣла“ купленъ полный миръ крестьянскаго класса съ барскимъ, что „рознь разрѣшилась“ — а дальше ужъ, молъ: идиллическое согласіе, житье душа-въ-душу, „выборы помѣщиковъ въ гминные войты“ etc. . ., — то, видно, Польша есть именно современная Аркадія, единственная на всемъ нынѣшнемъ свѣтѣ, или библейскій рай, гдѣ жили рядомъ въ мирѣ и волкъ, и ягненокъ; и, должно быть, „надѣлъ“ польскихъ крестьянъ обладаетъ одинъ такой чудодѣйственной силой, что мощенъ удовлетворить всѣмъ нормальнымъ потребностямъ человѣка-крестьянина! Хороша „скатерть-самобранка“ — надѣлъ! . . .

„Въ политикѣ самый плохой разсчетъ на благодарность.“ — И откуда это у автора такой Макіавеліевскій или, по крайней мѣрѣ, такой пессимистическій, безотрадный, разочарованный взглядъ на отношенія людскія?! . . . Я беру, конечно, слово „благодарность“ не въ смыслѣ рабскаго руко-лобзанія за подачку и даже за возвращеніе тебѣ, тебѣ же по праву принадлежащаго, но беру въ смыслѣ благородной, согласной съ человѣческимъ достоинствомъ признательности человѣка другому человѣку за то, что тотъ или всегда поступаетъ справедливо, или что онъ въ силахъ сознать свою ошибку и исправить ее, покрыть прежнее зло добромъ, или за безкорыстную услугу и т. п., — и весь міръ со мною согласится, что именно упованіе на эту взаимную „благодарность“ есть одинъ изъ самыхъ могучихъ рычаговъ, двигающихъ по пути истиннаго прогресса человѣческое общество, связывающихъ членовъ людскаго общества, а также —, что именно безкорыстный „разсчетъ на благодарность“ такую есть единственный факторъ, который могъ бы радикально оздоровить нынѣшнюю хилую „политику“

или, въ крайности, могъ-бы продлить жизнь нынѣшней „политикѣ“, разъ ее радикально оздоровить нельзя, разъ ей таки суждено умереть и уступить свое мѣсто совсѣмъ иной „политикѣ“ . . . „Имѣющіе уши да слышатъ!“

А писалъ это возраженіе

Русскій.

Замѣчаніе на статью о еврейскихъ погромахъ*) на стран. 79-й.

Авторъ статьи, „отрицающій огульно всѣ толкованія еврейскаго вопроса“ трехъ главныхъ направленій русскаго общества, самъ однако въ своей постановкѣ мало чѣмъ отличается отъ той, впрочемъ самой близкой къ истинѣ, которую онъ характеризуетъ именемъ — *европейской*. Но, исходя изъ чисто-обывательскаго взгляда на многія стороны даннаго вопроса**) онъ естественно и упускаетъ многое изъ виду указывая лишь на безразсудность политики нашего начальства заигрывать со „стихійными силами“ пролетаріата. — Вопросъ, почему нетолько городъ, но *и деревня, и мужикъ* принимали такое близкое участіе въ разгромленіи евреевъ, оставляется имъ — безъ отвѣта. *Главное же, чего недостаетъ у автора, это — указанія на какой нибудь исходъ изъ настоящаго, очевидно ненормальнаго положенія евреевъ въ Россіи.*

---

*) Мотивъ, вслѣдствіе котораго мы избрали для помѣщенія при сей-же книгѣ и эту замѣтку, полагаемъ, понятенъ: „еврейскій вопросъ“ обострился до того, что стороны, какъ мы видѣли, изъ области теорій, споровъ и даже угрозъ переходили уже прямо въ рукопашный бой, и хотя теперь какъ будто и наступило перемиріе, но это перемиріе можетъ не сегодня-завтра быть прервано — и вновь начаться рѣзня . . .; естественно, что, при такихъ условіяхъ, всякое серьезное слово по данному вопросу — тѣмъ болѣе слово, исходящее со стороны физически болѣе слабой, а потому и побиваемой — должно быть выслушано немедля . . . Больше того: оно имѣетъ право на предпочтеніе, даже и не въ-очередь! Издатель.

**) Мы бы просили, однако, автора сей замѣтки уяснить намъ: въ какомъ именно смыслѣ и на какія именно стороны вопроса взглядъ автора нашей статьи „чисто-обывательскій?“ Такъ оно нетолько недоказательно но и не ясно! Издатель.

Замѣчу съ своей стороны:

Авторъ несомнѣнно правъ, что правительство въ лицѣ своихъ правителей и подчиненныхъ имъ мелкихъ чиновъ, подстрекало самымъ безчеловѣчнымъ образомъ племенную ненависть и буйства массъ народа, ожесточенныхъ во всякомъ случаѣ вовсе не одними евреями. Съ другой стороны, несомнѣнно правъ авторъ и въ томъ, что мѣры къ обезпеченію благосостоянія безъимущественныхъ и бездольныхъ массъ должны повысить умственный и нравственный уровень всего населенія, смягчить нравы, очеловѣчить отношенія племенъ и національностей. Но въ виду того, что авторъ, судя по всему, полагаетъ возможнымъ возложить исполненіе и проведеніе послѣднихъ мѣръ на тѣхъ же администраторовъ, которыхъ въ концѣ своей же статьи онъ самъ признаетъ испорченными, которые до сихъ поръ умѣли лишь натравлять одни населенія противъ другихъ и искать въ такой политикѣ своеобразныхъ „громоотводовъ“; въ виду того, что эти-то самые политики и суть главная причина того „грома“, первые раскаты коего такъ пугаютъ и русскихъ администраторовъ и автора статьи, въ виду этого, говорю, слѣдовало бы прежде всего позаботиться объ устраненіи тѣхъ ненормальностей, въ которыхъ евреи находятся *по закону* въ Россіи. Еслибъ евреи не были по русскимъ законамъ паріями, не имѣющими равныхъ съ прочимъ населеніемъ правъ на трудъ, передвиженіе, пріобрѣтеніе и отчужденіе, то погромы не приняли бы тѣхъ гигантски-безобразныхъ размѣровъ, какихъ они достигли.

Антисемитическія движенія были и бываютъ и въ другихъ мѣстахъ Европы, но нигдѣ они не имѣли того брутальнаго и глубоко несправедливаго характера, какъ въ Россіи. Причина тому, помимо ожесточенности и невѣжества нашихъ массъ, главнымъ образомъ: *ненормальное и несправедливое законное положеніе евреевъ въ Россіи.* Удивительно ли, въ самомъ дѣлѣ, что 3½ милліонное, способное и энергичное племя, запертое въ узкой чертѣ осѣдлости западныхъ губерній, изъятое изъ мно-

гихъ правъ, присущихъ даже всѣмъ русскимъ подданнымъ, принуждено ради возможности существованія прибѣгать, въ отдѣльныхъ случаяхъ, къ вреднымъ для прочаго населенія мѣрамъ борьбы за существованіе? Удивительно ли, что простое населеніе, мало привыкшее отличать послѣдствія отъ основныхъ причинъ, смотритъ на унижаемаго и гонимаго *закономъ* еврея, какъ на существо нисшее, неполноправное, могущее быть безнаказанно оскорбляемо, преслѣдуемо и избито?! Мудрено ли, наконецъ, что алчное русское чиновничество, которому поручено исполненіе ограничительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ противъ евреевъ, смотритъ на послѣднихъ какъ на объектъ поборовъ, какъ на дойную корову, и привыкло считать ихъ своими крѣпостными?! Стало быть, для устраненія хотя бы первыхъ преградъ къ разрѣшенію евр. вопроса въ Россіи прежде всего слѣдуетъ освободить евреевъ отъ нынѣшней кабалы, т. е., — *отмѣнить всѣ ограничительные и исключительные законы противъ нихъ и уравнить ихъ права съ правами прочаго кореннаго населенія.* И если тогда еврейскій вопросъ и не перестанетъ существовать, какъ онъ существуетъ еще въ Австріи и Германіи, благодаря еще и тамъ не прекратившемуся вполнѣ царству произвола и предразсудковъ, то будетъ по крайней мѣрѣ отрѣзана возможность повторенія такихъ безобразныхъ явленій, какъ **поголовное избіеніе населенія цѣлыхъ городовъ, большинство котораго,** *согласно оффиціальнымъ даннымъ о пострадавшихъ во время погромовъ въ Кіевѣ, Елизаветградѣ, Варшавѣ и друг. мѣстахъ,* **состояло изъ бѣднаго, трудолюбиваго и производительнаго люда.** Надо надѣяться, что тогда, т. е., по уравненіи правъ евреевъ, пропадетъ и у нашихъ администраторовъ охота дѣлать изъ цѣлаго племени какой-то громоотводъ для озлобленныхъ дурной системой управленія и абсолютно вредной государственной политикой массъ.

Еврей.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строк. сверху	Строк. снизу	Напечатано:	Должно быть:
3	9		большіе	бо́льшіе
11		3	иролетаріатъ	пролетаріатъ
24	10		лищь	лишь
29		15	Русскіе,	русскіе,
30		17	таже	та-же
33	13		уѣдишъ	уѣдешь
34	2		полезъ, —	полѣзъ —
37	14		хозявства,	хозяйства,
38	1		лѣсь	лѣсъ
42		19	направленіемъ	направленіямъ
49	8		лицъ	лица
	9		желающихъ	желающіе
		16	земли	земель
52	12		нынѣшніи	нынѣшній
	15		сопраженной	сопряженной
		10	такія,	такіе,
54		17	ее	ея
57	9		величейшею	величайшею
60	2		государственоую	государственную
68	14		ее	ея
71	10		оть	отъ
72	13		представлявтся	представляется
		4	соо́бственности	собственности
73		6	паралель	параллель
		4	повинноеть	повинность
		3	владѣлцами	владѣльцами
		2	скорѣймему	скорѣйшему
74	12		за тѣмъ	затѣмъ
81		4	возьмутся	возьмутся за
83		2	поколеніемъ	поколѣніемъ
84		13	евронейскихъ	европейскихъ
		9	Также безотрадно	Такъ же безотрадно
85	4		науку?!	науку!
87		10	большую	бо́льшую
		9	большій	бо́льшій
88	15		головы	главы
100		6	можпо	можно
101	2		самодержавномъ	самодержавномъ
103	7		нечатію	печатію
104	2		мнѣ ніене только	мнѣніе нетолько
109	9		Екаторины	Екатерины
110	1		систематнчески	систематически
112		10	большему	бо́льшему
113	5		Вособновленіе	Возобновленіе
		1	Марта 1882 г.	Мартъ 1882 г.
118		16	земдедѣліе	земледѣліе
122		8	отторженніе	отторженіе.
130	16		либерально конституціонный	либерально-конституціонный.
133	11		рисчетъ	разсчетъ
136	9		докрайняго	до крайняго
137	2		бы	бы

АЛТАЙ,

БУДУЩАЯ КАЛИФОРНІЯ РОССІИ

И

ЦАРСТВОВАВШІЕ НА АЛТАѢ ПОРЯДКИ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КЪ КНИГѢ

„СѢВЕРНЫЯ СІЯНІЯ“.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ **В. ОТПѢТЫЙ.**

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

ЛЕЙПЦИГЪ.
Типографія Bär & Hermann.
1885.

Алтайскій Горный Округъ въ разныя времена былъ посѣщаемъ многими путешественниками. Всѣ они задавались преимущественно цѣлью изслѣдовать геологическій строй тамошнихъ горъ, но для разрѣшенія и этого вопроса очень мало сдѣлали, какъ вслѣдствіе трудности дѣла, такъ и по совершенному отсутствію путей сообщенія (ктому же всѣ эти туристы не долго тамъ и оставались).

Въ остальныхъ же отношеніяхъ Округъ этотъ до сего не подвергался еще никакимъ ученымъ изслѣдованіямъ, и потому приводимыя здѣсь — хотя и отрывочныя, сухія и совершенно элементарныя — историческія, этнографическія, географическія, и другія свѣдѣнія имѣютъ то достоинство, что, во первыхъ, они, полагаемъ мы, вѣрны, а, во вторыхъ, по сіе время и такихъ нигдѣ почерпнуть нельзя. Въ печати не появлялось никакого обзора собственно этого края, а всѣ намъ извѣстныя общія описанія Сибири касаются Алтая весьма поверхностно, далеко не полны вообще, а, главное, страдаютъ неточностью, такъ что тѣмъ, кому нужно ознакомиться съ Алтайскимъ Горнымъ Округомъ, покуда — одно только средство: отправиться самимъ на мѣсто и пробыть тамъ, въ постоянныхъ экскурсіяхъ, десятокъ или и болѣе лѣтъ.

Алтайскій Горный Округъ.

Предисловіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ казакъ Василій Тимофѣевичъ Ермакъ покорилъ Зауральскія земли, названныя потомъ однимъ общимъ именемъ Сибири, прошло слишкомъ 400 лѣтъ. За это время Сибирь раскинулась, изъ маленькаго царства разрослась въ громадную область, простирающуюся вплоть до Великаго океана, и заняла 287.243 квадр. мили, съ населеніемъ въ 8.213.000 человѣкъ. Громадная масса богатствъ этой страны далеко еще не разработана, большею частью, даже еще просто не тронута. Строго говоря, *вся польза Сибири для насъ покуда ограничивалась тѣмъ, что она служила мѣстомъ ссылки для различныхъ преступниковъ, въ томъ числѣ и для политическихъ* — **польза печальная.**

Триста лѣтъ мы владѣемъ страною, а не надумались еще завязать серьезныхъ торговыхъ сношеній между Петербургомъ или Москвою и Обью — съ цѣлью обмѣна продуктовъ и развитія отечественной промышленности! А иностранцы?! Давно ли вернулся Норденшильдъ изъ своего путешествія, а уже по пути, имъ проложенному, направятся вскорѣ суда вновь образовавшейся компаніи. Компанія эта намѣрена, при участіи шведовъ и норвежцевъ, содержать коммерческое сообщеніе между Копенгагеномъ, Карскимъ моремъ и рѣкою Обью, вывозить свои продукты въ Сибирь и привозить въ Данію продукты Сибири. И она исполнитъ свою задачу! — Мы же . . . мы будемъ продолжать равнодушно сидѣть, сложа руки, и смотрѣть

какъ иностранцы изъ нашихъ богатствъ будутъ извлекать пользу лишь для себя!

Такое равнодушіе, такая вялость и индиферентность къ устроенію путемъ разумной дѣятельности собственнаго благосостоянія по-истинѣ изумительны! А между тѣмъ пріобрѣтеніе Сибири для Россіи настолько же, если не еще болѣе, важно, насколько было важно открытіе Новаго Свѣта для всей Европы. Съ пріобрѣтеніемъ Сибири силы государственныя умножились: плодородныхъ земель стало еще больше; золото и колыванское серебро поддержали финансы; Екатеринбургская мѣдь не только оживила дѣятельность монетнаго двора, но оказалась далеко не лишнею и для артиллеріи; желѣзо нашло еще больше примѣненій; а о драгоцѣнностяхъ, рѣдкостяхъ и мѣховомъ богатствѣ Сибири и говорить нечего: о нихъ составились даже легенды, перешедшія и заграницу. Повторяемъ: неужели еще долѣе намъ ждать и равнодушно смотрѣть, какъ изъ нашихъ нетронутыхъ природныхъ богатствъ — одни иностранцы будутъ извлекать пользу?!

Постараемся однако-же доказать фактами наши положенія: обратимся къ описанію Алтайскаго Горнаго Округа.

Конечно въ настоящее время, мы можемъ дать, въ краткомъ очеркѣ, только отрывочныя свѣдѣнія о странѣ, но, до появленія полнаго, подробнаго, вѣрнаго и безпристрастнаго описанія этого грандіознаго и разнообразнаго края, во многихъ частяхъ еще не развѣданнаго и остающагося страною почти неизвѣстною, и эти свѣдѣнія цѣнны и могутъ служить во всякомъ случаѣ матеріаломъ для будущихъ изслѣдователей даннаго края.

Алтайскій Горный Округъ.

(Матеріалы для будущихъ изслѣдователей.)

Начало заселенія края и учрежденіе горнаго промысла.

По завоеваніи Сибири весь край сталъ постепенно населяться русскими выходцами, которые или шли туда добровольно — преимущественно изъ сѣверо-восточныхъ областей Россіи — или отправлялись по распоряженію правительства изъ всякихъ мѣстъ. Такъ называемая большая сибирская дорога отъ Перми на Тобольскъ, чрезъ Тару, Ишимъ, Томскъ и далѣе до Иркутска указываетъ направленіе этой колонизаціи.

Юговосточная часть Сибири — по нынѣшнему административному раздѣленію тамошняго края заключающая округа: Колыванскій, Барнаульскій, Бійскій, Кузнецкій, Томскій, Усть-Каменогорскій и Семипалатинскій — долго оставалась незанятою. Первыя русскія поселенія основаны были тамъ въ началѣ прошлаго столѣтія раскольниками въ лѣсахъ, на правой сторонѣ Оби, — въ нынѣшнемъ Барнаульскомъ, Кузнецкомъ и Колыванскомъ округахъ. На всемъ пространствѣ земель между Иртышемъ и Обью кочевали киргизъ-кайсаки и подвластные дзюнгарскимъ ханамъ калмыки, своими грабежами препятствовавшіе русскимъ селиться тамъ. Но посланный Императо-

ромъ Петромъ Великимъ, въ 1719 году, въ г. Яркянь (въ китайскомъ Туркестанѣ) Гвардіи Маіоръ Лихаревъ положилъ основаніе устройства Сибирской Линіи на правомъ берегу Иртыша: нѣсколько укрѣпленій упрочили за Имперіею земли, вошедшія нынѣ въ составъ Томской губерніи и Семипалатинской области, и русское народопаселеніе, обезпеченное отъ набѣговъ, стало быстро увеличиваться. Особенно же содѣйствовало заселенію открытіе уральскимъ заводчикомъ Акиніемъ Никитичемъ Демидовымъ рудныхъ мѣсторожденій въ Алтайскихъ горахъ и учрежденіе плавиленныхъ заводовъ: Колыванскаго — въ 1725 мъ, Барнаульскаго — въ 1739 мъ и Шульбинскаго — въ 1744 мъ году, которые всѣ, по имени перваго завода, были названы Колыванскими (а такъ какъ открытіе рудъ, положившее начало нынѣшнему алтайскому промыслу, послѣдовало въ 1723 году въ воскресный день, то въ память этого счастливаго дня и мѣста, гдѣ была добыта первая руда, всѣ тамошніе горные промыслы были названы, сверхъ „Колывано“, еще и „Воскресенскими“, или „Колывано-Воскресенскими“ — названіе, которое сохранили и по нынѣ).

Минеральныя богатства Алтая были извѣстны еще въ глубокой древности. Повсюду встрѣчаются здѣсь слѣды горныхъ работъ, производившихся какими-то древними народами, которые давно исчезли съ лица земли и были намъ извѣстны только подъ общимъ, весьма неопредѣленнымъ названіемъ Чуди или Чудскихъ народовъ. Работы ихъ, называемыя еще и теперь Чудскими копями, были такъ многочисленны, что почти нѣтъ ни одного рудника, который бы предварительно не былъ развѣданъ и этими древними рудокопами, т. е., не былъ бы Чудскою копью. Конечно всѣ эти многочисленныя копи вполнѣ обличаютъ младенческое состояніе тогдашняго горнаго искусства: это просто ямы, или такъ называемые разносы, которыми преслѣдовались однѣ только верхнія, мягкія руды, но не затрогивалась твердая порода. Причина такихъ поверхностныхъ работъ, видимо, заключалась въ томъ, что

древнимъ обитателямъ Сибири не было извѣстно употребленіе даже желѣза. Это предположеніе вполнѣ подтверждается слѣдующими фактами: 1) орудія и инструменты, которые были находимы въ Чудскихъ копяхъ и служили нѣкогда для горныхъ работъ, всѣ мѣдные или изъ твердыхъ камней и кости; 2) въ остаткахъ уцѣлѣвшихъ отъ прежнихъ плавокъ, въ которыхъ даже простыми глазами можно отличить мѣдь, не видно ни чугуна, ни желѣза; 3) самымъ же убѣдительнымъ доказательствомъ вышеприведеннаго служатъ Чудскія могилы, находимыя во многихъ мѣстахъ Сибири — особенно въ южной ея части, по теченію Иртыша, и въ Киргизской степи —: отрываемыя въ нихъ металлическія вещи, какъ-то: принадлежности конской сбруи, разныя украшенія, сосуды, кольца, изображенія животныхъ (въ особенности оленей), котлы, кувшины, топоры, ножи и проч., все — только изъ серебра или мѣди. (Самыми богатыми изъ Чудскихъ могилъ слѣдуетъ считать Алтайскія.)

Что за народъ была эта Чудь, усѣявшая Сибирь своими костями, — вопросъ этотъ остается до сихъ поръ загадкою. Гелмерсенъ, по историческимъ свидѣтельствамъ, полагаетъ, что названіе Чуди происходитъ отъ русскаго слова „чуждый“, или чужой, т. е., „иноземный“, „не нашъ“. — Существуетъ, напр., въ описаніи Силезіи любопытное историческое указаніе XIII^го столѣтія — тамъ говорится: „Городъ Гольдбергъ (золотая гора) „получилъ свое названіе отъ древнихъ золотыхъ рудниковъ; раз„работка ихъ была такъ обширна, что въ 1241 году 2500 ру„докоповъ принимали участіе въ сраженіи противъ татаръ. — „Татары эти разрушили городъ и горныя работы, многіе изъ „рудокоповъ были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ и отведены въ Сибирь.“ Можно предполагать поэтому, что эти-то плѣнные и были основателями горныхъ работъ въ Сибири и въ послѣдствіи, смѣшавшись съ туземцами, утратили свою народность. Другой историческій актъ, касающійся основанія рудниковъ на Алтаѣ, принадлежитъ къ концу XVII столѣтія: въ немъ упоминается объ открытіи въ 1698 году серебряной руды грекомъ

Александромъ Левандіакомъ; руда эта была найдена имъ на одной изъ рѣчекъ системы Кій.

Давнишнее преданіе о богатствѣ Золотыхъ, или Алтайскихъ горъ (Алтайскія горы на китайскомъ и древне-турецкомъ языкахъ значатъ „Золотыя горы"), вѣроятно, и было поводомъ ко многимъ горнымъ попыткамъ кочующихъ здѣсь народовъ, но онѣ не имѣли никакого успѣха, пока не явился человѣкъ съ сильною волею, энергіею и могучими средствами. Это былъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Акинѳій Никитичъ Демидовъ, сынъ извѣстнаго основателя горнаго промысла на Уралѣ Никиты Демидовича Демидова.

Не щадя издержекъ, Демидовъ старался развѣдать Алтай посредствомъ окрестныхъ жителей Сибири, занимавшихся звѣриною ловлею и посѣщавшихъ весьма отдаленныя мѣста. — Послѣ многихъ тщетныхъ усилій довѣренные люди Демидова открыли наконецъ во многихъ мѣстахъ Алтая признаки прежнихъ горныхъ работъ, или Чудскія коши, и въ одной изъ нихъ, близъ озера Колыванскаго или Колывань-озера, нашли весьма богатую мѣдную руду. Здѣсь-то, какъ мы уже упоминали, и былъ заложенъ въ 1723 году Демидовымъ первый плавиленный заводъ на Алтаѣ, по имени котораго и были названы впослѣдствіи всѣ горные заводы этой мѣстности Колыванскими, или, по настоящему, Колывано-Воскресенскими. (Но подъ именемъ Колывани не слѣдуетъ понимать другого мѣста, которое лежитъ по сѣверному направленію отъ Барнаула и по южному отъ Томска, на правомъ берегу Оби).

По именному Высочайшему указу, данному 1го Мая 1747 года бригадиру Беэру, Колыванскіе заводы и рудники, по просьбѣ Демидова, были взяты въ собственность Ея Величества Елизаветы Петровны, и въ то-же время заводы поступили въ управленіе Кабинета. Въ 1830 г. управленіе ими передано были Министерству Финансовъ, а въ 1855 они снова перешли въ вѣдѣніе Кабинета Его Величества, въ которомъ числятся и по-нынѣ подъ названіемъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ.

Сначала работы на Колыванскихъ рудникахъ производились переведенными Демидовымъ съ Урала мастеровыми, а послѣ — мѣстными крестьянами, число дворовъ которыхъ постепенно увеличивалось.

(Въ 1763 м. году приписанныхъ крестьянъ считалось 40000.)

Географическое положеніе.*)

Принадлежащія крестьянамъ земли и угодья съ открытыми впослѣдствіи въ Алтайскихъ горахъ рудниками и построенными для выплавки металловъ заводами, образовали одинъ обширный Округъ Алтайскихъ Горныхъ Заводовъ. Онъ находится въ Западной Сибири въ предѣлахъ Томской губерніи и лежитъ между 49° и 56° сѣверной широты и 95° и 108° восточной долготы, занимая до 400,000 квадратныхъ верстъ; по характеру-же мѣстности онъ дѣлится на двѣ части, одна отъ другой совершенно отличныя: сѣверо и юго-восточную, или горную и сѣверо-западную, или степную. (Подъ словомъ степь, какъ въ отношеніи къ Алтайскому Горному Округу, такъ и ко всей Сибири, не должно разумѣть какого либо безводнаго, лишеннаго всякой растительности пространства Средней Азіи или Африканскаго материка. Сибирская степь, подобно степямъ Оренбургской губерніи и Южной Россіи, есть неоглядная равнина, покрытая, исключая солончаковъ, разными травами и цвѣтами.)

Горы занимаютъ сѣверо-восточную южную п юго-восточную часть края. Сѣверо-восточную часть (Салаирскій край)

*) Хотя и давно уже были попытки составить карту Алтайскаго Горнаго Округа, но лица, занимавшіеся производствомъ этихъ работъ, не были спеціально приготовлены къ картографическому труду, о чемъ и свидѣтельствуетъ неудовлетворительность результатовъ, достигнутыхъ ими: составленныя ими карты не даютъ вѣрнаго понятія ни о пространствѣ, ни о характерѣ мѣстности — ибо не указано на нихъ ни меридіановъ, ни параллелей, и не бралось при составленіи ихъ въ расчетъ необходимости опредѣленія астрономическихъ пунктовъ и дѣйствій высшей геодезіи.

занимаютъ горы Салаирскія и Алатагскія, или Ала-тау.*) Весь горный кряжъ этого пространства покрытъ густымъ лѣсомъ, а самыя высоты горъ, характерно-своеобразныхъ по очертанію, высятся на 1000—1550 футъ надъ уровнемъ моря.**) Изъ горныхъ хребтовъ здѣсь болѣе замѣчательны по своему протяженію: Корлыханъ и Абиканскій. — Юго-юго-восточную и юго-восточную части (Змѣиногорскій край) занимаютъ горы, которыя опять рѣзко отличаются отъ горъ Салаирскаго края нетолько своими формами и очертаніями, но и еще бо́льшими протяженіями своихъ хребтовъ, бо́льшимъ и внутреннимъ ихъ богатствомъ, а равно и значительнѣйшею высотою, именно отъ 2 до 7 тысячъ футъ надъ уровнемъ моря.***)

Изъ горныхъ хребтовъ этой части болѣе замѣчательны: Коксунскій снѣговой†), Холзунскій, Катунскія бѣлки (Альпы), Ивановскій бѣлокъ††), и Пигерекскій бѣлокъ; затѣмъ горы: Чарышскія, Коргонскія, Бащалыкскія, Ануйскія, Убинскія, Ульбинскія и Катунскія, между которыми гора Бѣлуха составляетъ самый возвышенный пунктъ не только относительно этого пространства, но и всего Алтая: вершина этой горы возвышается надъ уровнемъ моря до 12,000 футъ.

Здѣшнія названія горъ объясняются слѣдующимъ образомъ: *бѣлкомъ* называется гора оттого, что лѣтомъ и зимою

---

*) Это именно часть, которая заключаетъ въ себѣ всѣ золотые промысла Западной Сибири.

**) Содержатъ они въ своихъ нѣдрахъ, кромѣ минераловъ и угля, изъ металловъ: серебро, мѣдь, свинецъ и желѣзо; но сдѣланныя пока изслѣдованія совсѣмъ ничтожны, далеко не соотвѣтствуютъ занимаемому ими пространству.

***) Металлы здѣсь: золото, серебро, мѣдь, свинецъ и желѣзо, а минералы всѣ тѣ, которые мы перечислимъ ниже, въ послѣдующихъ главахъ этого описанія.

†) Онъ то и есть славнѣйшій по своимъ минеральнымъ богатствамъ; здѣсь есть цѣлые утесы изъ яшмы и порфира. Въ Европѣ эти цѣнныя скалы обогатили бы страну, а у насъ онѣ остаются даже безо всякаго почина и красуются какъ бы нарочно только для того, чтобы глумиться надъ нашей апатіей, халатностью и непредпріимчивостью.

††) Ивановскій бѣлокъ составляетъ горный узелъ Алтайскаго кряжа; вершина его надъ уровнемъ моря до 7000 футъ.

покрыта снѣгомъ; *сóпкою* — оттого, что вершины ея имѣютъ обширную площадь; *глядѣномъ* — оттого, что на нее приходится взбираться съ уступа на уступъ, съ которыхъ представляются взору прекрасные и обширные виды — какъ бы только для того и существующіе, чтобы на нихъ „глядѣть.“

(Вообще трудно описать словами представляющіяся здѣсь на каждомъ шагу картины: ихъ не можетъ передать и кисть, ихъ надо видѣть, и — только разъ, чтобы потомъ не забыть никогда.)

Вѣтви Алтайскихъ горъ отдѣлены другъ отъ друга долинами; послѣднія, въ свою очередь, перерѣзаны по всѣмъ направленіямъ множествомъ вытекающихъ изъ горъ большихъ и малыхъ рѣкъ съ ихъ притоками, отъ которыхъ долины эти и заимствуютъ свои названія.

Нѣкоторыя изъ этихъ долинъ покрыты густымъ, непроходимымъ лѣсомъ, именуемымъ „тайгою“, чрезъ которую мѣстами никогда не пробиваются солнечные лучи. Мѣстности этихъ долинъ живописны, ихъ испещряютъ отдѣльныя скалы, ущелья, лѣса, водопады и пропасти, разбросанныя между лугами необыкновенно своеобразно и безъ всякаго порядка.

Наибольшая изъ долинъ долина Оби, при въѣздѣ въ Барнаулъ (ширина ея около 10 верстъ).

Степныя пространства прежде были покрыты водою, что доказываютъ: морскія раковины, множество соляныхъ и горькихъ озеръ — постепенно и теперь еще высыхающихъ —, мѣстами рыхлая глина и горькій и соленый вкусъ многихъ травъ и воды въ нѣкоторыхъ изъ рѣкъ.

Почва степей различна: чистая глина, частью черноземъ и глина, смѣшанная съ пескомъ. Воды недостоточно, что, однако, не особенно отражается на плодородіи; береговыя же пространства, вслѣдствіе разлитія рѣкъ, даже весьма плодородны.

Изъ степей первое мѣсто занимаетъ Кулундинская, заключающая въ себѣ пространство до 14 т. квадр. верстъ, затѣмъ слѣдуютъ: Бель-Агачь, Ремовская, Узкая и другія. Въ Кулун-

динской степи находится и самое большое соляное озеро — Кулундинское же, и наибольшее изъ прѣсныхъ озеръ — Топольское, весьма богатое рыбою. Самосадочная озерная соль здѣсь очень мало еще разработывается.

Степь Бель-агачь не представляетъ совершенной равнины: средина ея нѣсколько возвышенна, а затѣмъ, въ трехъ мѣстахъ на этой степи имѣются большіе лѣса. Такъ какъ въ степи этой большой недостатокъ въ водѣ, годной для питья, то на всёмъ ея пространствѣ въ большомъ числѣ вырыты колодцы; кромѣ того жители сохраняютъ здѣсь и снѣгъ и пьютъ снѣжную воду.*) Почва Бель-агачской степи еще плодороднѣе другихъ, урожай здѣсь доходитъ до самъ-30. (Кочующіе здѣсь киргизы преимущественно и занимаются хлѣбопашествомъ.)

Прочія степи менѣе вышеуказанныхъ, отличаются отъ нихъ тѣмъ, что изобилуютъ цѣпями холмовъ, каменистыми мѣстами и что почти всѣ съ трехъ сторонъ**) окружены лѣсомъ.

---

*) Для сохраненія снѣга прибѣгаютъ къ общепринятому здѣсь нижеслѣдующему способу: выкапываютъ яму, шириною и длинною аршина въ 3 или 4, а глубиною аршинъ въ 6; яму эту, съ южной ея стороны, огораживаютъ плетнемъ, по мѣстному названію тыномъ, высотою въ обыкновенный человѣческій ростъ, или нѣсколько болѣе, и оставляютъ это на зимнюю пору. Въ теченіе зимы яма сама собою не только наполняется снѣгомъ до краевъ, но снѣгъ надъ нею налегаетъ даже въ уровень съ высотою ограждающаго ее тына. По приближеніи весны, снѣгъ этотъ прикрываютъ толстою настилкою соломы и оставляютъ закрытымъ на всё лѣто. Нижніе слои снѣга успѣваютъ въ теченіе весны и лѣта превратиться въ ледъ, запасы котораго, вмѣстѣ съ верхними слоями снѣга, подвергающагося болѣе сильному таянію, бываютъ вполнѣ достаточны для хозяйственнаго пользованія ими въ продолженіи всего лѣтняго времени.

**) Однохарактерное съ 3хъ сторонъ расположеніе этой лѣсной растительности вокругъ степей происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что большинство степей лежатъ съ сѣверной стороны открытыми для господствующихъ здѣсь сѣверныхъ вѣтровъ; вслѣдствіе этого наносимыя сѣмена растительности падали въ началѣ около южныхъ, восточныхъ и западныхъ холмовъ, замыкавшихъ степныя пространства и ослаблявшихъ дальнѣйшее движеніе вѣтровъ, вмѣстѣ съ летѣвшими съ ними сѣменами; впослѣдствіи сѣмена эти ложилось уже на граняхъ внутреннихъ окраинъ возроставшаго лѣса и постепенно увеличивали ширину его и густоту, по причинамъ такого же ослабленія въ нихъ теченій вѣтра, какое ранѣе производили холмистыя возвышенности.

По всѣмъ степямъ разбросаны курганы (древнія могилы), о которыхъ хотя и существуютъ изустныя преданія, но весьма сбивчивыя.

Геолого-геогностическій краткій обзоръ.

Хотя по этому предмету писали уже объ Алтаѣ посѣщавшіе его съ геолого-геогностическими цѣлями Г. г. Палласъ, Шангинъ, Гмелинъ, Эрманъ, Ледебургъ, Гумбольдтъ и друг. но такъ какъ они оставались тамъ самое короткое время (наибольшее 3 мѣсяца), то и не могли не только изслѣдовать, но и обозрѣть края, по величинѣ почти равняющагося Франціи и представляющаго едва преодолимыя трудности для путешественника. Вотъ почему и всѣ отзывы этихъ ученыхъ объ Алтаѣ по этому предмету не представляютъ ничего цѣлаго или полнаго, а суть просто отрывочныя свѣдѣнія, дневники путешествій, совершенныхъ преимущественно всё по одному и тому же направленію — болѣе другихъ уже и изслѣдованному.

Послѣдній изъ ученыхъ, посѣтившій Алтай былъ извѣстный европейскій авторитетъ-геологъ Бернардъ Котта; но, пробывъ на Алтаѣ всего 2 мѣсяца и посѣтивъ только дѣйствующіе рудники, и онъ не могъ сдѣлать никакого геологическаго изслѣдованія всего края. — Для этого труда при всѣхъ средствахъ къ нему и при широкомъ мѣстно-административномъ содѣйствіи, требуются все таки цѣлые годы усиленной и усидчивой работы.

Все, что намъ извѣстно о минеральномъ и металлоносномъ богатствѣ Алтая, почти то-же, что, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, было извѣстно и въ глубокой древности. И теперь нѣтъ ни одного разработывающагося рудника, который бы не былъ початъ народами тѣхъ временъ. Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мы укажемъ лишь на мѣстное подраздѣленіе этихъ богатствъ.

Горы Алтайскаго края въ геологическомъ отношеніи, принадлежатъ различнымъ періодамъ поднятія, т. е., онѣ не представляютъ собою одного сплошнаго цѣлаго или продолженія одного и того же кряжа, а суть отдѣльныя возвышенности, которыя образовались въ разныя геологическія эпохи. Въ этомъ достаточно убѣждаютъ насъ признаки и размѣщеніе разныхъ горныхъ породъ, входящихъ въ составъ ихъ. На Алтаѣ развиты породы какъ огненнаго, такъ и осадочнаго (водянаго) происхожденія. Есть и особый отдѣлъ породъ кристаллическихъ (метаморфическія породы), т. е., осадочныхъ, но измѣнившихся впослѣдствіи отъ дѣйствія на нихъ огненныхъ, вблизи находящихся породъ или же отъ дѣйствія внутренняго жара.

Огненныя и кристаллическія породы имѣютъ наибольшее развитіе въ горахъ сѣверо-восточной и юго-восточной части края, гдѣ и встрѣчаются валуны гранитовъ и другихъ огненныхъ породъ, состоящихъ обыкновенно изъ глинистаго сланца и кварцита, разстроенныхъ и болѣе или менѣе измѣненныхъ въ ихъ свойствахъ гранитомъ и діоритомъ, которыя и служатъ осями ихъ поднятія, и на оконечностяхъ которыхъ онѣ и выставляются наружу.

Изъ осадочныхъ почвъ на большихъ пространствахъ находятся слѣдующія: силлурійская, каменно-угольная и девонская.

Пласты силлурійской почвы находятся на склонахъ Салаирскаго хребта. Отъ вліянія огненныхъ породъ (гранита и діорита) силлурійская почва здѣсь напластывалась въ большомъ безпорядкѣ. Плоскія горы въ сѣверо-восточной части этого хребта покрыты густымъ лѣсомъ и принадлежатъ большею частью къ каменноугольному періоду. Гранитъ, порфиръ и зеленый камень находятся здѣсь только въ верхнихъ слояхъ и въ относительно маломъ количествѣ. Здѣсь же, вблизи рудъ, находится кварцовый порфиръ, что составляетъ геогностическую особенность.

Внутренній строй этой горной системы мало изслѣдованъ вслѣдствіе густаго лѣса, покрывающаго эти горы.

Болшая часть каменноугольныхъ формацій находится къ сѣверо-западу отъ г. Кузнецка.*)

Девонская почва развита въ юго-восточной и юго-западной частяхъ Алтайскаго Горнаго Округа. Замѣчательно, что пласты девонской почвы уцѣлѣли среди множества огненныхъ породъ, нимало отъ того не измѣнившись.

Къ каменноугольной почвѣ относится и горный известнякъ, составляющій на Алтаѣ только верхній ярусъ этой формаціи; онъ находится на всемъ протяженіи сѣверо-восточной и юго-западной частей Алтайскаго края.

Открытіе на Алтаѣ каменнаго угля, образовавшагося отъ обугленія папоротниковъ и другихъ тропическихъ растеній, доказываетъ, что въ одинъ изъ геологическихъ періодовъ, предшествовавшихъ нашему, климатъ на Алтаѣ былъ почти тропическій, что подтверждается и находимыми здѣсь костями допотопныхъ животныхъ жаркихъ же странъ.

Всѣ осадочныя формаціи покрыты здѣсь огромными толщами наносовъ. Эта наносная почва вездѣ одна и та же и представляетъ смѣсь песку съ глиной пепельно-сѣраго цвѣта, что приписывается разложенію растеній, содержащихся въ верхнихъ ея частяхъ. Мѣстами состоитъ она и изъ почти чистаго песку, образуя обыкновенно холмы, въ которыхъ встрѣчаются и эрратическія камни, отторгнутые отъ кристаллическихъ породъ. Изъ произведеній наноснаго періода находятся на Алтаѣ и торфяники.

Разработка жильнаго золота, серебрянныхъ и мѣдныхъ рудъ производилась раньше въ сѣверныхъ горахъ сѣверо-восточной и юго-западной частей Алтая, но теперь эти мѣста несмотря на встрѣчающіяся тамъ жилы кварца, проходящія въ тальковомъ сланцѣ и содержащія въ себѣ кромѣ золота,

*) Но количество каменнаго угля, имѣющагося и въ сѣверо-восточной части этого округа также очень велико и можетъ совершенно обезпечить плавильное дѣйствіе всѣхъ заводовъ Округа.

мѣдный колчеданъ и стекловатую мѣдную руду, почти совсѣмъ оставлены*).

Большая часть разработывающихся нынѣ золотоносныхъ розсыпей находится въ горахъ роговообманковыхъ. Самые наносы, въ которыхъ заключается золото, показываютъ, что они произошли скорѣе отъ разрушенія діорита, сланцевъ и змѣевика, чѣмъ гранита, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ бо́льшее содержаніе металла, т. е., золота, чѣмъ руды въ гранитѣ.

Серебро находится преимущественно въ юго-западной и юго-восточной частяхъ края. Въ этихъ мѣстностяхъ попадается въ большомъ количествѣ и свинцовый блескъ, богатый серебромъ.

Въ минералогическомъ отношеніи Алтай тоже богатъ: гранитъ порфиръ, яшма, кварцъ, брекчія и различный мраморъ добываютъ здѣсь изъ горъ, лежащихъ въ югозападной части края, и выламываются столь большіе куски, что на Колыванской шлифовальной фабрикѣ приготовляютъ изъ нихъ вазы, имѣющія болѣе $9^{\text{тн}}_{=}$ футъ въ діаметрѣ. Тамъ же дѣлаются изъ порфира и изъ яшмы различныхъ цвѣтовъ всевозможныя вазы и чаши, поражающія тоже своими размѣрами.

Въ западной части Алтая горы и долины большею частью безлѣсны и здѣсь опять затрудняется точный геологическій анализъ вслѣдствіе вывѣтриванія камней.

Главныя богатства, въ числѣ ихъ и серебро, занимающее покуда первое мѣсто, находятся въ западномъ Алтаѣ, а именно въ рудникахъ: Змѣиногорскомъ, Пидерскомъ, Николаевскомъ, Бѣлоусовскомъ и Зыряновскомъ. Зыряновскій рудникъ, открытый въ 1791 г. въ теченіе нѣкотораго времени считался здѣсь богатѣйшимъ и добывалась въ немъ высшая серебряная руда, съ содержаніемъ золота и большаго количества свинцу.

---

*) **Фактъ, свидѣтельствующій о безпорядочной и совершенно не систематизированной эксплоатаціи богатствъ въ этомъ краѣ!**

Невдалекѣ отъ него находится и богатѣйшее угольное мѣсторожденіе, но, на сколько намъ извѣстно, еще не эксплоатируемое. Замѣтимъ тутъ же кстати вообще объ углѣ, что милліарды пудовъ его могли бы быть добываемы на Алтаѣ, но разработывается онъ покуда только въ одной Бочатской долинѣ.

Восточная часть Алтая въ геогностическомъ отношеніи совершенно еще не изслѣдована, а потому, кромѣ ничтожнаго производства въ Салаирѣ, тамъ ничего еще не предпринято другого.

Всѣ открытыя на Алтаѣ до настоящаго времени мѣсторожденія имѣютъ большею частью, въ общемъ, одинъ характеръ. Они находятся въ горахъ принадлежащихъ періодамъ: силлюрійскому, девонскому и каменно-угольному. Въ сосѣдствѣ рудниковъ обыкновенно находятся: гранитъ, порфиръ и зеленый камень. Нѣкоторые рудники находятся и въ массахъ порфира. По содержанію металла они раздѣляются на серебрянные и мѣдные.

Идущія по юго-западной, восточной и сѣверо-восточной частямъ Алтая сплошныя массы горъ также богаты драгоцѣнными металлами, не говоря уже о желѣзной рудѣ, встрѣчающейся почти повсюду; вездѣ видны и слѣды мѣди и золотоносныхъ розсыпей, гнѣздящихся большею частью у подошевъ горъ — въ особенности сланцевыхъ —, что представляетъ золотопромышленникамъ удобства для ихъ разработки.

Въ особенности оригинальныя геологическія образованія встрѣчаются въ горахъ юго-запада; здѣсь горы представляютъ весьма разнообразное сочетаніе цвѣтовъ: одни изъ этихъ утесовъ совершенно красные, другіе желтые, темнозеленые и, наконецъ, черные, какъ базальтъ; въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ они выдаются въ видѣ лентъ, образуемыхъ полосами кварца.

Изъ всѣхъ горъ Алтайскаго края „Бѣлуха“ — какъ мы уже сказали — самая высокая. Горная порода, изъ которой состоитъ этотъ великанъ и прочіе окружающіе его пригорки есть зеленоватый сланецъ, легко вывѣтривающійся. Взо-

браться на самую вершину этой горы не представляется никакой возможности, потому что она заканчивается двумя конусообразными рогами, поднимающимися на бокахъ ея на высоту 800—1000 футовъ и по большей части покрытыми сплошнымъ льдомъ; только кое-гдѣ проглядываютъ гладкіе утесы сланца. Между этими громадными рогами находится весьма значительной величины ледникъ, который къ западу спускается въ мрачную пропасть.

Также обращаютъ на себя вниманіе отроги Алтайскаго хребта, идущіе по правому берегу Иртыша, гдѣ они подходятъ къ самой поверхности рѣки и, круто опускаясь въ воду, образуютъ группы утесовъ, представляющія самые фантастическіе виды.

Рѣдко встрѣчаются и такія геологическія образованія, какія представляютъ горы, окружающія Телецкое озеро. Съ обѣихъ сторонъ ущелья, вмѣщающаго въ себѣ это громадное озеро, возвышаются красные, громадные, идущіе стѣнами утесы, за ними слѣдуютъ сплошныя наслоенія сланца, поднимающіеся тоже на 500—700 фут.; послѣднія совершенно разлагаются и видимо уже утратили всякую связность, почему безпрестанно и обрушиваются. Вообще всё здѣсь въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ, а въ общемъ — мѣстность эта необыкновенно величественна.

Что же касается до живописной красоты рѣки Чулышмана и мѣстностей вокругъ ея устья, то она представляетъ виды, которымъ нѣтъ нигдѣ подобныхъ.

Въ западномъ Алтаѣ — съ геогностической точки зрѣнія — главныя составныя части суть: гранитъ и грюнштейнъ. Эти геологическія породы смѣняютъ здѣсь одна другую въ довольно равномѣрной послѣдовательности и мѣстами какъ будто вытѣсняютъ другъ друга. — Къ подчиненнымъ породамъ грюнштейна относятся различные зеленые сланцы, также — глинистый кварцъ и яшмовый слой, а къ таковымъ-же видамъ гранита — порфиръ и роговикъ. Тамъ, гдѣ гранитъ и грюн-

штейнъ соприкасаются, обыкновенно встрѣчается кварцъ, порфировый роговикъ и даже известнякъ, содержащіе въ своихъ трещинахъ, жилкахъ и гнѣздахъ металлическіе минералы, а въ особенности мѣдь, серебро и свинецъ.

Въ заключеніе скажемъ, что хотя нѣкоторые породы — въ особенности кварцъ — встрѣчаются и во многихъ мѣстностяхъ западной Европы, но Алтай тѣмъ не менѣе — какъ и видно изъ сего очерка — имѣетъ много геологическихъ особенностей, исключительно ему только свойственныхъ.

Резюмируя все сказанное о горахъ Алтая, увидимъ, что вся группа Алтайскихъ горъ, сравнительно съ остальными гористыми странами свѣта, представляетъ слѣдующія особенности:

1) нигдѣ не встрѣчается такого большаго сплошнаго горнаго пространства, какъ на Алтаѣ;

2) нигдѣ видъ горнаго пространства не представляетъ такой грандіозности и въ тоже время такого разнообразія, какъ въ общихъ очертаніяхъ, такъ и въ смѣшеніи различныхъ формъ и всевозможныхъ формацій;

3) нигдѣ горы одной и той же групны, въ извѣстномъ данномъ раіонѣ, не содержатъ въ себѣ такихъ громадныхъ запасовъ всевозможныхъ металловъ и разнообразнѣйшихъ минеральныхъ богатствъ;

4) нигдѣ, наконецъ, не существуютъ при нихъ же, какъ здѣсь, всѣ необходимыя средства для разработки и столько удобствъ для обитаемости прилегающихъ къ нимъ мѣстъ, какъ-то: такой плодородной почвы, такого изобилія воды и горючихъ матеріаловъ.

Всѣ путешествующіе по этому краю, какъ ученые, такъ и торговцы, чиновники и случайные проѣзжіе, всѣ наталкиваются здѣсь на богатыя металлоносныя руды, никому до того неизвѣстныя, а также и на драгоцѣнныя минеральныя мѣсторожденія.

Алтайскія степи, какъ мы уже упоминали, ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнивать ни съ африканскими пустынями, ни

съ американскими преріями. Степи эти представляютъ плоскіе, далеко простирающіеся ряды холмовъ гранитнаго камня, коегдѣ перемежающагося другими каменными породами. На гребняхъ этихъ холмовъ нерѣдко попадаются обломки гранитныхъ скалъ.

Рѣки и озера.

Всѣ рѣки, орошающія Горный Округъ, принадлежатъ къ двумъ системамъ: Иртышской и Обской; исключеніе составляютъ рѣчки въ степной половинѣ Округа, которыя берутъ начало изъ ключей и впадаютъ въ озера.

Обь составляется изъ двухъ рѣкъ: Біи и Катуни, соединяющихся у г. Бійска въ одно русло. Въ нее впадаютъ (собственно въ Горномъ Округѣ): Чарышъ, Алей, Барнаулка, Чумышъ и многія другія — въ томъ числѣ и Иртышъ, выходящій изъ Китайской Монголіи и, въ свою очередь, принимающій (въ Горномъ же Округѣ): Бухторму, Ульбу, Убу и Шульбу. Изъ множества степныхъ рѣкъ замѣчательны по величинѣ: Бурла, Карасукъ и Кулунда.

Рѣки эти текутъ въ большинствѣ случаевъ среди живописныхъ зеленыхъ береговъ, обрамленныхъ съ обѣихъ сторонъ утесами, изъ коихъ нѣкоторые поднимаются совершенно отвѣсно до высоты 1000 футъ. Кромѣ того эти рѣки, при впаденіи своемъ въ озера, по теченію своему образуютъ множество шумныхъ водопадовъ, такъ что ревъ, производимый паденіемъ этихъ массъ воды, до того громокъ, что его можно слышать на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Вообще, что касается до живописной красоты, какъ самихъ рѣкъ, такъ и мѣстностей, окружающихъ ихъ, то, по отзывамъ путешественниковъ, во всей Европѣ немного подобнаго. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи извивающаяся какъ змѣя рѣка Чулышманъ — изъ рѣкъ Телецкаго (Золотаго) озера — съ ея водопадами и рукавами. Виды на ней до того дики и гран-

діозны, что стоило бы совершить особое путешествіе, ради одной этой рѣки.

Рѣка Обь раздѣляетъ Горный Округъ на двѣ половины, изъ коихъ восточная, или правая называется — по проходящему тамъ кряжу горъ — Салаирскимъ Краемъ, а другая, съ лѣвой стороны Оби — Змѣиногорскимъ Краемъ, по имени Змѣиногорскаго рудника, древнѣйшаго и нѣкогда богатѣйшаго въ этомъ краѣ.

Рѣки горной части Алтайскаго Округа, за исключеніемъ немногихъ изъ нихъ, текутъ только весною, въ началѣ же лѣта, переполняясь водами отъ таянія снѣговъ, онѣ или широко разливаются, или образуютъ столь быстрые потоки, что всякая переправа черезъ нихъ дѣлается временно невозможною.

Главныя изъ озеръ: Колыванское и Бѣлое, оба недалеко отъ Колыванской шлифовальной фабрики; затѣмъ — Телецкое (Алтынъ-Куль, или Золотое озеро), въ Бійскомъ Округѣ, и, наконецъ, въ степной части: Топольныя и Кулундинскія озера.

Колыванское озеро, несмотря на свой незначительный объемъ, пользуется большою извѣстностью, благодаря красотѣ своихъ береговъ и окрестностей. На сѣверномъ, а еще болѣе на восточномъ берегу этого озера, имѣющаго видъ почти круга, возвышаются гранитные утесы весьма странныхъ формъ — высотою, на южной сторонѣ, до 700 ф.

Телецкое озеро рѣдко кѣмъ посѣщается, какъ потому, что и путь къ нему едва доступенъ, такъ и вслѣдствіе частыхъ бурь на немъ и крутыхъ утесистыхъ береговъ его, которые дѣлаютъ плаваніе по немъ весьма опаснымъ. Телецкое озеро наполняетъ водами своими огромную котловину среди Алтайскихъ горъ, имѣющую около 95 верстъ въ длину и отъ $3^{хъ}_{=}$ до $20^{ти}_{=}$ верстъ въ ширину. Глубина его мѣстами 2 тысячи футовъ и болѣе. Покрытыя снѣгами вершины и гребни горъ, окружающіе его со всѣхъ сторонъ, поднимаются на 10,000 фут. и болѣе надъ уровнемъ моря и картинно отражаются въ темно-синихъ водахъ этого озера.

Климатъ.

Климатъ Алтая особенно замѣчателенъ крайнею рѣзкостью перехода отъ сильнѣйшихъ зимнихъ холодовъ къ чрезвычайнымъ лѣтнимъ жарамъ. При одномъ поверхностномъ взглядѣ на карту Азіи видно, что само географическое положеніе Алтая вызываетъ эту климатическую особенность: горы тянутся здѣсь отъ юго-запада на сѣверо-востокъ и, будучи окружены степями, даютъ свободный доступъ холоднымъ сѣвернымъ вѣтрамъ; между тѣмъ отъ теплыхъ южныхъ странъ Алтай совершенно отрѣзанъ горами Китая и возвышенностями Средней Азіи, вслѣдствіе чего теплые вѣтры до него не достигаютъ; отдаленность этого края отъ моря тоже вліяетъ на его климатъ. Очевидно, что именно это географическое положеніе Алтая и составляетъ причину его климатическихъ особенностей.

Едва-ли найдутся въ Европѣ мѣстности, въ которыхъ встрѣчалась-бы такая-же разница между среднею температурой лѣта и зимы, какъ на Алтаѣ; вслѣдствіе рѣзкаго перехода отъ тепла къ холоду и обратно весна и осень не выдерживаютъ здѣсь своего времени, а потому всѣ тѣ процессы въ царствѣ растительномъ, что въ Европѣ требуютъ мѣсяцевъ, совершаются здѣсь въ нѣсколько недѣль.

Вѣтры на Алтаѣ хотя и преобладаютъ юго-западные, но они не вліяютъ здѣсь такъ благотворно на жизнь органическую, какъ въ Европѣ, гдѣ, вслѣдствіе близости Океана, эти вѣтры влажнѣе.

Изъ наблюденій существующей въ г. Барнаулѣ съ 1838 года метеорологической обсерваторіи, слѣдуетъ, что средняя температура года въ городѣ Барнаулѣ = 0,0° R., а средняя температура зимы — 16,3° R., причемъ зимніе морозы иногда доходятъ до — 40,0° R. и даже болѣе. Сопоставляя эти данныя съ таковыми же въ городахъ Орлѣ и Варшавѣ — находящихся почти подъ одною широтой съ г. Барнауломъ, и средняя температура которыхъ слѣдующая: въ Орлѣ: + 3,0° R.,

а въ Варшавѣ: + 5,9° R.; средняя же температура зимой въ Варшавѣ: — 3,5° R. — мы увидимъ, что теплыхъ мѣсяцевъ въ Алтайскомъ краѣ бываетъ менѣе, чѣмъ при той-же широтѣ въ Европѣ.

Западная часть Алтайскаго Округа отличается еще болѣе суровою зимою и еще болѣе быстрымъ переходомъ отъ зимы къ лѣту и обратно.

Несмотря однако на вышеуказанныя климатическія неблагопріятныя особенности этого края, степная, лѣсная и альпійская флоры на Алтаѣ доходятъ: 1ая — до 1000 футовъ высоты, 2ая — отъ 1000 до 4000 футовъ, а 3ая идетъ до снѣговой линіи, т. е., до 7000 футовъ надъ уровнемъ моря, — слѣдовательно крайнія границы всѣхъ трехъ флоръ почти тѣ-же, какъ и въ прочихъ странахъ, при той же широтѣ. Этотъ фактъ, въ виду сказанныхъ выше географическо-климатическихъ не вполнѣ благопріятныхъ условій объясняется необыкновенною плодородностью самой почвы.

Въ противоположность зимнему холоду, лѣтнія жары — какъ мы уже сказали — здѣсь бываютъ чрезмѣрны: они доходятъ до 40° R., лѣтомъ. Въ открытыхъ степяхъ и пустыняхъ глина и пески раскаляются лучами солнца до того, что пекутся въ нихъ яйца, и что къ нагрѣтымъ солнцемъ металлическимъ вещамъ голыми руками нельзя и прикасаться. Явленіе это происходитъ отъ недостатка въ степныхъ пространствахъ Алтая воды и лѣсовъ.

Общая характеристика временъ года на Алтаѣ такова: весна — кратковременна, лѣто — сухо и жарко, осень — дождлива, а зима — холодна.

Несмотря однакоже на всѣ эти крайности, климатъ Алтая вообще здоровъ, и воздухъ необыкновенно прозраченъ и чистъ.

Снѣжныя мятели, или бураны, бываютъ здѣсь невѣроятно сильны: онѣ заносятъ сугробами людскія жилища, застилая иногда цѣлыя деревни съ дворами, улицами и крышами до-

мовъ, превращая ихъ въ гладкую снѣговую равнину, изъ подъ которой, по минованіи бурана, приходится выгребаться. Бураны эти не рѣдко опрокидываютъ деревья и умерщвляютъ не только домашній скотъ, но и людей; налетаютъ-же они такъ скоро и неожиданно, что путешественникъ не успѣваетъ и приготовиться къ защитѣ. Когда путешественника въ дорогѣ застигаетъ буранъ, лучшее средство — немедленно остановиться и дать себя покрыть снѣгомъ, подъ которымъ и выжидать окончанія бурана, а затѣмъ уже выбираться изъ сугробовъ и, если можно, продолжать путь, а — нѣтъ, то ожидать помощи отъ другихъ проѣзжающихъ, или отъ разъѣзжихъ, иногда — но, къ сожалѣнію, не всегда! — высылающихся для развѣдокъ послѣ сильныхъ бурановъ. Торопясь-же въ такое время достигнуть какого нибудь жилища, путешественникъ подвергается опасности сбиться съ дороги и не быть найденнымъ.

Что касается лѣтнихъ степныхъ бурановъ, то слѣдуетъ замѣтить, что они составляютъ одно изъ величайшихъ бѣдствій тамошнихъ жителей и всѣхъ сосѣднихъ мѣстностей. Кажется, что въ нихъ-то именно и кроется причина того, что обширныя плоскости нагорной Азіи и прилегающіе къ нимъ скаты горъ лишены лѣсной растительности. Въ жаркое время года ураганы эти, проносясь надъ песчаными равнинами, вздымаютъ цѣлыя облака песку, степныхъ растеній и пыли и, навѣвая паническій страхъ на людей и на животныхъ, разгоняютъ цѣлыя стада послѣднихъ во всѣ стороны (отъ изнеможенія животныя часто падаютъ за-мертво).

Для опытнаго наблюдателя примѣтою шествія такого бурана служитъ показывающееся на дальнемъ горизонтѣ, особенной формы облако и доносящійся издали шумъ, подобный сильному плеску морскихъ волнъ. Въ такомъ случаѣ лучшимъ убѣжищемъ обыкновенно служатъ углубленія долинъ.

Не менѣе опасны для путника въ Алтайскихъ горахъ туманы и гро́зы. Гроза здѣсь приближается съ такою же

быстротою, какъ и буранъ: не успѣешь опомниться, какъ уже нависнутъ со всѣхъ сторонъ густыя черныя тучи и покроютъ собою все окружающее; затѣмъ начинается свистъ и вой бури, и порывистые вихри, вырываясь съ ревомъ изъ ущелій, швыряютъ почти подъ облака цѣлыя массы изломанныхъ вѣтвей сосенъ и лиственницъ; наконецъ разыгравшаяся непогода разражается проливнымъ дождемъ или крупнымъ градомъ; ослѣпительныя молніи сверкаютъ такъ часто, что образуютъ какъ-бы сплошной огненный потокъ; непосредственно за этимъ слѣдуетъ рядъ сильнѣйшихъ ударовъ грома, потрясающихъ всю окрестность. Этотъ хаосъ, при яркомъ блескѣ, страшномъ грохотѣ и визгѣ, при дождѣ или градѣ, съ несущимися въ воздухѣ листьями, вѣтвями и цѣлыми кустами, продолжается иногда по нѣсколько часовъ сряду.

Относительно тумановъ, не рѣдко повторяющихся въ здѣшнихъ горахъ, слѣдуетъ замѣтить, что они бываютъ иногда такъ непроницаемы, что за шагъ, за два не видно человѣка.

Естественныя богатства.

Произведенія земли Алтайскаго Округа, какъ и вездѣ, различны, смотря по условіямъ мѣстности отдѣльныхъ его частей: одни свойственны только горной, а другія степной половинѣ; такъ, наприм., въ юго-западной части арбузы и дыни зрѣютъ на открытомъ воздухѣ, между тѣмъ какъ въ сѣверо-восточной они разводятся только въ немногихъ мѣстахъ и требуютъ особаго ухода. Во всякомъ случаѣ естественныя произведенія Алтайскаго Округа весьма разнообразны и богаты: довольно указать, что есть всѣ, которыя необходимы для личнаго потребленія человѣка или составляютъ предметы промышленности и торговли.

Постараемся по возможности перечислить эти произведенія.

a) Горное богатство.

Нѣдра Алтайскихъ горъ заключаютъ въ себѣ: изъ *металловъ* — золото, химически соединенное съ другими металлами (въ рудахъ), и чистое (въ розсыпяхъ); серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо и другіе; изъ *камней* — разновидныя яшмы, порфиръ, мраморъ, гранитъ, агаты, аквамарины, топазы, горный хрусталь, известнякъ, точильный камень, слюды, брекчій, алебастръ, каменный уголь, горючую сѣру, каменную соль и проч. Степныя же озера замѣчательны неисчерпаемыми богатствами самосадочной поваренной соли, слабительною магнезіей и содою.

b) Растительность.

Изъ *деревьевъ* въ Горномъ Округѣ ростутъ: кедръ, сосна пихта, ель, лиственница, верескъ, тополь, осина, ветла, береза жимолость, акація, черемуха, рябина и проч.; изъ *кустарниковъ:* ежевика, малина, шиповникъ, крыжовникъ и другія; изъ *ягодъ:* клубника, земляника, костеника, брусника, клюква, черника и т. д.; множество *лекарственныхъ и цвѣточныхъ растеній* (въ томъ числѣ въ изобиліи ревень), разнаго рода дикій лукъ: степной, луговой и горный; изъ *культурныхъ* растеній: пенька ленъ, табакъ и хмѣль; изъ *хлѣбныхъ злаковъ* земля тамъ производитъ, при посредствѣ человѣка, всѣ роды, а также два особыхъ вида пшеницы: *китайскую* и *теремковую*, изъ которыхъ первая отличается бѣлизною и величиною зерна, а послѣдняя — формою колоса. Въ округѣ произростаютъ также всѣ роды *огородныхъ овощей.*

Фруктовыхъ деревьевъ въ Алтайскомъ Округѣ по настоящее время еще мало, хотя почва земли здѣсь почти всюду плодородна и климатъ, при всей указанной выше рѣзкости въ переходахъ временъ года, постояненъ и соотвѣтствуетъ таковому южныхъ губерній Европейской Россіи; здѣсь, также какъ и тамъ, дозрѣваютъ на открытомъ воздухѣ дикіе персики, разныхъ сортовъ арбузы и дыни, а въ Семипалатинскѣ,

находящемся въ южной полосѣ Алтайскаго Округа, — и виноградъ. Виноградныя лозы изъ Кульджи, Чугачака и Ташкента, вывезенныя сюда Коммерціи Совѣтникомъ С. И. Поповымъ, основателемъ горнаго промысла въ Киргизской степи, размножаются здѣсь успѣшно.

Палласъ и другіе ботаники открыли на Алтаѣ множество и неизвѣстныхъ до того времени растеній.

Такъ какъ главное растительное богатство Алтая составляютъ лѣса, то мы позволимъ себѣ еще нѣсколько словъ о нихъ.

Почти всѣ отлогіе склоны горъ Алтая покрыты совершенно густымъ и высокимъ лѣсомъ, въ числѣ породъ котораго попадаются и кедры такихъ огромныхъ размѣровъ, что, въ сравненіи съ ними, всѣ остальныя деревья кажутся карликами. Есть на этихъ склонахъ и такія мѣста, въ которыхъ порода кедра „Pinus cembra“ составляетъ и сплошной лѣсъ. У подножья горъ преобладаетъ сосна, въ высшихъ же раіонахъ ея нѣтъ, а вмѣсто нея являются пихтовые лѣса, рядомъ съ которыми ростетъ особая порода сибирской пихты (Pinus sibirica), которая на высотѣ 4000 футъ и выше становится въ свою очередь преобладающею. Всѣ лѣса постепенно рѣдѣютъ по мѣрѣ увеличенія высоты мѣстности, которую каждая порода захватила. На вышинѣ отъ 6000—6500 футъ надъ уровнемъ моря лѣса совершенно уже изчезаютъ.

Грунтъ подъ здѣшними лѣсами покрытъ большей частью обломками скалъ и буреломомъ.

Хвойная порода не имѣетъ здѣсь глубоко проникающихъ въ почву корней: они, напротивъ, разстилаются на здѣшнемъ грунтѣ преимущественно поверхностно, обхватывая каменья — чѣмъ только и достигается ими устойчивость.

Пихтовые лѣса даже и на значительной высотѣ отличаются замѣчательною густотою, но зато почва вся совсѣмъ обнажена и трава на ней уже не ростетъ. Въ другихъ же лѣсахъ, которые менѣе густы, ростетъ и роскошная, высокая трава, достигающая даже до головы всадника.

По берегамъ степныхъ рѣчекъ ростутъ: береза, осина, сибирскіе бальзамовые тополи и ива. Нѣкоторые виды ивы и березы попадаются и на вершинахъ горъ, выше хвойныхъ лѣсовъ.

с) Животныя.

Произведенія царства животнаго суть тѣ-же, какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири.

Изъ *дикихъ звѣрей* въ Горномъ Округѣ водятся: медвѣди — бурые и черные —, волки, лисицы, соболи, куницы, горностаи, бѣлки, хорьки, сурки, зайцы, барсуки, выдры, рыси, кабаны; въ горахъ: лоси, моралы, сайга, кабарга, дикій баранъ и проч.; въ южную часть Округа забѣгаютъ изъ-за Иртыша и тигры. Изъ *домашнйхъ животныхъ* разводятся: лошади, рогатый скотъ, овцы, козы и верблюды (послѣдніе у киргизовъ).

Изъ *птицъ* встрѣчаются во множествѣ *дикія:* тетерева, куропатки, рябчики, дрохвы, журавли, разнаго рода кулики, лебеди, гуси, пеликаны, множество утокъ и бакланы; изъ *хищныхъ* водятся: орлы, беркуты, ястреба, коршуны и др.; а изъ *домашнихъ* —: куры, гуси, утки и въ немногихъ мѣстахъ индѣйки.

Рѣки и озера изобилуютъ *рыбою;* водятся: осетръ, стерлядь, нельма, таймень, харьюсъ, ускучъ (родъ небольшой форели) моксунъ, щука, окунь, ершъ, пискарь, чебакъ, карась и — въ Телецкомъ озерѣ — сельди, знаменитыя по своей величинѣ и особенно пріятному вкусу.

Отдѣлъ *полезныхъ насѣкомыхъ* весьма обширенъ, и изъ нихъ болѣе замѣчательны: кошениль, шпанскія мухи и пчелы, разведенныя съ 1795 года.

Народонаселеніе.

Народонаселеніе Алтайскаго Горнаго Округа, въ настоящее время, состоитъ приблизительно изъ 400,000 душъ обоего

пола. Въ этнографическомъ отношеніи оно раздѣляется: на русское и монголо-тюркское;*) а по сословіямъ — на: а) духовенство, б) дворянъ — потомственныхъ и личныхъ —, в) купцовъ и мѣщанъ, г) нижнихъ чиновъ и мастеровыхъ горнаго вѣдомства, д) приписныхъ къ заводамъ крестьянъ (нынѣ губернскаго вѣдомства), е) линейныхъ казаковъ, ж) линейныхъ солдатъ Сибирскихъ баталіоновъ и з) инородцевъ, къ которымъ принадлежатъ обитающіе въ Алтайскихъ горахъ: ясачные калмыки, телеуты, татары и кочующіе въ степной половинѣ Горнаго Округа киргизъ-кайсаки.

Главную часть народонаселенія составляютъ крестьяне и мастеровые, бывшіе приписными къ заводамъ. Первыхъ (считая одинъ мужескій полъ) состояло: при Демидовѣ — 3121 душа; въ 1747 году, съ приписанными вновь, — 10,935; въ 1761 г. — 23,758, а при послѣдней, 9-й, ревизіи — 137,043. Нижнихъ чиновъ, по послѣдней, 9-й, ревизіи, было 34,000. Всё вообще народонаселеніе Алтайскаго Округа, состоявшее въ 1870-тыхъ годахъ въ вѣденіи Горнаго вѣдомства, составляло 342,000 душъ обоего пола. Оно, какъ было упомянуто, образовалось изъ переселенцевъ, преимущественно изъ сѣверо-восточныхъ областей Имперіи, добровольно оттуда вышедшихъ и — небольшой только $^{0}/_{0}$ — изъ переведенныхъ правительствомъ.

Ссыльныхъ, Сенатскимъ указомъ отъ 4-го Марта 1754 года, уже воспрещено было водворять въ Горномъ Округѣ — какъ находящемся близъ Дзюнгарской границы.

Жители Алтайскаго Округа говорятъ великорусскимъ или новгородскимъ нарѣчіемъ, изобилующимъ словами лѣтописей, уже забытыми въ другихъ мѣстахъ. Они имѣютъ тотъ же обликъ, цвѣтъ лица и волосъ, что и великоруссы.

*) Инородцы принадлежатъ здѣсь къ двумъ племенамъ: монгольскому и турецкому, населявшимъ прежде среднюю и сѣверную части азіятскаго материка, и обитаютъ въ Кузнецкомъ и Бійскомъ округахъ.

Потомки турокъ называются здѣсь кузнецкими татарами, а потомки монголовъ — калмыками.

Религія.

Русскіе принадлежатъ или къ православной вѣрѣ или къ старообрядческимъ толкамъ. Раскольниковъ считалось 30,000, а число различныхъ сектантовъ — съ самыми превратными о религіи понятіями — еще превышало эту цыфру.

Инородцы большею частью язычники; вѣра ихъ — шаманская, основанная на изустныхъ преданіяхъ, и состоитъ въ поклоненіи духамъ, владычествующимъ надъ стихіями, горами рѣками, озерами и надъ всѣми замѣчательными чѣмъ либо урочищами; она представляетъ искаженные остатки языческаго Шакіамунистскаго ученія. Храмовъ и особаго духовнаго сословія они не имѣютъ.

Народные нравы и обычаи.

Мы можемъ дать, къ сожалѣнію, только нѣсколько краткихъ свѣдѣній о нравахъ и обычаяхъ мѣстнаго великорусскаго населенія.

Здѣшніе великороссы въ семейной жизни соблюдаютъ многіе древніе обычаи, частью оставшіеся еще отъ временъ язычества. Сохраненію этихъ обычаевъ способствуетъ отдаленность Алтайскаго края отъ другихъ мѣстъ и рѣдкія отлучки жителей кудабы то ни было, такъ какъ всё необходимые для нихъ они имѣютъ у себя дома. Крестьянинъ россійскихъ губерній не можетъ прокормить себя съ семьею безъ работъ вдали отъ своего села и во время этихъ продолжительныхъ отлучекъ, соприкасаясь въ городахъ и столицахъ съ посторонними, болѣе развитыми людьми, онъ полируется и возвращается домой съ новыми свѣдѣніями и понятіями — на Алтаѣ же этого нѣтъ!*)

*) До извѣстной степени исключеніе составляетъ заводской мастеровой: онъ выдѣляется нѣсколько изъ общаго уровня — къ сожалѣнію, не во всемъ къ чести своей. Хотя заводскіе мастеровые и вышли изъ сословія приписныхъ крестьянъ, но отличаются отъ послѣднихъ такъ-же, какъ отличается солдатъ изъ кантонистовъ отъ солдата изъ рекрутъ: знакомясь съ дѣтскихъ лѣтъ, при гор-

Не мало привязываетъ алтайскаго крестьянина къ осѣдлой жизни и внѣшняя сторона природы тамошняго края, а также и особыя условія тамошняго семейнаго и общественнаго быта, весьма мало похожаго на бытъ простаго народа въ другихъ мѣстахъ.

Изъ числа древнихъ обычаевъ, сохранившихся въ Алтайскомъ Округѣ, замѣчательны свадебные обряды и игры, имѣвшіе прежде особенное значеніе въ семейной жизни, теперь-же принадлежащія только къ числу народныхъ забавъ и воспоминаній о былинахъ стараго времени.

До сихъ поръ еще водится на Алтаѣ, существующій впрочемъ и за Дунаемъ, у южныхъ славянъ, обычай похищенія (умыканія) дѣвицъ въ супружество, (о которомъ упоминаетъ и преподобный Несторъ въ своей лѣтописи, говоря о нравахъ нашихъ предковъ). Обычай этотъ, проистекавшій въ древнее время изъ враждебныхъ отношеній одного рода къ другому, основывается и здѣсь въ настоящее время или на семейной враждѣ, или просто на несогласіи — по какимъ либо причинамъ — родителей дѣвушки добровольно выдать дочь за избраннаго ею человѣка.

Есть здѣсь еще одинъ древній обычай „побратимства“, состоящій въ томъ, что извѣстныя лица, крѣпко подружившись, даютъ обѣтъ любить другъ друга, какъ братья, и оказывать другъ другу взаимную помощь и услуги, послѣ чего и назы-

---

номъ и плавильномъ дѣлѣ или другихъ занятіяхъ заводскаго хозяйства, со многими, неизвѣстными въ крестьянскомъ быту предметами, равно какъ и вслѣдствіе дисциплины и разнообразныхъ сношеній съ начальствомъ и лицами другихъ сословій, они, соотвѣтственно, гораздо болѣе развиты, находчивы и смѣтливы. Смышленность ихъ, свойственная впрочемъ и всему русскому населенію Алтайскаго Округа, не разъ была замѣчена и путешественниками. Что касается нравственности, то мастеровой во всякомъ случаѣ стоитъ ниже крестьянина. Впрочемъ старожилы находятъ, что учрежденное въ Барнаулѣ воспитательное женское заведеніе въ свое время нѣсколько повысило нравственный уровень (въ пользу этой послѣдней радостной перемѣны говоритъ, къ счастію, и замѣченное тогда же уменьшеніе всякаго рода преступленій, какъ противу-религіозныхъ, такъ и противу-общественныхъ).

ваются *крестовыми братьями* или *сестрами*. Обычай этотъ перешелъ сюда изъ Греціи, гдѣ онъ извѣстенъ былъ въ первые времена христіанства подъ именемъ *духовнаго братства*. Заключившіе его, послѣ обоюдной клятвы, считались братьями.

Жители Алтайскаго Округа отличаются находчивостью, молодечествомъ, удалью, а равно и ловкостью въ извѣстной только въ Сибири гимнастической игрѣ „борьбѣ съ-носка“, требующей отъ борца не столько силы, сколько ловкости; затѣмъ еще — въ пальбѣ и еще въ игрѣ, заключающейся въ постройкѣ городовъ изъ снѣгу, которые потомъ, на маслянницѣ, въ „прощенный день“, послѣ обѣда, берутся приступомъ. Алтайцы вообще хорошіе всадники, и изъ нихъ въ короткое время легко было бы образовать хорошую конницу.

Какъ естественное послѣдствіе такихъ нравовъ, обычаевъ и наклонностей, слившихся въ одно цѣлое, проявляется здѣсь въ народномъ характерѣ общее сочувствіе ко всякому поступку, выражающему физическое или нравственное превосходство, достоинство человѣка, равно какъ и ко всякому самоотверженію. Изъ тѣхъ-же началъ проистекаетъ и любовь къ преданіямъ и пѣснямъ, изустно переходящимъ изъ рода въ родъ. — Не менѣе замѣчательны въ жителяхъ Алтайскаго Округа гостепріимство и патріархальность домашняго быта, особенно въ сословіи крестьянъ. Проѣзжающій — въ какую-бы пору это ни было — повсюду принимается, какъ желанный гость. Обычай требованія нріюта или ночлега выражается въ томъ, что проѣзжающій, желая у кого либо остановиться, подходитъ къ красному окну (что въ переднемъ углу) и громко говоритъ: „Богъ въ помощь!“ и, если получитъ отвѣтъ „Добро жаловать!“, продолжаетъ: „Господинъ хозяинъ, пустите постоять!“ — послѣ чего ему опять повторяется то же „Добро жаловать!“ и отворяется дверь.

Крестьянское семейство, состоящее изъ нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ, живетъ вмѣстѣ, обыкновенно съ отцомъ или

со старикомъ дѣдомъ. Дѣти оказываютъ безусловное повиновеніе и уваженіе къ родителямъ и къ старшимъ въ семьѣ.

Затѣмъ существуетъ еще обычай „дѣлать помочи", т. е., оказывать общую помощь запоздавшимъ въ полевыхъ работахъ, для чего обыкновенно выбираются праздничные дни.

Населенныя мѣста.

Въ Алтайскомъ Горномъ Округѣ находится: городовъ четыре, а именно: Барнаулъ, мѣсто Главнаго Горнаго Управленія, Бійскъ, Кузнецкъ и Колывань; крѣпостей 5; козачьихъ форностовъ 9; редутовъ 22; селеній при заводахъ 8 и при рудникахъ до 90; деревень до 1300.

Барнаулъ — бывшій главнымъ заводскимъ селеніемъ, а съ 1822го года переименованный въ окружной городъ — планировался начальникомъ заводовъ Фроловымъ. Настоящій планъ этого города былъ Высочайше утвержденъ еще 30 лѣтъ ранѣе.

Жилища и зданія.

Крестьянскія избы и другія постройки здѣсь такъ-же просты, какъ и въ сѣверной Россіи. Домъ алтайскаго крестьянина, представляетъ обыкновенно продолговатый четвероугольникъ и состоитъ изъ избы и сѣней или изъ избы, сѣней и горницы; лѣсъ для постройки употребляется преимущественно сосновый, а въ нѣкоторыхъ степныхъ мѣстахъ и осиновый, тополевый и пихтовый. Наружныя стѣны досками не обшиваются. Крыши кроются дранью. Зимою нѣкоторые хозяева обкладываютъ кровлю сѣномъ или соломою. У бѣдныхъ бываютъ избы и безъ крышъ, но тогда на потолки насыпается толстый слой земли. Къ задней продольной стѣнѣ или къ боковой примыкаетъ обыкновенно дворъ для рогатаго скота. Вдали отъ домовъ находятся общіе загоны для овецъ, представляющіе открытые дворы. За деревнею — выгонъ.

Такъ какъ пахатныя поля никогда не удобряются, то скотскаго помета накопляется въ деревняхъ столько, что на улицахъ, на дворахъ и задворьяхъ образуется отъ него глубокая, непроходимая и смрадная грязь, въ которой по колѣна увязаютъ люди и животныя, а проѣздъ въ экипажахъ совершенно невозможенъ — и нерѣдко приходится жителямъ такихъ замуссоренныхъ посёлковъ только по этой причинѣ переносить всѣ свои постройки на новыя мѣста.

Эти массы скотскаго навоза могли бы служить для выдѣлки буртовой селитры, но предпринимателей на это не находится.

Заводскія и рудничныя селенія, въ которыхъ постройка домовъ не зависитъ отъ личнаго произвола каждаго изъ жителей, расположены лучше.

Въ заводскихъ селеніяхъ почти при каждомъ домѣ имѣется огородъ для разведенія овощей, необходимыхъ для собственнаго хозяйства.

На Алтаѣ чувствуется большой недостатокъ въ церквяхъ. Въ 1841^{мъ} году церквей было въ Округѣ 51, а о разныхъ общественныхъ зданіяхъ, школахъ и т. п. — и упоминать нечего.

Народное здравіе.

Въ Алтайскомъ Краю появляются чаще другихъ слѣдующія болѣзни: горячка, перемежающаяся лихорадка, чахотка — которой подвергаются преимущественно мастеровые и рабочіе люди вслѣдствіе рода своихъ занятій; въ другихъ классахъ населенія, не только въ Округѣ, но и во всей Сибири, эта болѣзнь почти не встрѣчается —, рѣдко водяныя и чаще воспалительныя болѣзни. Къ числу мѣстныхъ болѣзней принадлежитъ такъ называемая сибирская язва,*) свойственная многимъ мѣст-

*) Несмотря на то, что Императорская Академія Наукъ давно уже, а именно лѣтъ 30 тому назадъ, приглашала медиковъ изслѣдовать эту болѣзнь, она досихъ поръ еще мало изслѣдована. Мѣстные жители употребляютъ противъ нея принятое теперь и врачами средство, а именно прокалываніе появившейся опу-

ностямъ зауральскаго края; обнаруживаясь ежегодно, съ половины Іюня и до Августа, на низкихъ луговыхъ мѣстностяхъ и въ степяхъ — въ юго-западной части Горнаго Округа — и поражая сперва лошадей, потомъ — рогатый скотъ, а иногда и жителей, она дѣйствуетъ съ бо́льшею или мéньшею силою до наступленія холоднаго времени.

Медицинская часть находится, конечно, въ еще болѣе плачевномъ состояніи, чѣмъ въ областяхъ Европейской Россіи.

Промышленность и торговля.

Мѣстная промышленность раздѣляется на **казенную** и **частную**.

Предметъ **казенной промышленности** есть собственно *горное дѣло* или разработка рудныхъ мѣсторожденій, розсыпей и выплавка металловъ.

(Какъ мы сказали выше, большая часть мѣдныхъ рудниковъ разработывались уже въ глубокой древности обитавшими тамъ народами, неизвѣстнаго происхожденія, которымъ, присвоено названіе „Чуди“. Разработка эта, конечно, производилась безъ всякихъ правилъ горнаго искусства. Въ древнихъ могильныхъ курганахъ на Алтаѣ и въ другихъ мѣстахъ Сибири, находили изъ вещей преимущественно мѣдныя и золотыя. Слѣды горныхъ работъ, оставленные Чудью, указали рудныя мѣсторожденія, въ открытіи коихъ наука нисколько не участвовала. Богатые серебряные рудники: Змѣиногорскій, Крюковскій и Зыряновскій, были также найдены случайно.)

Алтайскія горы, занимающія огромное пространство, ждутъ, какъ сказано, подробнаго научнаго изслѣдованія. По поступле-

---

холи иглою или какимъ-либо другимъ острымъ орудіемъ, присыпая затѣмъ рану нашатыремъ съ табакомъ. Мы неоднократно были свидѣтелями слѣдующаго рода леченія этой болѣзни: пораженное язвою мѣсто немедленно обкусывалось кругомъ зубами чрезъ мягкую тряпку; отъ этого обкусыванія опухоль далѣе не распространялась, и струпъ потомъ отпадалъ въ видѣ воронкообразнаго стержня.

ніи Колыванскихъ заводовъ въ вѣдѣніе Кабинета Его Величества, горный промыселъ сталъ развиваться, были открыты новыя рудныя мѣсторожденія, были построены на удобныхъ для дѣйствія силою воды мѣстахъ серебро- и мѣдно-плавильные заводы: Павловскій въ 1764 г. и Сузунскій (съ бывшимъ монетнымъ дворомъ) въ 1765 г. — Для производства инструментовъ, вещей и припасовъ учредились цехи и ремесленныя заведенія, какъ-то: кузнечный, слесарный, плотничный, столярный, лѣсопильный, кирпичный, салотопенный, кожевенный и друг. Для избѣжанія дороговизны доставки изъ отдаленныхъ мѣстъ необходимыхъ предметовъ были устроены заводы: стекляный въ Барнаулѣ и канатный въ Гурьевскѣ. Стекляный заводъ приготовляетъ потребную для барнаульской аптеки и заводскихъ госпиталей посуду и стекла для оконъ казенныхъ зданій (но стекла низкаго достоинства), а на канатномъ заводѣ приготовляются веревки и канаты для подъёма рудъ изъ рудниковъ.

Самыя выгодныя на Алтайскихъ заводахъ производства: мѣдное, чугуно-литейное и желѣзо-дѣлательное.

До упраздненія сузунскаго монетнаго двора мѣдь шла на выплавку монеты, въ настоящее же время до 17,000 пудовъ ея отпускается въ продажу, а на заводское употребленіе идетъ только до 1000 пудовъ.

Желѣзо, за удовлетвореніемъ заводскихъ надобностей, идетъ также въ продажу.

Колыванская шлифовальная фабрика выдѣлываетъ изъ яшмы, порфира и другихъ твердыхъ горныхъ породъ колонны, чаши, вазы и разныя другія вещи, по наряду Кабинета Его Величества.

Смола, деготь и зола для заводовъ доставляются урочниками.

Также производится здѣсь при заводахъ весною и раннимъ лѣтомъ — преимущественно дѣтьми подъ надзоромъ лекарскихъ учениковъ — собираніе лекарственныхъ растеній.

Главнѣйшія отрасли **народной и частной промыш-**

ленности Алтайскаго Округа состоятъ: *въ земледѣліи, скотоводствѣ, пчеловодствѣ, звѣроловствѣ и рыбномъ промыслѣ.*

Земледѣліе составляетъ преимущественное занятіе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ и частью только мастеровыхъ и линейныхъ казаковъ. Занимается земледѣліемъ и небольшой % инородцевъ.

Тучная черноземная почва, никогда искуственно не удобряемая, щедро вознаграждаетъ земледѣльческій трудъ и, кромѣ случайныхъ, весьма рѣдкихъ, неурожаевъ, даетъ сборъ весьма обильный, круглымъ счетомъ самъ 10 — самъ 15.

Хлѣбъ сбывается: въ казну — для продовольствія служащихъ при заводахъ и рудникахъ —, на винокуренные заводы, и въ города (въ Округѣ и сосѣдніе).

Лѣтъ 30—40 тому назадъ пудъ ржаной муки продавался здѣсь на рынкахъ по 20^{тн} коп. ассигнаціями, т. е., по $5^{5}|_{7}$ коп. сер., а въ настоящее время цѣна ему уже отъ 50—60 коп. серебромъ за пудъ.

Огородничество въ этомъ краѣ состоитъ въ разведеніи огурцовъ, капусты, рѣдьки, моркови, брюквы, рѣпы и проч. и занимается имъ, собственно для себя, почти каждый хозяинъ, дома, не только въ селеніяхъ и деревняхъ, но и въ городахъ. На городскихъ и сельскихъ базарахъ продажа овощей незначительна.

Картофель здѣсь начали сажать недавно, и онъ разводится покуда преимущественно въ городахъ и заводскихъ селеніяхъ; большинство-же деревенскихъ жителей, благодаря раскольникамъ, предубѣждены противъ него, равно какъ и противъ табаку, называемыхъ послѣдними „нечистыми зельями“.

Разведеніемъ табаку — простаго, черкасскаго и американскаго — занимаются казаки и жители Бійскаго округа.

Скотоводство въ Алтайскомъ краѣ весьма развито, и дальнѣйшее его процвѣтаніе обезпечено, какъ благопріятными къ тому условіями, такъ и выгодностью самого промысла. Крестьянинъ, имѣющій 40 лошадей, не считается здѣсь богатымъ.

Лошади, даже и въ зимнее время, пасутся здѣсь въ табунахъ и почти безъ надзора. Они крѣпки и выносливы. Порода ихъ произошла изъ смѣшенія лошадей русскихъ съ калмыцкими и киргизскими.

Скотоводство у кочующихъ на степяхъ Бель-агачъ киргизовъ особенно развито, и не мало богатыхъ киргизовъ, у которыхъ ходитъ въ табунахъ отъ 2—3$^{хъ}_{=}$ тысячъ лошадей.

Вообще скотоводство, во всѣхъ его видахъ, составляетъ здѣсь самую важную по выгодности отрасль мѣстной промышленности, которою, кромѣ степныхъ инородцевъ, крестьянъ и казаковъ, охотно занимаются — хотя и въ меньшихъ размѣрахъ — и заводскіе мастеровые, а также и многіе изъ городскихъ жителей: дѣло спорится, не смотря на малый и плохой уходъ за скотомъ и дурное содержаніе его зимою.

Пчеловодство въ Алтайскомъ Округѣ было долго неизвѣстно, и первымъ, водворившимъ здѣсь эту промышленность, былъ врачъ Сибирскаго войска Беренсъ, стараніями котораго были доставлены сюда изъ Оренбургской губерніи, въ 1766—1777 годахъ, первые ульи. Но попытка эта ему не удалась, и только ульями, выписанными во второй разъ изъ Оренбурга комендантомъ Усть-Каменногорской крѣпости Аршеневскимъ, въ 1793 году, было положено начало правильному пчеловодству.

Судя по значительному привозу на Ирбитскую ярмарку сибирскаго меду и воску, надо признать, что промышленность эта привилась хорошо и оказалась прибыльною. Крестьяне, имѣющіе отъ 200—300 колодъ, теперь встрѣчаются часто. Въ 1826 г. въ одномъ Змѣиногорскомъ округѣ насчитывали до 80,000 ульевъ, а добывалось меду въ одномъ селѣ Секисовскомъ ежегодно до 3000 пудовъ; пудъ меду тогда продавался по 7—8 рублей, а пудъ воску стоилъ 35—40 рублей ассигнаціями. Съ тѣхъ поръ, кромѣ пасѣчныхъ, развелись въ Округѣ и дикія пчелы, медомъ которыхъ мѣстные жители тоже охотно пользуются.

Звѣринымъ промысломъ занимаются преимущественно алтайскіе инородцы и жители горной половины Округа. Шкурки оленьи и козьи употребляются ими преимущественно на шитье мѣстной одежды, какъ-то: малицы, парки, дахи и проч.; шкурки же моральи и мѣха медвѣжьи, бѣличьи, куньи, собольи, лисьи, песцовые и друг. поступаютъ частью въ ясачный сборъ, но больше — въ вольную продажу.

Обиліе всевозможныхъ видовъ звѣря въ здѣшнихъ громадныхъ, по большей части совершенно еще дѣвственныхъ лѣсахъ представляетъ тоже еще неисчерпанное богатство.

Рыбнымъ промысломъ занимаются весьма немногіе изъ жителей Алтайскаго Горнаго Округа, такъ что рынки и базары горнозаводскихъ городовъ и селеній не отличаются изобиліемъ этого товара, и запасы ихъ не удовлетворяютъ даже мѣстнымъ потребностямъ, несмотря на то, что протекающія по этому округу рѣки Иртышъ, Бія, Катунь и Обь и находящееся въ этомъ же округѣ Телецкое озеро съ рѣкою Чулышманомъ всѣ отличаются неимовѣрнымъ обиліемъ рыбы самыхъ разнообразныхъ, крупныхъ и мелкихъ породъ, на что, какъ на источникъ тоже еще непочатаго богатства, слѣдовало-бы обратить вниманіе.

Частныхъ фабрикъ и заводовъ для обработки естественныхъ произведеній здѣсь не много: тормозитъ развитіе этого дѣла странный законъ — ст. 1700 Горн. Уст. —, которымъ въ краѣ этомъ почему-то воспрещаются фабричныя заведенія, требующія огненнаго дѣйствія, а потому и встрѣчаются здѣсь только мыловарни, кожевни и гончарни.

Мукомольныхъ мельницъ въ Округѣ: водяныхъ до 2500, а вѣтряныхъ около 300.

Мастерствами: сапожнымъ, портняжнымъ, слесарнымъ, столярнымъ и другими, занимаются люди разныхъ сословій.

Раздѣленіе труда здѣсь тоже практикуется мало: такъ, напримѣръ, крестьянинъ самъ для себя и хату строитъ, и печь складываетъ, онъ же ладитъ себѣ сани, телѣгу, борону, соху,

грабли и прочее и, въ тоже время, самъ исполняетъ и остальныя работы по хозяйству. — Исключенія рѣдки.

Алтайскіе калмыки-двоеданцы (См. Стр. 70), киргизы и кузнецкіе татары выдѣлываютъ овчины, мерлушки и другія звѣриныя шкуры, замшу для шароваръ и войлоки для юртъ, а киргизы, сверхъ того, ткутъ армячину (для себя на армяки и на продажу).

Все остальное, именно: почти все нужное для домашняго хозяйства, не исключая металлическихъ издѣлій, краснаго товара, и проч., за недостаткомъ частныхъ ремесленныхъ и фабричныхъ заведеній, привозится сюда извнѣ — съ Ирбитской, Нижегородской и другихъ дальнихъ ярмарокъ.

Торговля жителей Алтайскаго Горнаго Округа заключается преимущественно въ продажѣ сырыхъ произведеній земледѣлія, пчеловодства, рыбнаго и звѣринаго промысловъ, но сбытъ этихъ произведеній затрудняется недостаткомъ въ сельскихъ и городскихъ ярмаркахъ, которыхъ во всемъ Округѣ только двѣ: Барнаульская и Сузунская. Главнѣйшія произведенія скупаются купцами на мѣстахъ, для чего прикащики послѣднихъ, въ извѣстныя времена года, разъѣзжаютъ по деревнямъ и селеніямъ. Рынки, называемые базарами, находятся въ каждомъ заводскомъ селеніи. На нихъ продаются преимущественно предметы первой необходимости. Для красныхъ-же товаровъ есть лавки, числомъ: въ Барнаулѣ до 50ти, въ Бійскѣ до 25, въ Колывани 8, въ Кузнецкѣ до 30ти. Изъ всѣхъ рынковъ главный — Барнаульскій, затѣмъ — Змѣиногорскій и Сузунскій, и только въ этихъ пунктахъ можно найдти и предметы роскоши.

Пути сообщенія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мѣстная торговля и промышленность могли-бы получить бо́льшее развитіе, если бы со стороны администраціи были приняты серьезныя мѣры для

благоустройства страны; теперь же, препятствуетъ этому, въ числѣ прочаго, совершенное отсутствіе торговаго пароходства, которое не существуетъ не потому, чтобы встрѣчались къ тому естественныя препятствія, а только потому, что никѣмъ еще не указана вся польза его. Громадныя рѣки Иртышъ и Обь могли-бы служить обширными водными путями; особенно послѣдняя, протекающая по срединѣ Горнаго Округа, представляетъ, со своими притоками, дешевые и удобные пути, по которымъ даже на кое-какъ сколоченныхъ лодкахъ, можно бы было сплавлять бо́льшую часть произведеній въ тѣ мѣста, куда они требуются, даже до Урала. Но судохотство во всей Сибири настолько ничтожно, что о немъ не стоитъ и говорить; тамъ нѣтъ и для легкаго водянаго сообщенія ничего кромѣ утлыхъ ладей-душегубокъ, выдалбливаемыхъ изъ тополеваго или ветловаго бревна.

Хотя на протяженіи Оби въ Алтайскомъ Горномъ Округѣ находятся только три города: Барнаулъ, Бійскъ и Колывань, но населеніе ихъ окрестностей, сравнительно, настолько густо, что ужь эти то пункты, при малѣйшемъ развитіи судоходства, могли-бы во всякомъ случаѣ сдѣлаться торговыми или по крайней мѣрѣ складочными пунктами.

Сухопутныя сообщенія между заводами и рудниками, благодаря потребности въ нихъ самому Горному Начальству, болѣе или менѣе удовлетворительны.

Ходъ развитія правительственныхъ заботъ о благосостояніи края.

Общій порядокъ управленія.

Въ составъ Алтайскаго Горнаго Округа входятъ нынѣ:

а) Заводы: Барнаульскій, Павловскій и Сузунскій — всѣ

Барнаулькаго уѣзда; Змѣевскій, Локтевскій и Колыванская шлифовальная фабрика — Бійскаго уѣзда; Гурьевскій и Гавриловскій — Кузнецкаго уѣзда.

б) Рудники: Змѣиногорскій, Петровскій, Сугатовскій, Сокольный, Зыряновскій, Березовскій, Ридерскій, Сургутановскій, Тазовскій и Бѣлоусовскій — Бійскаго уѣзда, Змѣиногорскаго края; Салаирскіе и каменноугольное мѣсторожденіе — Кузнецкаго уѣзда.

в) Золотые промысла: Царево-Маріинскій, Яковлевскій, Царево-Александровскій, Царево-Николаевскій, Судтинскій, Спасскій, Николаевскій и Егорьевскій — Кузнецкаго уѣзда.

Алтайскіе заводы, управлялись на основаніи изданныхъ въ разное время особыхъ правилъ (вошедшихъ впослѣдствіи въ „Положеніе 16го Апрѣля 1828 г.“, дополнявшееся затѣмъ по требованіямъ обстоятельствъ).

Мѣстное управленіе состояло изъ Горнаго Начальника, Горнаго Правленія и Горныхъ Конторъ съ подчиненными мѣстами и лицами.

Кромѣ спеціальной горнозаводской части на этомъ начальствѣ лежали разнообразныя административныя обязанности: по благоустройству рабочаго населенія въ заводскихъ и рудничныхъ селахъ, по учебной и медицинской частямъ и по наблюденію за частными золотыми промыслами.

Оно же дѣлало и раскладку работъ, подлежавшихъ исполненію, соразмѣрно числу душъ каждой горнозаводской волости, дальнѣйшее же распоряженіе личнымъ нарядомъ на работы предоставляло самимъ крестьянскимъ общинамъ и ихъ волостному начальству.

а) Горнозаводская часть.

По инструкціи, данной Начальнику заводовъ Качькѣ, отъ 23го Августа 1785го года, опредѣленіе размѣра годоваго дѣйствія заводовъ возлагалось на Горный Совѣтъ, составлявшійся

изъ управлявшихъ заводами офицеровъ, которые для этого собирались въ Барнаулѣ, и именно по окончаніи заводскаго года, считавшагося (какъ и понынѣ) по 1-е Марта.

По передачѣ заводовъ, въ 1830-мъ году, въ вѣдомство Министерства Финансовъ мѣстная промышленность замѣтно оживилась, какъ вслѣдствіе открытія въ томъ же году золотыхъ розсыпей въ заводскихъ дачахъ, такъ въ особенности потому, что Министерство Финансовъ тотчасъ же распорядилось командированіемъ поисковыхъ партій по Округу, отправило за границу горныхъ офицеровъ для ближайшаго ознакомленія съ новыми усовершенствованіями по горному и плавильному производствамъ, позаботилось вообще объ улучшеніи всѣхъ частей горнаго хозяйства и промышленности и за всякое новое открытіе благонадежнаго рудника назначило выдавать единовременныя награды.

Вслѣдствіе такихъ мѣръ, горный промыселъ на Алтаѣ сталъ развиваться и началъ доставлять ежегодно: изъ розсыпей — золота 36 пудовъ; изъ рудниковъ — серебра 1000 пуд. съ содержаніемъ примѣси золота до 35-ти пудовъ (золото это отдѣляется химически на петербургскомъ монетномъ дворѣ), мѣди до 18,000 пуд., чугуна до 37,000 пудъ, желѣза разныхъ сортовъ до 34,500 пудъ и свинцу до 40,500 пудъ.

По количеству выплавляемаго серебра алтайскіе заводы уступаютъ теперь одной только Австріи, во всѣхъ же остальныхъ государствахъ Европы выплавка серебра меньше алтайской. Однакожъ утѣшаться этимъ нечего. Все это успѣхи лишь относительные. Въ сущности же горная дѣятельность на Алтаѣ не можетъ выдержать ни малѣйшей строгой критики. **Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при вполнѣ раціональныхъ распоряженіяхъ — еслибъ таковыя послѣдовали! — Алтайскій Округъ могъ бы дать, по меньшей мѣрѣ, двойное количество всѣхъ вышеозначенныхъ металловъ; при дѣйствительныхъ, а не фиктивныхъ розысканіяхъ, коли-**

чество золота изъ розсыпей могло бы быть тоже, по меньшей мѣрѣ, двойное противу нынѣ добываемаго и казною, и частными золото-промышленниками (на мѣстахъ, уступленныхъ имъ отъ казны) — такъ какъ богатыхъ мѣсторожденій находится въ Алтайскомъ Округѣ еще въ десятеро болѣе, чѣмъ до сихъ поръ открыто. Но, конечно, новыя розсыпи могутъ быть открыты — навѣрное, безъ промедленій, почти въ одно время повсюду (и именно въ срокъ отъ 3—5 лѣтъ) — только при совмѣстномъ топографическомъ и геогностическомъ снятіи всего края на карту (въ масштабѣ не болѣе версты въ дюймѣ) и производствѣ самихъ изысканій. Богатства нынѣ мертволежащія въ нѣдрахъ земли, конечно, окупили бы сторицею всѣ расходы по всему этому 3хъ- или 5ти- лѣтнему труду.

Дѣйствующіе распорядки на Алтаѣ были и остаются до сихъ поръ далеко нераціональными, и если бывали цвѣтущіе періоды, такъ это были лишь періоды кратковременные, случайные. Несмотря на то что горный промыселъ составляетъ на Алтаѣ главную отрасль доходности, и отъ бо́льшаго или меньшаго его развитія зависитъ все благосостояніе края, не смотря на залегающія здѣсь въ горахъ богатства, производительность алтайскихъ горныхъ заводовъ въ теченіе вотъ уже цѣлаго полустолѣтія совсѣмъ не возрастаетъ.

Еще въ 1827 году ежегодный доходъ со всѣхъ горныхъ заводовъ простирался до одного милліона рублей. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права доходъ этотъ, вслѣдствіе вольнаго найма, палъ до 300,000 р., но этотъ убытокъ съ тѣхъ поръ отчасти пополняется крестьянскою подушною податью.

Горные заводы въ 1827хъ году доставляли: серебра 1000 пудовъ, мѣди 12,000 пудовъ и свинца 20,000 пудовъ.

Нынѣ въ теченіи годовой заводской операціи обыкновенно выплавляется на заводахъ:

Барнаульскомъ

(при 586 рабочихъ):

Золота	10	пуд.	23	фунт.	41	золотн.	31	доля.
Серебра	244	„	2	„	22	„	93	„
Лигатуры	17	пуд.	27	фунт.	33	золотн.	68	доля.
Свинцу	10674	„	30	„				

Попутно-мѣдистаго роштейна — 15467 пуд., съ содержаніемъ мѣди $12^{1}|_{4}$ фунт. въ пудѣ, (для извлеченія мѣди онъ перевозится въ Сузунскій заводъ).

Павловскомъ

(при 378 рабочихъ):

Золота	8	пуд.	1	фунт.	50	золотн.	17	дол.
Серебра	203	„	21	„	74	„	59	„
Лигатуры	16	„	16	„	21	„	20	„
Свинцу	9000	„	4	„	36	„	—	„

Попутно-мѣдистаго роштейна — 20,000 пуд., съ содержаніемъ мѣди 9 фунт. въ пудѣ, (съ тою-же цѣлью перевозится въ Сузунскій заводъ).

Локтевскомъ

(при 432 рабочихъ):

Золота	11	пуд.	20	фунт.	73	золотн.	$89^{1}|_{2}$	дол.
Серебра	270	„	14	„	58	„	$30^{1}|_{2}$	„
Лигатуры	18	„	11	„	76	„	60	„
Свинцу	8750	„	20	„	—	„	—	„

Попутно-мѣдистаго роштейна — 21,273 пуд., съ содержаніемъ мѣди 9 фунт. въ пудѣ (перевозится тоже въ Сузунскій заводъ).

Змѣевскомъ

(при 430 рабочихъ):

Золота	7	пуд.	—	фунт.	92	золотн.	90	дол.
Серебра	184	„	19	„	58	„	29	„
Лигатуры	13	„	17	„	60	„	73	„
Свинцу	11062	„	17	„	60	„	—	„

Попутно-мѣдистаго роштейна — 33,048 пуд., съ содержаніемъ мѣди 9 фунт. въ пудѣ (перевозится тоже въ Сузунскій Заводъ).

Гавриловскомъ

(при 100 рабочихъ):

Золота	0	пуд.	8	фунт.	72	золот.	12	дол.
Серебра	46	„	32	„	92	„	18	„
Лигатуры	3	„	9	„	40	„	65	„

Сузунскомъ

(при 242 рабочихъ)

Мѣди = 33,000 пуд.

Сверхъ того отливается ежегодно, для заводскихъ потребностей, разныхъ чугунныхъ вещей до 1,500 пуд.

Гурьевскомъ

(при 205 рабочихъ):

Стали	200	пуд.
Чугуна штыковаго . .	38,117	„
„ бравленнаго .	220	„

Сверхъ того выдѣлывается желѣза:

Полосоваго	5600	пуд.
Болтоваго	1900	„
Подѣлочнаго	2900	„

Бураваго	2700	пуд.
Болваночнаго	550	„
Желѣзныхъ издѣлій до	2700	„
Чугунныхъ „ „	11000	„

Ежегодная добыча разныхъ рудъ изъ нынѣ дѣйствующихъ рудниковъ Алтайскаго Горнаго Округа, въ среднемъ выводѣ, выражается въ слѣдующихъ показаніяхъ:

По всѣмъ рудникамъ Змѣиногорскаго края — при 1664 хъ рабочихъ — приготовлено рудъ:

Серебряныхъ 1,759,300 пуд., съ среднимъ содержаніемъ серебра по $2^{84}/_{96}$ золотн. (Въ числѣ этихъ рудъ значатся и руды Зыряновскаго рудника, въ количествѣ 906,000 пуд., имѣющія средняго содержанія по $4^{56}/_{96}$ золот.); *мѣдныхъ* всего 258,200 пуд., съ содержаніемъ мѣди по $3^{70}/_{96}$ фунта.

Отъ промывки кварцевъ — въ Зыряновскомъ рудникѣ — получается золота:

шлиховаго 1 пуд. 21 фунт. 10 золотн; по сплавѣ получается лигатурнаго 1 пуд. 17 фунт. 18 золот.; въ немъ содержится чистыхъ:

золота	32	фунт.	16	золот.	12	дол.
серебра	24	„	59	„	72	„

съ среднимъ содержаніемъ, изъ фунта лигатурнаго, чистыхъ:

золота	$54^1/_3$	золотн.
серебра	$41^1/_3$	„
лигатуры	$0^1/_3$	„

Отъ промывки шлиховъ въ Ридерскомъ рудникѣ, получается шлиховаго золота 14 фунт. 7 золотн. По сплавѣ получается лигатурнаго 14 фунт. 2 золотн.

Въ немъ чистыхъ:

золота	10	фунт.	7	золотн.	42	дол.
серебра .	3	„	74	„	19	„
лигатуры	0	„	16	„	35	„

съ среднимъ содержаніемъ, изъ фунта лигатурнаго, чистыхъ:

золота	69	золотн.
серебра	$25^{5}/_{6}$	„
лигатуры	$1^{1}/_{6}$	„

По Салаирскому руднику и каменноугольной копи ежегодно добывается: серебряныхъ рудъ до 497,500 пуд., съ содержаніемъ серебра въ 1 золотникъ; рудъ желѣзныхъ до 75,000 пуд.; сыраго каменнаго угля до 267,300 пуд.; изъ этого угля выжигается кокса до 104,300 пуд.

Большая часть рудниковъ была открыта нижними чинами, и только два — чиновниками Алтайскаго Горнозаводскаго Вѣдомства.

Въ первые годы разработки Змѣиногорскаго рудника, нѣкоторыя отборныя руды содержали въ пудѣ до 76ти золотн. серебра, другія-же по 42ва, 20ти, 14ти, большею же частью по 12ти золотн. Нынѣ по Алтайскимъ штатамъ среднее содержаніе серебра въ пудѣ руды того-же рудника показывается въ 1 золотникъ и 64 доли!!

По Колыванской шлифовальной фабрикѣ — при 144 рабочихъ — въ теченіи года было вырабатываемо постоянно почти одинаковое количество каменныхъ вещей изъ цвѣтныхъ горно-каменныхъ породъ: яшмы, кварца, порфира, брекчіи, и проч., — всегда по заказамъ Кабинета Его Величества и по рисункамъ, имъ же утвержденнымъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1865 году выдѣлано:

Два камина, изъ коихъ $1^{\text{ый}}_{=}$ изъ сѣро-фіолетовой яшмы, а $2^{\text{й}}_{=}$ изъ зелено-волнистой ревневской яшмы; каждый состоялъ изъ $4^{\text{хъ}}_{=}$ частей, и оцѣнены оба въ 10,400 рублей.

Прессъ-папье (змѣйка — изъ окаменѣлаго дерева на двухъ постаментахъ изъ дучатской брекчіи).

Двѣ столовыя вазочки — изъ гольцовской яшмы.

Пепельница — башмачекъ — изъ такой-же яшмы.

Ваза — изъ сѣро-фіолетовой коргонской яшмы (въ діаметрѣ $13^1/_2$ вершковъ).

Кромѣ того, къ шлифовальной фабрикѣ принадлежатъ три каменоломни съ разными цвѣтными породами, въ которыхъ въ теченіи $4^{хъ}$ лѣтнихъ мѣсяцевъ работаетъ постоянно только 25 человѣкъ въ день, добывая камни зелено-волнистой яшмы, которой въ 1865 году было выломано три куска, употребленныхъ: одинъ — на вазу и два — на камины.

На золотоносныхъ розсыпяхъ и вообще золотыхъ промыслахъ — при 750 рабочихъ — добывается золотоносныхъ песковъ ежегодно почти въ одинаковомъ количествѣ, приблизительно столько-же, какъ и во взятомъ здѣсь на выдержку 1865 году:

Золотоносныхъ песковъ добыто и промыто 68,704,167 пуд., съ содержаніемъ въ 100 пудахъ песку — $35^7/_8$ долей золота.

Изъ этого песку вымыто шлиховаго золота: 27 пуд. 17 фунт. 66 золотн. 78 дол.; получено по сплавѣ лигатурнаго: 25 пуд. 36 фунт. 24 золотн. 14 дол., въ немъ чистаго:

золота	22	пуд.	34	фунт.	29	зол.	14	дол.
серебра	2	„	37	„	37	„	10	„
лигатуры	0	„	4	„	53	„	86	„

съ среднимъ содержаніемъ изъ фунта лигатурнаго, чистыхъ:

золота	$84^{66}/_{96}$	золотник.
серебра	$10^{34}/_{96}$	„
лигатуры	$0^{42}/_{96}$	„

Такова нынѣшняя производительность Алтая — и мы повторяемъ, **что все, что на всѣмъ Алтаѣ по настоящее время открыто, изслѣдовано и разработывается — составляетъ только самую ничтожную часть сравнительно съ богатствомъ кроющимся въ его**

горахъ, которыя всѣ, имѣютъ тотъ же геологическій строй, а слѣдовательно совершенно, или хотя приблизительно, одинаковое содержаніе; но, конечно, какъ мы уже сказали, весь этотъ кладъ дастся въ руки лишь тогда, когда будетъ исполнено то, безъ чего клада этого не подымешь, а именно: только по изслѣдованіи этихъ мѣстностей и снятіи ихъ на карты — топографическую и геогностическую. Равно всѣ богатства, извлекаемыя покуда и изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ горъ, тоже, далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ грамаднымъ запасамъ ихъ, которые еще въ нихъ же сокрыты.

Что касается до настоящихъ рудниковъ, разработываемыхъ всего только сто лѣтъ, то они считаются уже истощенными. Однакоже это не вѣрно: они всѣ или засорены, или недоработаны, и если мы совѣтуемъ обращаться и къ новымъ мѣсторожденіямъ, то это только въ видахъ усиленія производства, а никакъ не по недостатку металловъ въ уже разработывающихся мѣстностяхъ.

На Алтаѣ именно то вредно, что не исчерпавши правильно какого нибудь мѣсторожденія или рудника, оставляютъ его и бросаются къ другимъ, которые, въ свою очередь, были раньше оставлены; такимъ образомъ поочередно зассоряютъ всѣ мѣсторожденія и потомъ роются въ тѣхъ же самыхъ своихъ отвалахъ. Новыхъ же изысканій и развѣдокъ, какъ уже говорилось выше, почти не дѣлается: доказательствомъ этому можетъ служить то, что, на сколько намъ извѣстно, ни одинъ еще рудникъ на Алтаѣ не былъ открытъ горнымъ офицеромъ.

Здѣсь же умѣстно будетъ сказать и о мѣрахъ предпринимавшихся для изслѣдованія края, его снятія на карты и т. п. — ибо, естественно, нормальное горное хозяйство немыслимо въ неизслѣдованной области.

Вотъ краткій сводъ всѣхъ заботъ по этой части.

Въ сороковыхъ годахъ Алтайскій Округъ былъ снятъ, въ общемъ составѣ Томской губерніи, чинами Военно-Топографическаго Депо, полу-инструментально — т. е., большею частью глазомѣрно —, въ масштабѣ 2 версты въ англійскомъ дюймѣ, пунктовъ-же, опредѣленныхъ астрономическими наблюденіями (по долготѣ и широтѣ мѣста) было только 8. Такое незначительное число астрономически опредѣленныхъ пунктовъ, не связанныхъ между собою геодезическими дѣйствіями, понятно, не представляло возможности составить хотя сколько нибудь вѣрную карту для пространства, заключающаго въ себѣ, какъ уже было упомянуто, до 400,000 кв. верстъ, значитъ — площадь бо́льшую всего Великобританскаго Королевства. Что-же касается отдѣльныхъ планово́въ, составленныхъ въ разное время техниками Барнаульской Главной Чертежной, то, не вдаваясь въ подробное разбирательство ихъ несостоятельности, можно ограничиться лишь указаніемъ, что всякое вычисленіе, которое будетъ производиться на основаніи представляемыхъ ими данныхъ — по какимъ бы то не было вопросамъ: хозяйственнымъ, административнымъ или экономическимъ —, приведетъ къ весьма ошибочнымъ выводамъ, которыхъ нельзя будетъ принять даже и за приблизительно-вѣрные (почему они не могутъ служить и документами, обезпечивающими права владѣнія).

Несмотря однако на этотъ непригодный картографическій матеріалъ, Алтайское Горное Правленіе, въ отчетахъ своихъ Кабинету Его Величества, руководствуется и по-нынѣ только этими данными, не стѣсняясь опредѣлять по нимъ цифры имѣющихся въ Алтайскомъ округѣ разнаго рода земельныхъ угодій и проставлять въ своихъ вѣдомостяхъ число

тѣхъ милліоновъ десятинъ земли, которые еще и не приведены въ извѣстность.

Бывшій Министръ Удѣловъ и управлявшій въ тоже время Кабинетомъ Его Величества Графъ Перовскій, сознавая всю важность и пользу точной и подробной карты столь важнаго для насъ Алтайскаго Края исходатайствовалъ въ 1856^{мъ} году Высочайшее повелѣніе на учрежденіе Алтайской Межевой Экспедиціи для составленія точной топографической карты Округа.

Первоначально требовалось снять на карту край Змѣиногорскій и Салаирскій, а потому все это пространство было покрыто необходимымъ числомъ опредѣленныхъ астрономически пунктовъ и между ними произведено геодезическое измѣреніе. Составленная такимъ образомъ точная астрономическая и геодезическая сѣть, постепенно пополнялась топографическою съемкою — въ 1 версту въ англійскомъ дюймѣ —, а нѣкоторыя мѣстности, какъ-то: заводы, рудники, золотоносныя розсыпи и иныя рудныя пространства снимались — по надобности — и въ бо́льшемъ масштабѣ; сверхъ того, въ указанныхъ мѣстахъ производилось и топографическое нивеллированіе. Что же касается геогностическихъ и лѣсныхъ картъ, то, вслѣдствіе невниманія Алтайскаго Горнаго Правленія къ этому дѣлу, они хотя и составлялись, лицами служившими при этомъ Правленіи и при главной барнаульской чертежной, но крайне небрежно.

Несмотря на то, что начальнику Алтайскаго Горнаго Округа было вмѣнено въ обязанность во всемъ содѣйствовать бывшей Высочайше учрежденной Межевой Экспедиціи, работы ея шли успѣшно только за бытность графа Перовскаго Управляющимъ Кабинетомъ Его Величества. Со времени же поступленія этого дѣла въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Соколовскаго оно, вслѣдствіе постепеннаго сокращенія личнаго состава и средствъ Экспедиціи, начало упадать, а съ 1870го года — и совсѣмъ прекратилось, такъ что подробной съемкѣ,

для составлявшейся вышеупомянутой топографической карты, подверглось всего 50,000 квадр. верстъ, т. е. *лишь* $^1/_8$ *всей площади* Округа.

Что побуждало генералъ-лейтенанта Соколовскаго систематически противодѣйствовать исполненію Высочайшаго Указа, коимъ работа эта требовалась, — намъ неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, никто не станетъ отрицать, **что оказана тѣмъ, какъ Кабинету Его Величества, такъ и цѣлому краю, услуга — медвѣжья!**

b) Отрасль судебная и административная.

Высочайшимъ Указомъ, отъ 1го Мая 1747го года, было повелѣно: для разбора дѣлъ о похищеніяхъ денегъ, серебра и золота, а равно и разсмотрѣнія всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ учредить Канцелярію Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства (ей же предоставлено было управленіе заводами); для суда и расправы между горными офицерами, нижними чинами и крестьянами — образовать особую Контору Земскаго Суда; передать уголовныя дѣла гражданскому вѣдомству и ввести для мѣстнаго управленія крестьянами Земскія Избы, или Конторы, которыя бы завѣдовались земскими управителями по опредѣленіямъ горнаго начальства.

Конторы Земскаго Суда однако учреждено не было: требуетъ ли этотъ фактъ коментаріевъ, предоставляемъ судить другимъ.

Обязанности управителей заключались: въ нарядѣ крестьянъ на заводскія работы, производившіяся по росписаніямъ Канцеляріи Горнаго Начальства, въ словесномъ разбирательствѣ между крестьянами всякихъ споровъ и жалобъ и въ общемъ наблюденіи за крестьянскимъ благочиніемъ и хозяйствомъ. Дѣла же уголовныя управители обязаны были представлять въ Канцелярію Горнаго Начальства.

По штатамъ Алтайскихъ заводовъ 16го Апрѣля 1828го года было опредѣлено имѣть 10ть управителей, но обязанности ихъ измѣнены не были.

Тогда же для защиты крестьянъ въ дѣлахъ тяжебныхъ назначено было избрать 10 депутатовъ.

Мы упоминали выше (см. стр. 44) о практиковавшемся разумномъ порядкѣ наряда на работы, а именно, что окончательную раскладку этаго наряда вѣдали сами крестьянскиія общества.

На тѣхъ же основаніяхъ производились между горнозаводскими крестьянами и рекрутскіе наборы.

Слѣдствіями этихъ порядковъ было то, что: во 1) сельская община и волостное начальство поставлялись въ необходимость поддерживать хозяйство бѣдныхъ и неисправныхъ крестьянъ, особенно тогда, когда ихъ обѣдненіе происходило отъ какихъ нибудь непредвидѣнныхъ несчастныхъ случаевъ; во 2) за крестьянами не накоплялось никакихъ недоимокъ и въ 3) не было бродяжничества и нищенства между горнозаводскими крестьянами.

Высочайшимъ указомъ, отъ 6го Марта 1783го года, судъ и расправа между сибирскими инородцами, во всѣхъ дѣлахъ — не исключая и уголовныхъ небольшой важности — были предоставлены ихъ собственнымъ управамъ, состоявшимъ изъ почетныхъ людей, носившихъ названіе князьковъ, улусныхъ головъ, старшинъ и зайсановъ, которые при рѣшеніи дѣлъ руководствовались древними обычаями. Но такъ какъ правила, по коимъ должны были дѣйствовать эти инородческія управы, основывались на изустныхъ преданіяхъ, и дѣло не обходилось безъ произвола и злоупотребленій, дававшихъ поводы къ без-

престаннымъ спорамъ между инородцами, то, по указу 1822го года, они были раздѣлены по роду жизни и по занятіямъ на три разряда: на осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ и для каждаго изъ этихъ разрядовъ былъ опредѣленъ особый порядокъ внутренняго управленія и судебной расправы; въ силу его осѣдлые инородцы состоятъ теперь въ зависимости мѣстнаго начальства и подчиняются общимъ узаконеніямъ, а для кочевыхъ и бродячихъ образованы управленія родовыя, или частныя, по каждому роду, или улусу, и общія, или инородческія управы — по нѣсколькимъ соединеннымъ вмѣстѣ родамъ, улусамъ и волостямъ; сверхъ того учреждены степныя думы. Случаи, когда инородцы должны судиться въ присутственныхъ мѣстахъ — по общимъ государственнымъ постановленіямъ — и когда въ управахъ — по своимъ обычаямъ —, опредѣлены въ законѣ.

c) Часть медицинская.

Для охраненія народнаго здравія были учреждены при заводскихъ и рудничныхъ селеніяхъ небольшіе госпиталя, въ которые, сообразно съ численностью горнослужащаго населенія, назначались медики, подлекаря, фельдшера и ученики, подчинявшіеся главному доктору, какъ инспектору медицинской части, но состоявшіе въ непосредственной зависимости отъ Горнаго Начальства. Для приготовленія лекарствъ, въ Барнаулѣ существовала аптека; въ другихъ же заводскихъ рудничныхъ мѣстностяхъ аптекъ не было, а лекарства, подъ надзоромъ мѣстнаго медика, изготовлялись при госпиталяхъ.

Вообще, всѣ лица, состоявшіе на дѣйствительной горнозаводской службѣ, нижніе горные и военные чины, а также и семейства ихъ, пользовались лекарствами безплатно; люди же другихъ вѣдомствъ получали лекарства за плату, по установленной таксѣ.

Женскихъ и дѣтскихъ больницъ въ Алтайскомъ Округѣ не существовало.

Простонародье обращалось въ случаяхъ болѣзни къ знахарямъ и лекаркамъ.

По штатамъ 22го Мая 1849го назначено было имѣть при всѣхъ заводахъ и рудникахъ: медиковъ 14, ветеринаровъ 2, антекарей 1, провизоровъ 1, повивальныхъ бабокъ 2, фельдшеровъ и учениковъ 110.

Кромѣ того, въ каждомъ городѣ находилось по одному врачу со стороны губернскаго вѣдомства.

Число больныхъ (мужескаго пола), пользовавшихся пособіями при госпиталяхъ, ежегодно простиралось до 16,000 человѣкъ, изъ коихъ умирало въ годъ до 250 человѣкъ.

d) Часть учебная.

Въ виду совершеннаго недостатка научно-подготовленныхъ горныхъ людей было опредѣлено 12го Января 1761го года выбирать изъ сухопутнаго и морскаго корпусовъ кадетъ и ежегодно отправлять ихъ на Колыванскіе заводы, для практическаго обученія горнозаводскому дѣлу, и, смотря по ихъ успѣхамъ, черезъ два года или менѣе производить ихъ въ горные чины, а затѣмъ по два человѣка изъ способнѣйшихъ изъ нихъ посылать заграницу для дальнѣйшаго усовершенствованія.

Впослѣдствіи, въ 1779мъ году, учреждено было въ г. Барнаулѣ горное училище, для обученія какъ дѣтей офицеровъ, такъ и дѣтей нижнихъ чиновъ: закону Божію, русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, географіи, исторіи, математическимъ и горнымъ наукамъ, естественной исторіи, рисованію и черченію.

Въ 1834мъ году, единовременно съ учрежденіемъ Штаба Горныхъ Инженеровъ, училище это было переименовано въ Главное Окружное, и къ 2мъ высшимъ классамъ его были приданы практическія отдѣленія.

Въ это Главное Окружное Училище ежегодно опредѣлялись лучшіе ученики изъ школъ, которыя существовали и раньше въ Барнаулѣ и въ Змѣиногорскѣ на правахъ народныхъ училищъ. Ученики пользовались въ немъ полнымъ содержаніемъ и учебными пособіями.

Преподавались предметы: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія, алгебра, чистописаніе, черченіе, горно-техническое рисованіе, практическое дѣлопроизводство, счетоводство и рѣшеніе задачъ, относящихся къ горному дѣлу. Въ высшихъ же классахъ и практическихъ отдѣленіяхъ: минералогія, геогнозія, механика, химія, исскуства: пробирное, горное и маркштейдерское, металлургія, геодезія, рисованіе съ моделей и приготовленіе моделей по рисункамъ, а равно происходили и практическія занятія по плавильнымъ и горнымъ производствамъ.

Въ школы и въ Окружное Училище дозволялось принимать и учениковъ постороннихъ вѣдомствъ съ платою за обученіе: въ школахъ — по 5 руб. 75 коп., а въ училищѣ — за полнаго пансіонера по 42 руб. 75 коп., а за полупансіонера по 28 руб. 50 коп. въ годъ.

Школъ для дѣвицъ, исключая одной въ г. Барнаулѣ — учрежденной уже въ послѣднее время — не было вовсе, а потому между мѣстными уроженками, принадлежавшими къ низшимъ сословіямъ, грамотность и письменность почти не существовали.

Дѣти крестьянъ, и то одни только мальчики, иногда учились чтенію и письму у какого нибудь отставнаго служаки-грамотѣя, а иногда у сельскаго писаря или дьячка; крестьянская же дѣвушка или женщина, умѣющія читать и писать, представляли рѣдкость.

Здѣсь, *какъ и вездѣ, грамотность была наиболѣе развита между раскольниками.*

e) Порядокъ продовольствія.

Всѣ служащіе при алтайскихъ заводахъ и рудникахъ и ихъ семейства — по штатамъ 23го Мая 1849 года — были обезпечены безплатною выдачею провіанта.

Съ этою цѣлью горное начальство покупало, чрезъ посредство горныхъ конторъ, муку изъ первыхъ рукъ, по вольнымъ цѣнамъ, и на случай неурожаевъ имѣло всегда въ готовности достаточные запасы.

Эти запасные сельскіе магазины, устроенные, на основаніи общихъ правилъ, въ мѣстахъ удобныхъ для сдачи хлѣба, находились въ непосредственномъ завѣдываніи мѣстныхъ земскихъ управителей, наблюдавшихъ вмѣстѣ съ волостными правленіями за исправнымъ взносомъ хлѣба, храненіемъ его и выдачею, съ разрѣшенія горнаго начальства. — Въ настоящее время, къ сожалѣнію, порядокъ этотъ уже не существуетъ. —

Снабженія же всѣхъ служащихъ говядиной было возложено на маркитантовъ, которые формальными договорами съ горнымъ начальствамъ обязывались доставлять ее во всякое время и по одной и той же цѣнѣ; имъ же была поручена и поставка опредѣленнаго количества потребныхъ для заводовъ кожъ и сала.

f) Часть лѣсная.

Въ виду весьма значительнаго потребленія въ плавильномъ производствѣ древеснаго угля и дровъ, а также бревенъ на постройки деревянныхъ казенныхъ зданій и крѣпей въ рудникахъ, было еще въ давнее время учреждено лѣсное хозяйство съ цѣлью обезпечить мѣстную горнопромышленность на долгое время этими матеріалами. Всѣ состоящія при заводахъ лѣсосѣки, или курени, въ которыхъ приготовлялись дрова для пережиганія въ уголь, были подраздѣлены на участки.

Надзоръ за порядкомъ рубки лѣса и дровъ возлагался прежде на чиновниковъ и на нижнихъ чиновъ, называвшихся куренными приставами и лѣсовщиками.

Впослѣдствіи приготовлялись для этой важной части въ лѣсномъ институтѣ спеціальные лѣсничіе изъ заводскихъ пансіонеровъ.

По штатамъ 22го Мая 1849го года положено было имѣть: лѣсничихъ 6, подлѣсничихъ изъ урядниковъ 20, стражниковъ 269 и куренныхъ надзирателей 15.

Пространство годныхъ на заводское дѣйствіе сосновыхъ лѣсовъ, особенно изобильно произростающихъ по берегамъ рѣкъ, принадлежащихъ къ Обской системѣ, а также въ степяхъ между Иртышемъ и Обью, занимаетъ 12,250 квадратныхъ верстъ.

Потреблялось въ концѣ 70хъ и началѣ 80хъ годовъ угля: сосноваго чистаго 218,527 и смѣшаннаго 39,745 коробовъ, а всего вмѣстѣ 258,272 короба, опредѣленныхъ вѣсомъ каждый въ 20 пудовъ.

Куренныхъ дровъ заготовлялось тогда же на годовую пропорцію 6948 куб. сажень.

Вообще лѣсами Алтай изобиленъ, и лѣсовъ, составляющихъ собственность заводовъ, приблизительно до 7,000,000 десятинъ.

Быстрому уничтоженію здѣсь богатыхъ, частью еще дѣвственныхъ лѣсовъ, способствуетъ крайне небрежное лѣсное хозяйство и обусловленные этою же неурядицею частые лѣсные пожары. Пожары эти большею частью происходятъ во время ежегодныхъ опаливаній сухихъ степныхъ травъ для истребленія ихъ корней, мѣшающихъ посѣвамъ, а неправильная рубка лѣсовъ есть просто одинъ изъ видовъ неряшливости отношенія алтайскихъ властей не только ко всему тому, что порождаетъ зло въ будущемъ, но и ко всему вообще, что

недостаточно контролируется. Конечно, такое отношеніе ихъ къ интересамъ страны и кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА причиняетъ громадныя и невозвратныя потери и ведетъ къ послѣдствіямъ часто совсѣмъ неисправимымъ. Пора бы обратить самое строгое вниманіе правительства на всѣ эти злоупотребленія и халатность отношенія мѣстныхъ властей къ своимъ обязанностямъ, и если правительству извѣстна громадная цѣнность прекрасныхъ алтайскихъ лѣсовъ, то мѣры должны бы быть приняты неотлагательно, — ибо одни пожары, случающіеся преимущественно въ мѣстностяхъ нуждающихся въ лѣсахъ, бываютъ такихъ размѣровъ, что зачастую причиняютъ потери въ сотни тысячъ рублей и болѣе.

g) Права и обязанности рабочихъ и прочихъ классовъ:

1) Бывшіе приписанными къ Горнозаводскому Управленію крестьяне.

Прежніе крестьяне, бывшіе приписанные къ заводамъ Демидова, подобно крестьянамъ нынѣшнихъ поссессіонныхъ заводовъ на Уралѣ и въ другихъ мѣстахъ, исполняли тогда всѣ вообще заводскія и горныя работы по опредѣленіямъ Сибирской Губернской Канцеляріи и по указаніямъ самого владѣльца.

По плакату (уроч. Полож.) каждый крестьянинъ былъ обязанъ приготовить одну кубическую сажень такъ называемыхъ заводскихъ дровъ (*которые измѣрялись заводскою саженью въ* $3^1/_2$ *вмѣсто* $3^{хъ}$ *аршинъ,* **намѣривавшей слѣд.,** *въ кубической сажени* $42^3/_4$ *кубическихъ аршина, т. е.,* $15^3/_4$ **кубическихъ аршина на каждую сажень болѣе, чѣмъ слѣдовало).**

Манифестомъ, изданнымъ 1го Мая 1779го года, плакатъ былъ удвоенъ, и на крестьянъ были возложены слѣдующія работы: рубка дровъ, разломка угольныхъ кучъ и перевозка на заводы какъ угля, такъ и руды, а за тѣмъ еще — починка плотинъ.

Положительныя правила о нарядѣ на работы были опредѣлены Высочайше утвержденною инструкціей отъ 21го Января 1786го года.

Между прочимъ, къ числу обязанностей, возлагавшихся на крестьянъ того времени, была тогда прибавлена еще опалка лѣсовъ, т. е., весеннее выжиганіе сухой травы на степныхъ мѣстностяхъ около лѣсовъ, въ предупрежденіе пожарныхъ случаевъ — *что* однако не привело къ цѣли, а, напротивъ, *сдѣлалось лишь причиною постоянныхъ съ тѣхъ поръ пожаровъ.*

Уменьшеніе серебра въ рудахъ, происшедшее отъ неправильной выработки (гнѣздами) богатыхъ мѣсторожденій, повело за собою еще большее усиленіе нарядовъ.

Заводскіе крестьяне, по отдаленности своихъ жилищъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ производились работы, нерѣдко бывали вынуждены выполнять ихъ вольнымъ отъ себя наймомъ, а черезъ это нести и бо́льшія тяготы сравнительно съ крестьянами государственными, жившими рядомъ съ ними и пользовавшимися такими же угодьями, но платившими только обыкновенныя, несравненно меньшія крестьянскія подати и повинности.

---

2) Горнозаводскіе рабочіе и мастеровые и нижніе военные чины.

Высочайше утвержденнымъ 12го Января 1761го г. докладомъ было повелѣно: въ виду развивающагося горнаго промысла отдать въ распоряженіе Горнаго Нечальства 1000 человѣкъ рекрутъ, отъ 25 до 30 лѣтъ, собравъ ихъ, съ зачетомъ при

послѣдующихъ наборахъ, со всѣхъ городовъ и уѣздовъ Сибирской губерніи. Дѣтей ихъ, а также дѣтей мастеровыхъ, взятыхъ прежде въ горныя и заводскія работы изъ крестьянъ и пришлыхъ, въ рекруты не брать и въ другія вѣдомства кромѣ горнаго не отдавать, убылыя-же мѣста рабочихъ пополнять сибирскими же рекрутами (изъ приписныхъ крестьянъ). Изданіемъ этого закона положено было основаніе сословію горнозаводскихъ нижнихъ чиновъ и мастеровыхъ, число которыхъ, увеличивавшееся рекрутами и дѣтьми, составляло во время ревизій: 3ію — 1454 а 9ою — 34,000 душъ.

Заводскіе люди раздѣлялись на нижнихъ чиновъ, мастеровъ, уставщиковъ, урядниковъ и простыхъ рабочихъ, подростковъ (отъ 15 до 18ти лѣтъ) и малолѣтковъ.

Управлялись они на основаніи воинскаго устава и получали опредѣленнаго штатами жалованья 50 к. въ мѣсяцъ и провіантскій паёкъ безденежно въ слѣдующемъ размѣрѣ: холостые — по 2 пуда муки въ мѣсяцъ, женатые — по 4 пуда подростки 1й и 2й степени — по 2 пуда, а 3ей — по $1^1|_2$ пуд.; ученики заводскихъ школъ и вообще малолѣтки — по 1му пуду (къ числу малолѣтковъ причислялись также и дочери этихъ заводскихъ людей до 15ти лѣтняго возраста, получавшія такой-же паекъ — по 1му пуду въ мѣсяцъ). Правило это однако не распространялось на урочниковъ, состоявшихъ на задѣльной платѣ, и на нижнихъ чиновъ, получавшихъ жалованья болѣе 90 рублей. — Въ прежнее время всѣмъ нижнимъ чинамъ и рабочимъ выдавалось провіанта, каждому по 2 пуда а малолѣткамъ — по 1 пуду, но съ вычетомъ по 25 копѣекъ ассигнаціями за пудъ.

Заводскія работы раздѣлялись вообще на: 1) горныя, 2) плавильныя, или собственно заводскія, 3) цеховыя и 4) урочныя.

Со времени поступленія Колыванскихъ заводовъ въ вѣдомство Кабинета Его Величества горныя и плавильныя работы производились только въ будничные дни. Однако это порождало многія неудобства, а именно — главное: что вода

въ нижнихъ этажахъ рудниковъ, оставленная въ праздники безъ откачиванія, требовала затѣмъ особенныхъ усилій на ея отливаніе, и что приведеніе вновь въ дѣйствіе остывшихъ печей было сопряжено съ излишнею тратою горючаго матеріала и потерею времени. Поэтому то, во избѣжаніе этихъ неудобствъ, по предложенію бывшаго начальника Колыванскихъ заводовъ, Г^{на} Качки, была учреждена трехсмѣнная работа, состоявшая въ томъ, что изъ троихъ мастеровыхъ одинъ, напримѣръ, А, работалъ всю недѣлю днемъ, съ 4^{хъ} часовъ утра до 4^{хъ} вечера, другой, Б, работалъ ночью, съ 4^{хъ} часовъ вечера до 4^{хъ} утра; третій же, В, всю недѣлю оставался свободнымъ. Въ слѣдующія затѣмъ недѣли они поочередно перемѣнялись. Оттого недѣли эти и назывались: одна — дневною, другая — ночною и третья — гулевою, и такимъ образомъ каждому изъ нихъ приходилось работать двѣ недѣли сряду, а третью — отдыхать, въ теченіи же цѣлаго года — находиться на работѣ 8 мѣсяцевъ, четыре же гулевыхъ мѣсяца и составляютъ приблизительно число праздничныхъ дней въ году. На мастеровъ и нарядчиковъ этотъ порядокъ не распространялся. Работы цеховыя, при ремесленныхъ заведеніяхъ, производились только въ будни. Исполненіе урочныхъ работъ, состоявшихъ въ перевозкѣ опредѣленнаго количества рудъ, угля, бревенъ и другихъ припасовъ за установленную заводскими положеніями плату, зависѣло отъ произвола. Въ трехсмѣнной и урочной работахъ допускался и наемъ.

Мѣра, допускавшая пользоваться третьей свободной недѣлею, давала семейнымъ мастеровымъ возможность заниматься хозяйствомъ, а бездомнымъ — заработывать на сторонѣ.

Нижніе чины и заводскіе мастеровые, несмотря на тяжкую горную и плавильную работы, не увольнялись прежде въ отставку, исключая случаевъ неспособности, какъ-то: болѣзни, увѣчья или дряхлости. Штатомъ 22го Мая 1849 года срокъ службы былъ назначенъ: для урочниковъ — 30, а для всѣхъ другихъ нижнихъ чиновъ — 35 лѣтъ; но послѣ ревизіи За-

падной Сибири Генералъ-Адъютантомъ Анненковымъ (въ 1851мъ году) срокъ этотъ былъ сокращенъ и приравненъ къ сроку военной службы — 25 лѣтъ. Мѣра эта, бывшая для мастеровыхъ благодѣяніемъ, побудила ихъ къ болѣе вѣрной службѣ и уменьшила число побѣговъ.

Нижніе чины и мастеровые, состоя при заводахъ на правахъ военнослужащихъ, не пользовались однако предоставленнымъ военнымъ чинамъ правомъ на увольненіе отъ службы, при дряхлости отца, одного изъ сыновей для прокормленія родителей.

Особенное вниманіе обращало на себя, въ свое время, слѣдующее обстоятельство:

Съ 1829го года принимались въ богадѣльни или, за неимѣніемъ мѣстъ въ нихъ, пользовались богадѣльнымъ содержаніемъ всѣ отставные нижніе чины, по старости или увѣчью не могущіе себя прокормить. Требовалось только удостовѣреніе. Штатами-же 22го Мая 1849 года *назначено было имѣть въ Барнаулѣ только одну богадѣльню на 70 мужчинъ и на 30 женщинъ, и отмѣнена выдача богадѣльнаго содержанія остальнымъ, несмотря на то, что къ этому времени состояло такихъ отставныхъ чиновъ, не получавшихъ содержанія, до 3000 человѣкъ!* Чѣмъ было вызвано это распоряженіе, и чѣмъ оправдается оно тогдашнимъ Горнымъ Начальствомъ передъ исторіей — неизвѣстно!

Въ Алтайскомъ Горномъ Округѣ дѣтей обоего пола считалось тогда до 15,500 человѣкъ, изъ коихъ обучалось въ окружномъ училищѣ и въ заводскихъ школахъ мальчиковъ всего до 1550ти человѣкъ, слѣдовательно только $^1/_{10}$ часть; остальные малолѣтки уже съ 12ти лѣтняго возраста употреблялись на заводскія работы, и даже — на тяжелыя, какъ, напримѣръ, разбиваніе рудъ, — т. е., почти то-же, что разбиваніе булыжнаго камня для шоссейныхъ дорогъ. Порядки такіе были тѣмъ анормальнѣе, что работа была урочною. Но объ этомъ тяжело и вспоминать!

Въ общемъ же благосостояніе заводскихъ нижнихъ чиновъ и мастеровыхъ находилось прежде въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ положеніи. Семейные изъ нихъ всегда жили домами, имѣли лошадей и другой скотъ, занимались хлѣбопашествомъ, звѣринымъ и рыбнымъ промыслами, а также разведеніемъ льна и табаку.

---

3) Городскія сословія.

Со времени поступленія Колыванскихъ Заводовъ въ вѣдомство Кабинета Его Величества и до 1761го г., въ заводскихъ селеніяхъ, по прежнему, занимались торговлею только ташкентцы, временно пріѣзжавшіе съ грубыми бумажными тканями и другими произведеніями промышленности Средней Азіи.

По причинѣ совершеннаго отсутствія правильной торговли въ заводскихъ округахъ и по бывшему недостатку въ нихъ осѣдлаго торговаго сословія жители этихъ мѣстностей постоянно нуждались въ самыхъ необходимыхъ предметахъ.

1761 года, Января 12го, было повелѣно: „высланнымъ въ „тамошній край, а также и пришлымъ на поселеніе — т. е., до„бровольно зашедшимъ — торговли не запрещать и выписи „(свидѣтельства) давать, именовавъ ихъ купцами Колывано„Воскресенскаго Горнаго Начальства.“

На основаніи этого закона образовались сословія заводскихъ купцовъ и мѣщанъ. Платили они тогда по $1^0/_0$ съ объявленнаго капитала.

Купечествовавшіе крестьяне кромѣ подушной подати — по 3 р. $77^1/_2$ коп. съ души — подвергались тому-же налогу.

Во время общихъ по государству ревизій, состояло: по 3ей, 1764го года, — заводскихъ купцовъ 1, мѣщанъ 696; а по 7ой, 1817го года, — купцовъ 83, а мѣщанъ 1051.

Мѣщане занимались мелочною торговлей, состоявшей въ покупкѣ и перепродажѣ разныхъ предметовъ, иногда-же и ма-

стерствами, какъ-то: кожевеннымъ, скорняжнымъ, портняжнымъ и сапожнымъ, также перевозкою тяжестей и маркитантскимъ промысломъ; служили приказчиками у купцовъ и цѣловальниками въ питейныхъ домахъ; иные занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и другими крестьянскими промыслами; въ домашнемъ же быту своемъ они ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ.

По изданнымъ въ 1852мъ году статистическимъ таблицамъ о состояніи городовъ Россійской Имперіи, въ Алтайскомъ Горномъ Округѣ считалось: въ Барнаулѣ — купцовъ 79, мѣщанъ 928; въ Бійскѣ — купцовъ 113, мѣщанъ 835; въ Колывани — купцовъ 30, мѣщанъ 413 и въ Кузнецкѣ — купцовъ 16, мѣщанъ 1863.

---

4) Войско, линейные казаки и прочія военныя силы.

Къ сословію заводскихъ нижнихъ чиновъ и мастеровыхъ принадлежали также унтеръ-офицеры и рядовые Линейнаго Сибирскаго Баталіона и Заводскіе Казаки. Сначала назначались (на основаніи именнаго *Высочайшаго* указа, даннаго бригадиру Беэру 1го Мая 1747го года) для защиты Колыванскихъ Заводовъ отъ непріятельскихъ нападеній дзюнгарскихъ калмыковъ и киргизъ-кайсаковъ регулярныя и нерегулярныя воинскія команды, расположенныя въ крѣпостяхъ по Иртышской, Колыванской и Кузнецкой линіямъ. Потомъ, въ 1764мъ году, учрежденъ былъ уже особый Колывано-Воскресенскій Горный баталіонъ, поступившій въ полное вѣденіи горнаго начальства. Опредѣленіе офицеровъ на открывавшіяся въ немъ вакансіи и производство ихъ въ чины зависѣло отъ Военной Коллегіи по представленіямъ начальника заводовъ. Солдаты одѣвались въ мундиры только въ торжественные праздники, а въ прочее время ходили въ армякахъ и тулупахъ, вмѣсто фуражекъ

надѣвая картузы и шапки, и отличались отъ мастеровыхъ только тѣмъ, что носили ружья. Офицеры оставались въ тѣхъ-же чинахъ лѣтъ по 30 и болѣе (такъ что между ними были и 60-тн-лѣтніе старцы — прапорщиками!) Въ 1828-мъ году баталіонъ этотъ былъ переименованъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ въ 10-й Линейный Сибирскій баталіонъ который и былъ поставленъ уже на реально-военную ногу.

Сословіе казаковъ образовалось здѣсь въ 1716-мъ году, при учрежденіи генералъ-маіоромъ Лихаревымъ крѣпостей по линіямъ: Иртышской, Колыванской и Кузнецкой; съ тѣхъ поръ оно постоянно увеличивалось, а въ 1846-мъ году получило правильную организацію.

Казаки здѣшніе занимались тѣми же промыслами, какъ и крестьяне, но особенно ловлею красной рыбы на Иртышѣ, разведеніемъ огородныхъ овощей, арбузовъ, дынь и табаку, а также разведеніемъ двухъ особыхъ родовъ пшеницы китайской и теремковой.

5) Инородцы.

По ревизіи 1834-го года инородцевъ считалось: татаръ, въ 17 волостяхъ и 1095-тн юртахъ, 5044 души обоего пола; двоеданцевъ, въ 14-тн волостяхъ и 2310-тн юртахъ, 11,439 душъ (къ послѣднимъ, по Высочайшему указу — 15-го Сентября 1791-го г. —, данному Сибирскому Губернатору Пилю, причислены всѣ бѣглые крестьяне, мастеровые и частные люди разныхъ сословій, поселившіеся по системѣ рѣки Бухтармы, на китайской границѣ; въ народѣ эти поселенцы зовутся *каменьщиками* (горцами) — отъ слова *камень* (гора) —, также — *русскими ясачными;* живутъ они особо, въ 23-хъ деревняхъ и занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, рыбною и, преимущественно, звѣриною ловлею, а въ дома-

шнемъ быту, въ нравахъ и обычаяхъ ничѣмъ не отличаются отъ другихъ русскихъ крестьянъ, превосходя ихъ только отвагой и удалью; вслѣдствіе обилія угодій и своей выгодной торговли съ калмыками, киргизами и китайцами, каменьщики пользуются весьма замѣчательнымъ благосостояніемъ и одѣваютъ своихъ женъ въ китайскія шелковыя ткани).

Въ южной половинѣ Алтайскаго Округа, на степяхъ между рѣками Иртышемъ и Алеемъ, кочуютъ киргизы вѣдомства Семипалатинскаго Областнаго Правленія.

Съ инородцевъ Кузнецкаго и Бійскаго Округовъ собирается „ясака“ отъ 1 рубля, до 1 руб. 50 коп. съ души, съ кибитки или юрты, а „каменьщики“ платятъ по 2 руб. 30 коп. подушной — оброчной подати.

По уставу 1822го года часть кузнецкихъ татаръ, поселившихся вмѣстѣ съ русскими, причислена къ разряду осѣдлыхъ, а остальные — хотя они отчасти тоже осѣдлы — отнесены къ разряду кочевыхъ.

Калмыки принадлежали прежде къ дзюнгарскимъ монголамъ, но такъ какъ, по занятіи русскими тамошняго края, они остались на прежнихъ мѣстахъ и оказались уже въ предѣлахъ Россійской Имперіи, то наравнѣ съ татарами они обложены „ясакомъ“, т. е., взносомъ подати звѣриными шкурами (поступающими въ доходъ Кабинета Его Величества) а потому и называются „ясачными“.

До завоеванія Дзюнгаріи китайцами, въ 1758^мъ году, настоящіе алтайскіе калмыки, и особенно одно ихъ племя — „Каракольцы“, дѣлали постоянные набѣги на русскія колоніи и на заводы. — Народныя преданія сохранили много эпизодовъ изъ этого смутнаго и кроваваго времени.

Теперь алтайскіе калмыки составляютъ настолько мирное населеніе, что, ради своего собственнаго покоя, кромѣ „ясака“ Россіи, платятъ еще и „алманъ“ китайскому правительству, вслѣдствіе чего и называются „двоеданцами“.

Татары и калмыки, подобно всѣмъ полудикимъ народамъ,

ведутъ жизнь самую простую, ограничиваясь удовлетвореніемъ только первыхъ матеріальныхъ потребностей.

Занятія ихъ состоятъ въ скотоводствѣ, отчасти въ хлѣбопашествѣ, а главнымъ образомъ — въ звѣриномъ промыслѣ; но занимаются они и приготовленіемъ оружія, снарядовъ для ловли звѣрей, сбруи, выдѣлкою шкуръ и войлоковъ, а также производствомъ небольшихъ металлическихъ вещей изъ мѣди и желѣза, какъ-то: огнивъ, ножей, разныхъ мелкихъ украшеній и проч.

Заключеніе.

Все высказанное нами въ этомъ очеркѣ можно резюмировать такъ:

1) Изъ 400,000 квадр. верстъ, составляющихъ пространство Алтайскаго Округа, снято топографически всего 50,000 квадр. верстъ, а геогностически — ни одной, слѣдовательно *край все равно что не извѣданъ.*

Въ видахъ увеличенія въ безсчетное число разъ доходности края топографическая и геогностическая съемки суть первыя изъ тѣхъ работъ, которыя должны быть прозведены въ немъ.

Лицамъ, имѣющимъ ими завѣдовать, должно быть вмѣнено въ непремѣнную обязанность, въ видахъ общаго интереса края, проектировать на планшетахъ тѣхъ-же картъ всѣ выгодные пути сообщенія, какъ водные, такъ и сухопутные.

Отдавать-же въ аренды или въ частную собственность хотя бы и незначительныя части неизвѣданнаго края, изобилующаго — судя по всему — на каждомъ шагу минеральными богатствами, не должно.

2) *До настоящаго времени эксплоатація богатствъ края производится хищнически*, безъ соблюденія какого-бы то ни было порядка, или системы; *стоимость же этой разработки, показывается въ отчетахъ не дѣйствительная*, а — чтобъ не сказать прямо: „тамъ то вдвое, а тамъ-то въ четверо бо́льшая, или и того болѣе“ — скажемъ просто „**произвольная**“.

Каждый рудникъ долженъ эксплоатироваться строго научно, и не покидаться до тѣхъ поръ, покуда разработка его даетъ тотъ $^0/_0$ дохода, который въ раціональномъ хотяйствѣ считается выгоднымъ.

Повсемѣстно должны быть произведены добросовѣстныя испытанія для опредѣленія какъ средняго содержанія металловъ въ каждомъ изъ рудничныхъ мѣсто-рожденій, такъ, вездѣ же, и дѣйствительной средней стоимости разработки.

3) *Богатства* ни одного изъ разработываемыхъ *рудниковъ не истощены, но всѣ* эти *рудники лишь запущены и засорены.*

Всѣ рудники должны быть теперь же приведены въ должный порядокъ — указываемый наукою, — а всѣ расходы на этотъ предметъ должны быть отнесены на личный счетъ нынѣ дѣйствующаго на Алтаѣ горнаго вѣдомства, съ обязательствомъ исполненія этого въ двухгодичный срокъ.

Въ случаѣ-же возраженія, что часть виновниковъ этихъ безпорядковъ уже выбыла, должно быть произведено слѣдствіе, и тогда вся вина и всѣ расходы должны пасть, безъ попущеній, на виновныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ нынѣ и выбывшихъ.

4) При всѣхъ заводахъ и рудникахъ имѣются горныя конторы, *личный составъ которыхъ далеко превосходитъ потребность.*

Конторы эти слѣдуетъ замѣнить канцеляріями, въ размѣрахъ не превышающихъ дѣйствительную надобность.

5) До сего времени *ежегодно отпускались и выписывались въ расходъ весьма значительныя суммы на изысканія и развѣдки новыхъ мѣсторожденій, но таковыя фактически почти не производились.*

Такъ какъ существованіе этого зла, хотя бы за все послѣднее время, могло-бы быть доказано, то слѣдуетъ это выяснить, а затѣмъ, прекративъ всякіе на этотъ предметъ отпуски, обратить эти ассигнованія на составленіе геогностической карты края, совмѣстно съ чѣмъ производить и самыя развѣдки.

Во все время продолженія работъ по составленію геолого-геогностической карты, положенныя закономъ преміи, за открытіе новыхъ мѣсторожденій, должны выдаваться за-счетъ казны только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти новыя мѣсторожденія будутъ открываемы въ мѣстностяхъ, которыя не успѣли еще быть нанесенными на карту; если же таковыя мѣсторожденія будутъ находимы въ мѣстностяхъ уже на карту нанесенныхъ, но на ней не показанныхъ, то тѣ же преміи слѣдовало-бы выдавать въ двойномъ противу узаконеннаго размѣрѣ, но не за счетъ казны, а за счетъ виновныхъ — нерадиво значитъ производившихъ изысканія и съёмку. Въ виду этого, начальнику работъ по составленію карты должно быть вмѣнено въ обязанность: къ каждому снятому на карту опредѣленному

пространству прилагать формальный актъ о результатахъ изысканій на этомъ же пространствѣ.

6) *До настоящаго времени алтайскіе лѣса не эксплоатируются, а безсмысленно истребляются,* какъ пожарами, такъ и неправильною ихъ вырубкою.

Предварительно слѣдуетъ строго воспретить производящіяся ежегодно осеннія опалки сухихъ травъ, а по мѣрѣ нанесенія лѣсныхъ мѣстностей на карту тотчасъ-же вводить въ нихъ правильное лѣсное хозяйство.

7) *Всѣ до нынѣ* составленныя Барнаульскою чертежною карты и планы *неверны* и скорѣе вредны, чѣмъ полезны.

Одновременно съ утвержденіемъ продолженія работъ по составленію топографической карты края, Барнаульская чертежная должна быть упразднена; а еслибъ распоряженіе относительно общей топографической съемки послѣдовало не сейчасъ, то чертежная эта должна быть реорганизована въ самыхъ ея основаніяхъ.

8) Съ 1830го года, по прекращеніи Сузунскимъ заводомъ чеканки мѣдной монеты, вся мѣдь Алтайскаго края отправляется — въ слиткахъ — въ Нижній-Новгородъ, при *чемъ перевозка мѣди поглощаетъ значительную часть ея стоимости.*

Слѣдовало-бы на томъ же заводѣ обращать эту мѣдь въ подѣлки и направлять послѣднія во многія могущія быть указанными мѣста, гдѣ онѣ могутъ быть безъ труда сбываемы, — что значительно увеличитъ доходъ съ этого предмета.

9) Гурьевскій желѣзодѣлательный заводъ, въ настоящемъ его положеніи, едва-ли можетъ быть признанъ полезнымъ.

Такъ какъ онъ расположенъ на весьма удобномъ для производства пунктѣ, то упраздненіе его немыслимо, но должны быть строго изслѣдованы причины его настоящей непроизводительности, затѣмъ — сообразно указаніямъ слѣдствія — радикально измѣнены и дѣйствующіе въ немъ порядки.

10) Томскій желѣзодѣлательный заводъ закрытъ въ 1860^{хъ} годахъ, вслѣдствіе злоупотребленій. — Однако положеніе его во всѣхъ отношеніяхъ еще выгоднѣе Гурьевскаго.

Онъ долженъ быть немедленно возстановленъ, и такъ какъ сбытъ для будущихъ произведеній его совершенно обезпеченъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что, при добросовѣстномъ управленіи имъ, онъ можетъ сдѣлаться статьею весьма значительнаго дохода.

11) Въ 1820^{хъ} годахъ, былъ найденъ по долинамъ рѣкъ Бухтарминскаго кряжа, близь китайской границы, богатый серебрянный пріискъ, о которомъ есть оффиціяльныя свѣдѣнія въ архивѣ Алтайскаго Горнаго Правленія; пріискъ этотъ въ свое время не подвергался разработкѣ вслѣдствіе опасенія претензій со стороны китайскаго правительства.

Такъ какъ въ настоящее время мѣстность эта признана безспорно русскою, то слѣдуетъ неотлагательно произвести геогностическое изслѣдованіе горныхъ хребтовъ по верховьямъ и притокамъ Бухтармы — рѣкамъ Кучуму и Нарыму.

12) Изъ уже опредѣленнаго нами общаго характера мѣстностей Алтая мы должны заключить, что, по мѣрѣ снятія этого края на топографическо-геолого-геогностическую карту (поочередно разныхъ пространствъ), неизбѣжно занесется на карту не мало новыхъ мѣсторожденій всякихъ богатствъ.

Слѣдуетъ постановить правиломъ: тотчасъ-же испрашивать — съ представленіемъ смѣтъ — разрѣшенія на разработку такихъ вновь открытыхъ мѣсторожденій, имѣя въ виду, что мѣстныя условія повсюду благопріятствуютъ какъ заселенію почти всѣхъ мѣстностей, такъ и самому производству.

13) Перевозка рудъ къ заводамъ замедляется неудовлетворительнымъ состояніемъ путей сообщенія, вслѣдствіе чего на заводахъ нерѣдко оказывается недостатокъ въ запасахъ руды; — это же причиняетъ дороговизну перевозки и значительную потерю рудъ въ пути.

Рудники слѣдуетъ связать съ заводами желѣзноконными путями, что вполнѣ и скоро окупится значительнымъ удешевленіемъ самой перевозки и болѣе правильнымъ дѣйствіемъ заводовъ; — мѣстныхъ препятствій къ этому не представляется.

Равно слѣдуетъ обратить вниманіе и на тѣ водныя сообщенія, которыя, въ извѣстной части этихъ мѣстностей, могутъ способствовать достиженію той же цѣли.

Для составленія проекта этихъ работъ должна быть теперь-же командирована особая съёмочная партія.

14) *Небрежность въ веденіи всего горнозаводскаго дѣла на Алтаѣ есть слѣдствіе порождаемой „богатствомъ“ слишкомъ велико-свѣтской и разгульной общественной жизни всей тамъ служащей среды.*

Богатства-же, которыми она обладаетъ эта среда, суть — въ большинствѣ случаевъ — плодъ злоупотребленій.

На возможность прекращенія этихъ злоупотребленій нами частью указано, а дополнить эти указанія должна ревизія.*) Но, сокративъ незаконные доходы чиновъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на обезпеченіе ихъ такимъ содержаніемъ, которое бы, вполнѣ оплачивая ихъ трудъ, удерживало ихъ отъ соблазна обирать Государя, ибо понятно, что человѣкъ вынужденный дѣйствительными недостатками присвоить себѣ сначала только чужой рубль, становится, если нѣтъ у него нравственныхъ принциповъ, способнымъ на похищеніе и сотень тысячъ: для такихъ труденъ только первый шагъ.

Правительство, только по исполненіи имъ самимъ этой на немъ лежащей обязанности можетъ начать строго-справедливо карать всякое хищничество въ какомъ-бы видѣ и размѣрахъ оно ни проявлялось.

15) Горные исправники на Алтаѣ получаютъ содержаніе весьма умѣренное, обязанности-же по охранѣ интересовъ Кабинета, возложенныя на нихъ, весьма важны, а въ виду неудобства путей сообщенія и довольно трудны.

Господа эти проживаютъ несравненно болѣе своего со-

*) Ревизіонная Коммисія, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, весною сего года на Алтай отправлена и — по имѣющимся свѣдѣніямъ — должна возвратиться въ Петербургъ въ предстоящемъ же Ноябрѣ.

держанія и еще накопляютъ при этомъ весьма значительные капиталы, обязанностей же своихъ не исполняютъ вовсе.

Это происходитъ отъ того, что золотопромышленники, ежегодно, отсчитываютъ имъ денежные куши, въ десять и болѣе разъ превышающіе ихъ содержанія, — за одно только невмѣшательство этихъ исправниковъ въ ихъ, золото-промышленниковъ, дѣла.

Противъ этого зла трудно предложить какія-бы то ни-было мѣры, ибо услѣдить за дѣйствіями этихъ исправниковъ ревизующимъ лицамъ почти невозможно.

Единственное, что по этому предмету могло-бы быть сдѣлано, это — созданіе новаго поста „Главнаго Исправника всѣхъ золотыхъ пріисковъ", при условіи — если можно признать таковое всегда возможнымъ —, чтобы на этотъ постъ всегда назначался человѣкъ испытанной честности. Понятно, что содержаніе такому лицу должно выходить изъ ряда обыкновенныхъ; — расходъ же на это составилъ бы весьма ничтожный процентъ тѣхъ выгодъ, которыя могли бы быть этимъ достигнуты, еслибъ только предпосланное главное условіе могло оказаться сбыточнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, должно быть увеличено и содержаніе исправниковъ.

16) Частная промышленность Алтайскаго Горнаго Округа находится еще въ совершенномъ младенчествѣ.

Препятствій къ ея правильному развитію много.

Мы предложимъ здѣсь только мѣру, истекающую изъ высказаннаго нами въ этомъ же очеркѣ: допустить производства требующія огненнаго дѣй-

ствія, горнымъ уставомъ не допускаемыя, по нашему мнѣнію, безъ достаточнаго основанія.

Мы не коснулись здѣсь большинства второстепенныхъ и не затронули ни одного изъ частныхъ вопросовъ, такъ какъ постановка и разрѣшеніе ихъ находятся въ полной зависимости отъ образа разрѣшенія вопросовъ главныхъ.

Примѣчаніе: Для пущей характеристики Алтайскихъ порядковъ 6^{тн} и 7^{мн} десятыхъ годовъ помѣщаемъ здѣсь же статью — *„Зыряновскій рудникъ“*, долженствовавшую появиться въ столичныхъ газетахъ въ 1870^{мъ} году, но — какъ насъ увѣряли — по проискамъ **Генерала Соколовскаго**, досихъ поръ ничего объ Алтаѣ не допускалось къ печати.

Зыряновскій рудникъ.

(Алтайскій Горный округъ)
1869ый г.

Въ юго-западной части Сибири широко раскинутъ Алтайскій Горный Округъ, занимающій около 400,000 кв. верстъ, — съ юго-запада, юга и востока обрамленный кряжами громадныхъ горъ, въ нѣдрахъ которыхъ залегаютъ изобильнѣйшія мѣсторожденія разнородныхъ металловъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны богатые рудники металловъ благородныхъ.

Для добычи рудъ и извлеченія содержащихся въ нихъ металловъ въ разныхъ мѣстахъ этого Округа разработывается нѣсколько рудниковъ и устроено нѣсколько заводовъ, управляемыхъ особою администраціей, состоящею исключительно изъ людей, спеціально воспитывавшихся для горнозаводской службы.

Между дѣйствующими рудниками по своему натуральному богатству первое мѣсто занимаетъ рудникъ Зыряновскій.

Изъ безконечныхъ, далеко еще неизвѣданныхъ запасовъ этого громаднаго рудника добывалось каждый годъ до $1\frac{1}{2}$ мил. пудовъ богатой серебросодержащей руды, изъ которой, при незначительной помощи другихъ рудниковъ, заводы выплавляли до 1000чи пудовъ серебра.

Положительно можно сказать, что на Зыряновскій рудникъ опиралось плавильное производство Алтайскихъ горныхъ

заводовъ, и имъ именно поддерживалась производительность края въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ.

При тѣхъ капитальныхъ запасахъ руды, которые залегаютъ въ цѣликахъ рудника, онъ могъ-бы дѣйствовать безостановочно и снабжать заводы богатою рудою неопредѣленное число лѣтъ еслибъ мѣстная администрація, не увлекаясь слишкомъ собственными интересами, вела дѣло правильно и добросовѣстно, *но эгоизмъ, своекорыстіе и полная апатія къ дѣлу, проявившіеся въ неоспоримыхъ фактахъ, поставили Зыряновскій рудникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ заводы, въ такое положеніе, что дѣйствіе ихъ должно или временно пріостановиться, или значительно сократится въ размѣрахъ, пока разстроенный и затопленный Зыряновскій рудникъ не будетъ приведенъ въ лучшее состояніе.*

Со времени открытія Зыряновскаго рудника, въ 1790[хъ] годахъ, имъ управляли такъ называемые пристава, состоявшіе въ непосредственномъ распоряженіи Управляющаго Змѣиногорскимъ краемъ, бывшаго въ то же время инспекторомъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему рудниковъ. Дѣйствія этого управляющаго, въ свою очередь, контролировались начальникомъ алтайскихъ горныхъ заводовъ и тамошнимъ горнымъ совѣтомъ, при чемъ упущенія или злоупотребленія со стороны приставовъ могли хоть своевременно преслѣдоваться и, тогда, при добросовѣстности начальствовавшихъ лицъ, и пресѣкались.

При такомъ порядкѣ управленія Зыряновскій рудникъ дѣйствовалъ безостановочно и рудою своею удовлетворялъ всѣ заводы. Хотя иногда и встрѣчались незначительныя промедленія въ добычѣ руды и въ отпускахъ ея на заводы, вслѣдствіе различныхъ случайностей въ самомъ рудникѣ, или же неудобствъ при перевозкѣ руды, и т. п., но эти явленія, неизбѣжныя при такой громадной операціи, не могли имѣть значительно дурныхъ послѣдствій.

Для наблюденія же за огромнымъ хозяйствомъ рудника приставу назначался помощникъ.

Но, вотъ, въ 1862 году, начальникъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ назначилъ приставомъ въ Зыряновскій рудникъ *своего зятя*, а спустя нѣкоторое время опредѣлилъ къ нему помощникомъ — *другого своего-же зятя*, причемъ — въ виду какихъ-то особыхъ соображеній — устранилъ Управляющаго Змѣиногорскимъ краемъ, (какъ сказано, завѣдывавшаго прежде всѣми рудниками этого края, въ томъ числѣ и Зыряновскимъ) отъ всякаго вмѣшательства въ дѣйствія и распоряженія зыряновскаго пристава по дѣламъ рудника, принявъ этотъ трудъ на себя лично и оставивъ исключительно за собою право контролировать дѣйствія этихъ родственниковъ своихъ не взирая на то, что городъ Барнаулъ — постоянное мѣстопребываніе начальника — лежитъ на разстояніи 700 верстъ отъ рудника, въ которомъ предназначалось подвизаться его родственникамъ.

Распоряженіе это, какъ противузаконное и превышавшее власть горнаго начальника, было ловко прикрыто постановленіемъ: сдѣлать это *„въ видѣ опыта“ срокомъ на четыре года*, т. е., именно на такое время, въ теченіи котораго было-бы возможно округлить свои дѣлишки и, сполна понабивъ карманы, благополучно ретироваться съ поля дѣйствій — такъ сказать: отзвонить всласть да и убраться съ колокольни долой!

Этотъ замысловатый „опытъ“ былъ приведенъ въ исполненіе, и вотъ что изъ него вышло.

Заручась гарантіей къ полному произволу и безнаказанности дѣйствій, которыя предположено было совершать подъ наблюденіемъ высоковліятельнаго покровителя-тестя, или правильнѣе сказать, безъ всякаго наблюденія, приставъ и его помощникъ, два зятя, въ качествѣ изолированныхъ дѣятелей, безцеремонно повернули дѣло на свой ладъ и .... довели Зыряновскій рудникъ до настоящаго его печальнаго положенія. Очевидно все вниманіе и дѣятельность этихъ господъ были обращены на то, чтобы, въ ущербъ довѣренному имъ Зыряновскому руднику, устроить только собственное благосостояніе — настоящее и будущее.

Преуспѣвая на этомъ поприщѣ спеціальной заботливости о личныхъ выгодахъ, они на рудникѣ жили весело и спокойно, толстѣли и богатѣли, награждались чинами и орденами, а надзоръ за рудникомъ и работами предоставляли: въ первой инстанціи — мѣстнымъ горнымъ урядникамъ а въ высшей — мѣстнымъ горнымъ духамъ.

Вслѣдствіе этихъ распорядковъ въ Зыряновскомъ рудникѣ начали производиться неправильные замѣры горныхъ выработокъ, разубоживаніе богатой руды пустыми породами для того, чтобы въ счетѣ добычи образовывалось количество руды бо́льшее противъ дѣйствительнаго; появилась эгоистическая экономія въ потребленіи лѣса, предназначавшагося по смѣтѣ для крѣпленія рудничныхъ ходовъ; выписывались въ расходъ лишніе порохъ, сало и показывавшіеся на сортировку никогда не сортировавшейся руды рабочіе и время.

Между тѣмъ приставъ и его помощникъ считали достаточнымъ наблюдать за рудникомъ изъ оконъ своихъ квартиръ, разумѣется, лишь въ свободное время, когда ужъ окончательно не находили что дѣлать. — Спуститься же въ шахту рудника и обозрѣть производившіяся въ горѣ работы — такой трудъ для этихъ безконтрольно тучнѣвшихъ загребателей Царскаго добра былъ не по силамъ — и понятно: въ финансовомъ отношеніи, конечно, для ихъ личнаго обогащенія, онъ былъ безполезенъ.

Послѣдствія такого управленія не замедлили вскорѣ обнаружиться. На первыхъ порахъ рудникъ началъ отпускать въ заводы руду съ меньшимъ содержаніемъ серебра противъ показываемаго по отчетности рудника и противъ опредѣленнаго положеніемъ горнаго совѣта.

Несходство по пробамъ содержанія серебра въ извлеченныхъ рудахъ оказалось для заводовъ невыгоднымъ въ томъ отношеніи, что для полученія положеннаго смѣтою количества металла, они должны были расплавлять гораздо большее количество руды и употреблять для этого бо́льшее противу прежняго количе-

ство горючаго матеріалу, рабочаго времени и проч., что, естественно, должно было возбудить — и дѣйствительно возбудило — роноть и протесты со стороны управлявшихъ заводами.

Между тѣмъ приставъ Зыряновскаго рудника увѣрялъ своего тестя-покровителя, что содержаніе руды, отпущенной имъ въ заводы, показано по пробамъ рудника совершенно правильно.

По здравому смыслу было-бы необходимо тогда же обнаружить истину и въ самомъ началѣ пресѣчь зло; но строгость и законность такихъ дѣйствій, помимо родственныхъ отношеній, не соотвѣтствовали и вообще духу алтайской администраціи, которая, вслѣдствіе собственной всесторонней несостоятельности, не рисковала обнаруживать никакихъ неправильныхъ дѣйствій ни одного изъ членовъ своей корпораціи.

Въ силу этого братскаго согласія и единства, несходство дѣйствительнаго содержанія серебра въ зыряновскихъ рудахъ, противъ бывшаго по пробамъ, объяснено было самымъ простымъ (и, конечно, вполнѣ правдоподобнымъ!) предположеніемъ, заключавшемся въ томъ, что отпущенная руда могла-де быть во время пути разубоживаема возчиками примѣсью пустыхъ породъ — пользуясь тѣмъ, что нагрузка совершается вполнѣ безконтрольно и, въ виду дальности перевозокъ, могли и извозчики на пустынныхъ дорожныхъ мѣстахъ, выбрасывать для облегченія лошадей руду, а затѣмъ, подъѣзжая къ мѣстамъ назначенія, пополнять вѣсъ ея валяющимися повсемѣстно въ Сибири по степямъ различными горными породами. О нравственности подобнаго сваливанія своей вины на чужія плечи — да произнесетъ свой судъ самъ читатель!!

Но такъ или иначе, а недостающее количество серебра въ рудахъ приходилось заводамъ во всякомъ случаѣ пополнять плавкою рудъ въ излишнемъ количествѣ противъ прежняго, и потому Зыряновскій рудникъ, по разстройству хозяйства неуспѣвавшій производить добычу рудъ въ прежнемъ размѣрѣ, началъ отпускать для удовлетворенія заводскихъ требованій,

руду изъ прежнихъ (положенныхъ по закону) рудничныхъ запасовъ. Возмѣщать же убыль самихъ запасовъ сдѣлалось уже невозможнымъ, такъ какъ рудникъ едва успѣвалъ удовлетворять заводы отпусками того количества руды, какое предназначалось на годовое производство.

Обнаружившуюся такимъ образомъ несостоятельность этого рудника — *происшедшую de facto отъ умышленной неправильности веденія хозяйства, безпорядочности распоряженій, плохого надзора, всесторонняго и всеобщаго хищничества, а главное, отъ слишкомъ ужъ безцеремонной заботы начальства о собственной наживѣ* — приставъ объяснялъ тѣмъ, что Зыряновскій рудникъ, постоянно углубляясь, сильно затопляется водою производящею остановки работъ и что одной водоотливной машины, дѣйствующей водою, для осушки рудника недостаточно, а необходима паровая машина.

Вслѣдствіе такого донесенія былъ немедленно составленъ проектъ устройства паровой машины. Затѣмъ, паровая машина въ 60 силъ, оказавшаяся безъ употребленія на одномъ частномъ механическомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ Алтая, была пріобрѣтена для Зыряновскаго рудника **за 60,000 рублей,** хотя такую же можно было-бы купить (maximum!) **за 15,000 рублей.** Перевозка купленой машины съ завода на рудникъ, за 800 верстъ, обошлась **въ 10,000 рублей.** Кромѣ того для постановки машины проектировалось построить особенное помѣщеніе, на которое по смѣтѣ было назначено **30,000 рублей.** Въ Зыряновскъ посланъ былъ техникъ для постройки этого помѣщенія и установки машины, но приставъ раздумалъ строить тотчасъ же помѣщеніе для машины, на сумму предназначенную по смѣтѣ, предпочитая построить его исподоволь домашними средствами рудника. Путаясь въ своихъ хитроумныхъ соображеніяхъ объ устройствѣ паровой машины, приставъ не обращалъ уже никакого вниманія на поддержку и содержаніе въ исправности дѣйствовавшей до сего водоотливной машины, такъ что при первомъ поврежденіи ея, весною

1869 года, рудникъ почти совершенно затопило, и добыча руды сдѣлалась невозможною ....

Итакъ — вотъ картина: никакихъ запасовъ руды нѣтъ; богатѣйшій рудникъ затопленъ и еще не осушенъ; добыча изъ него рудъ, до осушки и устройства ходовъ, возможна только въ верхнихъ этажахъ — и то съ большими неудобствами! — Что же спрашивается будутъ дѣлать заводы?!.. Какую смѣту и какой нарядъ можно проектировать при такихъ обстоятельствахъ?!

Не наше дѣло предрѣшать такіе спеціальные вопросы. Вѣроятно ихъ разрѣшитъ сама алтайская администрація очень просто и *выгодно для себя*, съ той тонкой изворотливостью, къ которой она прибѣгаетъ обыкновенно, въ критическихъ обстоятельствахъ, расчитывая на безграничное довѣріе начальства къ ея безконтрольнымъ объясненіямъ.

Мы знаемъ только, что собранный по этому случаю Совѣтъ четыре мѣсяца составляетъ докладную записку о ревизіи рудника и придумываетъ для объясненія предъ правительствомъ зыряновскаго дѣла и имѣющейся въ виду незавидной для заводовъ перспективы разные мотивы — въ такой формѣ, чтобы не подвергнуть виновныхъ законной отвѣтственности и удержать за собою на будущее время серебро-плавильное и рудничное производство, съ которыми тѣсно связана широкая жизнь и благосостояніе настоящихъ и будущихъ „спеціалистовъ“ горнаго дѣла на Алтаѣ.

Въ этихъ-то видахъ, до приведенія въ лучшее состояніе Зыряновскаго рудника, проектируется сокращеніе расходовъ по разнымъ частямъ управленія и увеличеніе доходовъ по такимъ статьямъ, которыя прежде не замѣчались; составляется норма для настилки въ заводахъ другой шахты, болѣе выгодной противъ прежней въ расходѣ плавиленныхъ и горючихъ матеріаловъ; немедленно начата постройка помѣщенія для паровой машины. — Только, едва ли это всё не будетъ всё-таки напрасною тратою денегъ!

Для осушки рудника казалось-бы достаточно было и прежней водоотливной машины (7 лѣтъ дѣйствовавшей водою) если-бъ только содержать ее всегда въ исправности. — Паровая машина безъ всякаго сомнѣнія удобнѣе и надежнѣе, но для нея необходимо топливо, а Зыряновскій рудникъ, по своимъ мѣстнымъ условіямъ, не въ состояніи дать ей достаточнаго количества дровъ, — каменный же уголь въ окрестностяхъ рудника хотя и есть, но еще не разработанъ.

Наконецъ предполагается отречься на весь будущій годъ отъ такъ называемой „экономій“, чтобы сколько нибудь уменьшить цифру ожидаемыхъ убытковъ. — Послѣднее предположеніе, какъ небывальщина, долженствующая стать въ разрѣзъ съ самыми коренными убѣжденіями мѣстныхъ „спеціалистовъ“, представляется нѣсколько сомнительнымъ. Во всякомъ-же случаѣ позволимъ себѣ вопросъ: что же мѣшало ранѣе заявить такія благородныя побужденія во имя общественныхъ интересовъ, которымъ будто-бы исключительно служится?!

Мы остановились на созывѣ Совѣта. Какъ бы то ни было — а дѣло надо было такъ или иначе уладить: по неимѣнію годовой пропорціи наличной руды на заводахъ, ни годоваго запаса на рудникѣ — назначеннаго, какъ сказано, по смѣтѣ для выплавки наряда серебра — требовалась непремѣнно добыча руды.

Вызванъ былъ для объясненій въ Горный Совѣтъ приставъ Зыряновскаго рудника. Онъ увѣрялъ, что руда добыта и готова къ отпуску, что остановка только за перевозкой ея на заводы, и что содержаніе металла въ добытой рудѣ, по пробамъ рудника, вполнѣ соотвѣтствуетъ назначенію Совѣта.

Увѣренія пристава благосклонно принялъ и даже поддерживалъ вліятельный его тесть-покровитель, и только нѣкоторые изъ членовъ Совѣта рѣшились выразить свои сомнѣнія и заявить, что въ послѣднее время заводы получали руду гораздо съ бо́льшимъ несходствомъ въ пробахъ, нежели прежде, и съ значительными промедленіями въ отпускѣ.

Дѣлать было нечего: въ виду такого протеста волей-неволей пришлось строже изслѣдовать дѣло — и вотъ назначена была по крайней мѣрѣ „домашняя“ коммисія для освидѣтельствованія наличныхъ запасовъ рудника и руды, добытой для отпуска въ заводы на годовую потребность, а также для опробыванія содержанія этой руды.

При обревизованіи рудника коммисія не нашла ни того количества руды, которое, по увѣреніямъ пристава, было готово къ отпуску въ заводы, ни запасовъ, которые — на основаніи 2074 ст. VII Т. Св. Зак. Уст. Горн. — рудникъ долженъ былъ имѣть на-лицо, въ количествѣ годовой пропорціи, добытой и отсортированной. Имѣвшаяся на рудникѣ въ нѣсколькихъ кучахъ руда, по пробамъ, оказалась почти съ половиннымъ содержаніемъ серебра (противъ показаннаго по отчетамъ пристава); нѣсколько этажей рудника были затоплены водою такъ, что работы въ нихъ становились невозможными, а паровая машина, предназначенная для водоотлива и осушки рудника, стояла безъ всякаго употребленія и даже не была собрана; нѣкоторыя части ея, недослѣдовавшія до рудника, валялись гдѣ-то на пристани, верстъ за 60 отъ него. Наличное число рабочихъ людей было почти на половину менѣе опредѣленнаго по положенію, и при этомъ съ горными работниками не было установлено никакихъ законныхъ условій, такъ что каждый изъ рабочихъ являлся на работу по собственному своему расположенію, а не вслѣдствіе принятаго на себя обязательства работать въ указанное время за извѣстную плату; затѣмъ и всё хозяйство рудника оказалось въ самомъ распущенномъ состояніи.

Какъ образецъ можно привести слѣдующій случай: когда Коммисіи понадобился уголь для того, чтобы подвергнуть испытанію посредствомъ огненнаго дѣйствія вынутыя изъ разныхъ кучъ пробы, то на рудникѣ не оказалось требовавшагося количества угля, и поэтому коммисія вынуждена была послать за углемъ въ ближайшій курень. Между тѣмъ на рудникѣ су-

ществуютъ два кузнечныхъ горна для отковки и исправленія разныхъ инструментовъ, употребляемыхъ въ горныхъ рудничныхъ работахъ, постоянно въ значительномъ количествѣ потребляющіе уголь!

Вотъ въ какомъ видѣ найденъ былъ коммисіей одинъ изъ богатѣйшихъ рудниковъ Алтая, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ управленія, проектированнаго — въ видѣ „опыта“ — **главой мѣстной администраціи.** Результатомъ этого „опыта“ былъ быстрый и грандіозный ростъ благосостоянія его зятьевъ и положительное разстройство дѣлъ Зыряновскаго рудника!

Получивъ донесеніе коммисіи, начальникъ заводовъ — несмотря на близкое родство свое съ упомянутыми зыряновскими дѣятелями и на то покровительство, которое онъ оказывалъ имъ — выходя даже изъ предѣловъ своей власти — нашелся таки вынужденнымъ удалить ихъ отъ пробныхъ должностей, а на мѣста ихъ назначить новыхъ распорядителей, *но уже безъ тѣхъ преимуществъ, какія предоставлялись его зятьямъ*, а потому и главное завѣдываніе рудникомъ возложилъ снова на Управляющаго Змѣиногорскимъ краемъ.

Впрочемъ это удаленіе зятьевъ изъ Зыряновска послѣдовало не въ наказаніе ихъ, а, какъ и доказали послѣдствія, — только для виду.

При другихъ обстоятельствахъ такіе провинившіеся офицеры подлежали-бы за дѣйствія свои законной отвѣтственности и наказанію по суду, а въ данномъ случаѣ, удаливъ своихъ зятьевъ отъ завѣдомо вредной дѣятельности ихъ въ Зыряновскомъ рудникѣ, тесть-начальникъ и покровитель далъ каждому изъ нихъ другое служебное назначеніе, соотвѣтствовавшее ихъ чинамъ, и даже болѣе того — одинъ изъ нихъ получилъ высшую должность.

Зыряновская исторія надѣлала много хлопотъ всѣмъ, кто заинтересованъ будущностью горнаго дѣла на Алтаѣ. Она поселила даже нѣкоторый раздоръ и разладъ въ гармоніи цѣлаго строя мѣстной горной корпораціи. Нѣкоторые члены ея до-

бровольно оставили свою заманчивую службу и выгодную дѣятельность; другіе — враждуютъ и ссорятся изъ за „убѣжденій“; непокорные и правдивые люди, или такъ называемые здѣсь „вольнодумцы“, несочувственно относящіеся къ компрометирующему всѣхъ ихъ Зыряновскому дѣлу, — изгоняются изъ среды своихъ собратій и удаляются въ разные города Россійской Имперіи, или же оставляются сверхъ штата — безъ службы.

Упомянутая большая семья зыряновскихъ и другихъ мѣстныхъ дѣятелей и покровителей не терпитъ и гнететъ всякаго, даже своихъ сочленовъ, кто словомъ или примѣромъ осмѣлится безпокоить и возмущать щекотливую совѣсть всей корпораціи. *Это — отдѣльный міръ, мѣстная всеобъемлющая и всесокрушающая сила, особое царство полное лжи, произвола, несправедливостей, цинизма и другихъ смертныхъ грѣховъ, — и безнаказанность грѣшниковъ за самыя возмутительныя дѣйствія ихъ и проступки здѣсь полная.* Это уже не соляные, а каменные столпы — на прочномъ цементѣ, гораздо капитальнѣе, грандіознѣе и дороже размытыхъ водою Столповъ Сольгородскихъ, и разрушитъ ихъ не вода, а только время!

Поэтому-то главные виновники разоренія и затопленія Зыряновскаго рудника менѣе всѣхъ о немъ безпокоятся. Понятно, что съ мѣстно-корпоративной точки зрѣнія имъ и безпокоиться нечего: денегъ много, а отвѣтственности за нихъ — никакой; служба для нихъ открыта — по собственному ихъ выбору и желанію: весь Алтай, съ неисчерпаемыми его богатствами, въ полномъ ихъ распоряженіи; а честь и совѣсть .... конечно, на Алтаѣ существуютъ — но во всякомъ случаѣ не среди этихъ господъ!

Послѣ произведеннаго погрома, занявъ снова довольно видныя мѣста, блаженные зятьки теперь благодушествуютъ въ полнѣйшемъ служебномъ бездѣйствіи, занимаясь только одною спеціальною заботой: собираніемъ и сообщеніемъ своему вліятельному тестю-покровителю разныхъ городскихъ сплетень,

дрязгъ, и общественныхъ интригъ, а Юпитеръ-покровитель, денно и нощно окруженный сонмомъ родственниковъ-сотрудниковъ, любознательно слушаетъ ихъ скандалезные анекдоты и нескончаемыя легенды не отвлекаясь отъ этаго никакими дѣяніями своими по управленію или Горному Совѣту, и только отъ времени до времени, смотря по впечатлѣнію разсказа, или благосклонно улыбается, или хмуритъ свое величественное чело и поднимаетъ бровь, изъ подъ которой вылетаютъ молніеносные перуны, готовые обратить въ прахъ всякую представляющуюся по службѣ предъ мутныя очи деспота мелкую чиновную челядь, работающую, нищенствующую и пресмыкающуюся въ ожиданіи милостей, въ видѣ выгоднаго порученія, или же интереснаго мѣста отъ высокопоставленнаго въ этомъ маленькомъ міркѣ надменнаго покровителя зыряновскихъ разорителей.

Какой пользы можно ожидать отъ дѣлъ, которыми заправляютъ такіе дѣятели и покровители, — это всякій можетъ понять и безъ поясненій!

Много нужно времени, энергіи и труда со стороны новыхъ дѣятелей, чтобы вновь привести Зыряновскій рудникъ хоть только въ то положеніе, въ какомъ находился онъ до водворенія тамъ лакомыхъ зятьковъ благодушнаго тестя-начальника заводовъ.

Сколько ни хлопочетъ теперь мѣстная горная интеллигенція Алтая, она едва-ли въ этомъ году найдетъ возможнымъ исполнить нарядъ серебра по смѣтѣ на 1869 годъ, потому что для этого недостаетъ на заводахъ около 300 т. пуд. руды, или же — около 300 пуд. серебра.

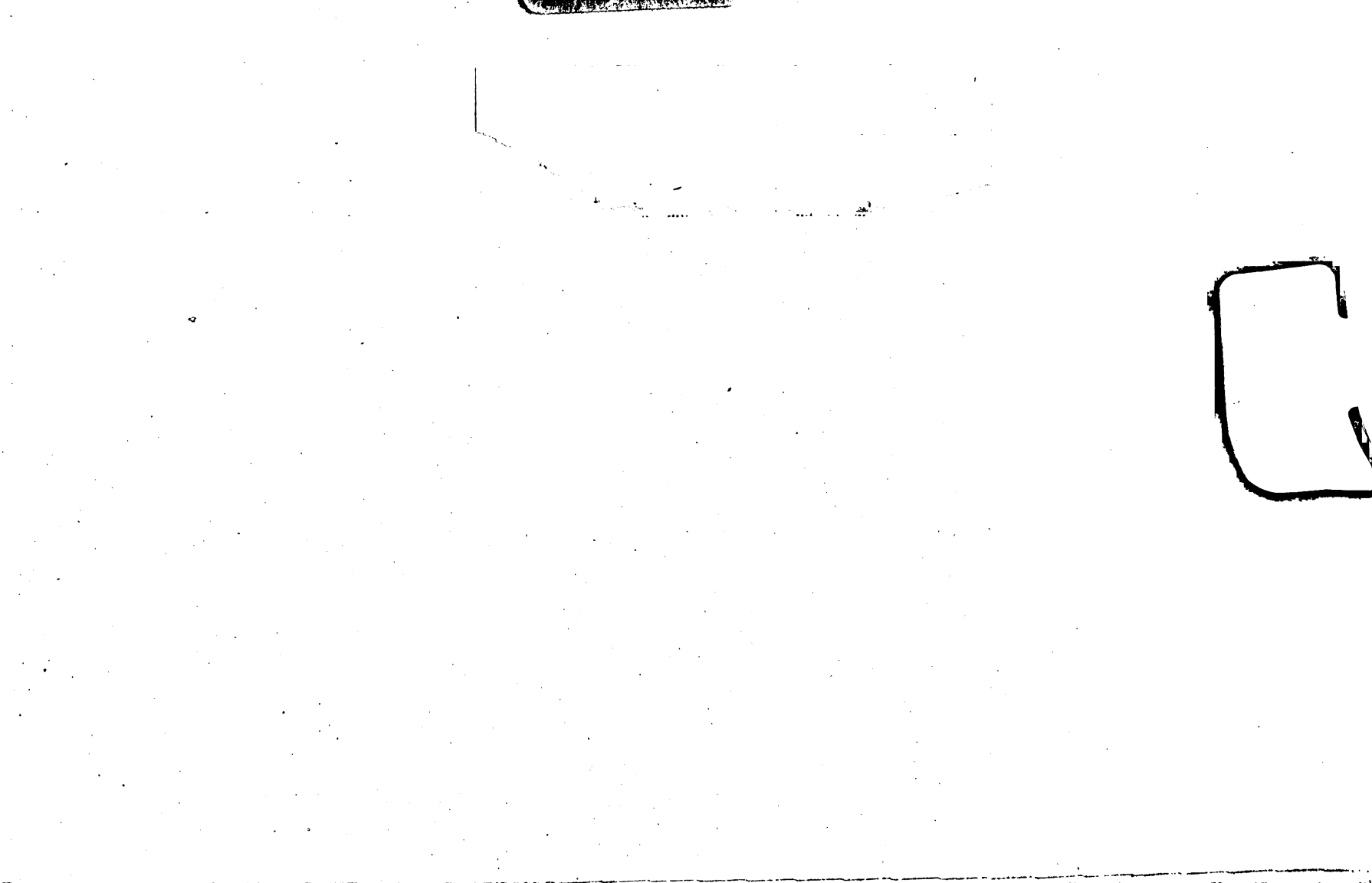
Если удастся осушить рудникъ, то, при усиленныхъ средствахъ, такое количество руды можетъ въ теченіи зимы быть добыто, но добытую руду нужно еще отправить до извѣстнаго пункта водою, потомъ сухимъ путемъ перевезти на заводы и, наконецъ, переплавить на серебро. Все это можетъ быть приведено въ исполненіе не ранѣе, какъ въ первыхъ лѣтнихъ мѣсяцахъ будущаго года, тогда какъ заводской годъ, а вмѣстѣ

съ нимъ и годовая операція заводовъ, кончается 1го числа Марта. — Слѣдовательно выполненіе нарядовъ перейдетъ въ будущій 1870й годъ, но на этотъ годъ должна быть составлена своя смѣта для будущей заводской операціи, что и ставитъ теперь въ тупикъ самыхъ завзятыхъ фантазеровъ Горнаго Совѣта.*)

*) Манускриптъ этой записки помѣченъ Февралемъ 1870го года.

АЛТАЙ И ЦАРЄТВОВАВШІЕ НА АЛТАѢ ПОРЯДКИ.

Оглавленіе.

Отъ издателя 3
Алтайскій Горный Округъ. Предисловіе 5
Начало заселенія края и учрежденіе горнаго промысла . . . 7
Географическое положеніе 11
Геолого-геогностическій краткій обзоръ 15
Рѣки и озера 22
Климатъ 24
Естественныя богатства 27
a) Горные богатства 28
b) Растительность . . . . . —
c) Животныя 30
Народонаселеніе . . . . . —
Религія 32
Народные нравы и обычаи . . . . . —
Населенныя мѣста 35
Жилища и зданія . . . . . —
Народное здравіе 36
Промышленность и торговля 37
Пути сообщенія 42

Ходъ развитія правительственныхъ заботъ о благосостояніи края. Общій порядокъ управленія 43
a) Горнозаводская часть 44
b) Отрасль судебная и администратывная 55
c) Часть медицинская 57
d) Часть учебная 58
e) Порядокъ продовольствія 60
f) Часть лѣсная . . . . . —
g) Права и обязанности рабочихъ и прочихъ классовъ:
1) бывшіе приписанными къ Горнозаводскому Управленію крестьяне 62
2) Горнозаводскіе рабочіе и мастеровые и нижніе военные чины 63
3) Городскія сословія 67
4) Войско, линейные казаки и прочія военныя силы 68
5) Инородцы 69
Заключеніе 71
Примѣчаніе 79
Зыряновскій рудникъ 81